

Елена Стоянова

**Метафора
сквозь призму
лингвокультурной
ситуации**

Университетско издателство
„Епископ Константин Преславски“
Шумен 2013

Рецензенты: проф. д-р Н. Цветова, проф. д-р В. Аврамова
Научен редактор: доц. д-р А. Николова

Стоянова Е. Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации. Шумен: Университетско издателство „Епископ Константин Преславски“, 2013. – 276 с.

Монография посвящена вопросам изучения метафоры как феномена языка и речи, культуры и мыслительной деятельности человека. В соответствии с постулатами когнитивной теории и положением о стадийной взаимозависимости языка и культуры, метафора рассматривается в качестве синкретического способа концептуализации лингвокультурной ситуации как отображения корреляции между состоянием общества, уровнем развития общественного сознания и вербальной фиксацией в рамках определенного временного среза лингвокультуры.

© Елена Стоянова – автор, 2013

ISBN 978-954-577-663-2

© Университетско издателство „Епископ Константин Преславски“
Шумен, 2013

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Метафора и лингвокультурная ситуация ..	19
1.1. Лингвокультурная ситуация как временной срез лингвокультурной среды	19
1.1.1. Лингвокультурная среда и ее типы.....	19
1.1.1.1. Исторический тип лингвокультурной среды ...	25
1.1.1.2. Социальный тип лингвокультурной среды	33
1.1.2. Лингвокультурная ситуация и ее параметры	40
1.2. Способы концептуализации лингвокультурной ситуации	44
1.3. Метафора как синкретический способ концептуализации лингвокультурной ситуации	53
1.4. Эпохальная метафора как когнитивный механизм фиксирования изменений лингвокультурной ситуации	60
1.4.1. Метафора тоталитарного периода	65
1.4.1.1. Советская метафора 30-70 годов XX столетия ..	65
1.4.1.2. Метафора периода перестройки	69
1.4.2. Метафора конца XX столетия	72
1.4.3. Метафора начала XXI столетия.....	76
1.5. Взаимосвязь и взаимовлияние метафоры и лингвокультурной ситуации.....	84
Глава 2. Дом как феномен славянской лингвокультуры	93
2.1. Дом в культуре славян	93
2.2. Дом как микрокосм.....	103
2.3. Дом в дихотомии <i>свой - чужой</i> как базовой структуре культуры	107
2.4. Дом и его семантическое пространство.....	111
2.5. Архетипы и символы как основа формирования культурного феномена 'дом'.....	116

2.6. Символические функции конструктивных элементов дома.....	119
2.7. Мифологема 'дом – человек' как отражение традиционных представлений о доме	136
2.8. Дом как элемент метрическо-эталонной сферы....	149
Глава 3. Архитектурная метафора в рамках современной лингвокультурной ситуации	154
3.1. Артефакт как элемент культуры.....	154
3.2. Архитектурная метафора как составная часть артефактной метафоры	158
3.3. Строительная метафора.....	162
3.4. Метафора дома как объекта строительства.....	188
3.4.1. Становление и развитие метафоры дома как объекта строительства	188
3.4.2. Метафора дома как объекта строительства в рамках современной лингвокультурной ситуации	190
Заключение.....	241
Библиография.....	245

Введение

Метафора - это отличительный признак гения, ибо способность образовать хорошую метафору есть способность распознавать сходство.

Аристотель

Термин ‘метафора’ (от греч. *metaphora* ‘перенесение’) известен очень давно. Существует множество гипотез, объясняющих его происхождение. Чаще всего слово связывают с ‘амфорой’, обозначающей ‘сосуд для перенесения чего-либо’. Это объяснение как нельзя точно передает предназначение метафоры. Ведь метафора, обнаружив сходство в природе, в силу особенностей сенсорных механизмов, взаимодействующих с психикой, переносит свойства и характеристики одного предмета или явления на другой, позволяя человеку соизмерять казалось бы, на первый взгляд, несоизмеримое, и создавать новое знание, используя накопленный опыт. На протяжении более двух тысячелетий, начиная с периода античности и до наших дней, наука постоянно обращается к осмыслению метафоры. Однако даже сейчас все еще нельзя утверждать, что ученые полностью постигли этот феномен языка и речи, культуры и мыслительной деятельности человека.

Метафора очень сложна и многогранна: она действует на уровне языка, выполняя номинативную функцию и существуя в виде *мертвой*¹ (то есть устойчивой) метафоры в его словарном запасе; функционирует на уровне речи, вспыхивая в процессе речевого акта в виде *живой*

¹ Под терминами *мертвая* или *стертая* метафора понимается устойчивая, кодифицированная в языке метафора, функционирующая в виде фразеологической единицы.

метафоры в том или ином дискурсе; немаловажным является ее действие и на уровне модели мира, где метафора как *модельный конструкт* структурирует и концептуализирует окружающую действительность в сознании человека на основе осмысленного знания, опыта и традиций национально-культурной общности.

Толчок к всестороннему изучению метафоры в науке второй половины XX века дают когнитивные исследования и оформление новой когнитивно-дискурсивной методологии как нового этапа постижения взаимодействий языка и мышления, языка и культуры (Н.Ф.Алефиренко, Н.Д.Арутюнова, А.Н.Баранов, М.Джонсон, И.М.Кобозева, Е.С.Кубрякова, Н.А.Кузьмина, Д.Лакофф, В.А.Маслова, М.В.Никитина, Е.О.Опарина, А.Ортони, П.Рикер, Э.Рош и др.).

Интерес к метафоре в современной науке связан, с одной стороны, с использованием новой методологии ее исследования в рамках антропоцентрической научной парадигмы, в соответствии с которой языковая единица оказывается зависимой от процессов категоризации и концептуализации действительности, осуществляемых человеком на основе накопленного опыта и знаний о мире. Язык при этом выступает не просто объектом исследований, а, как пишет Е.С.Кубрякова, „средством доступа к ментальным процессам” в его различных дискурсивных проявлениях [Кубрякова 2004: 9]. В этом плане метафора является незаменимым орудием представления и структурирования информации, средством отображения ментальных процессов в языке и способом формирования нового знания.

С другой стороны, причиной активности метафорических исследований в наши дни является экспансионизм и интегративность современной науки. Складывание научных направлений „стыкового” характера,

объединивших усилия смежных областей знания и опосредованно связанных с лингвистикой, дает, по мнению исследователей, возможность «преодолеть ограниченность "узковедомственного" изучения фактов и тем самым обеспечить новые ракурсы их видения и объяснения» [Залевская 1999: 10]. В аспекте междисциплинарных разработок метафора служит в качестве узлового, связующего звена в процессе взаимодействия многогранного знания.

Характерной особенностью нашего времени является стирание научно-методологических границ и реализация антропологического принципа исследования на междисциплинарном уровне – при этом наблюдается формирование новых исследовательских зон и контактных с ними областей [Димитрова 2009: 165]. Современная антропоцентрическая научная парадигма ставит во главу угла человека, в соответствии с философским принципом относительности знания, сформулированным еще древнегреческим философом Протагором: *„Человек есть мера всех вещей: существующих – что они существуют, для несуществующих – что они не существуют“*.

Философская идея человека-меры находит активное приложение в современной научной методологии. При этом четко прослеживаются две основные тенденции: *антропоцентризм*, согласно которому при объяснении явлений и процессов действительности в центр внимания ставится человек и *антропостремительные тенденции*, предполагающие изучение окружающего мира, в центре которого стоит человек [Булгакова, Захаренко, Красных 2004: 66]. Таким образом, человек, с одной стороны, становится мерилom окружающего мира и основой его концептуализации, а с другой – воспринимается сквозь призму окружающего его мира. Отсюда вытекают два круга проблем: *человек в языке и язык в человеке*.

Разновидностью антропоцентризма считается *антропоморфизм* (от греч. ανθρωπος ‘человек’, морфэ ‘вид’), связанный с бессознательным наделянием предметов, явлений и мифологических созданий человеческими качествами. На ранних этапах развития общества антропоморфизм существует в качестве единственной возможности познания и объяснения мира. Человек создает *модель мира*² по своему образу и подобию. Подобное очеловечивание мира находит широкое распространение и в современной метафорической номинации. Это происходит, как отмечает У.Куайн, по причине фундаментальности для нашего языка и мышления ощущения подобия [Quine 1977: 157; цит. по Арутюнова 1990-б: 15].

Базовым понятием науки на современном этапе является дискурс (от лат. discursus ‘рассуждение’), определяющий суть нового подхода. Несмотря на многозначность в понимании указанного понятия, термин становится научной универсалией, представляющей функционально-коммуникативную реализацию языкового кода. В широком понимании дискурс – это не только результат речевой деятельности, но и сам динамический процесс, в основе которого лежит языковая личность [Арутюнова 1990-бв; Ван Дейк 1997; Кибрик, Плунгян 2002; Красных 2003 и др.]. Более того „это единство процесса языковой деятельности и ее результата”, охватывающее не только процесс создания текста, но и его понимание [Кибрик 2003 и др.]. Именно поэтому понятие дискурса включает в себя сознание. А.А.Залевская отмечает, что само по себе «тело текста», взятое «без означивающего его человека, не содержит никакой-либо

² Синонимичными считаются терминологические сочетания *модель мира, картина мира, видение мира и мировидение.*

внутренней энергии, не может самоорганизовываться структурно» [Залевская 2002: 64]. А дискурсоведение становится логическим развитием междисциплинарной науки.

Дискурс имеет сложную структуру. Причем, по мнению Е.С.Кубряковой, на одном полюсе континуума находится «стереотипная, клишированная и почти автоматически совершаемая речь, для описания которой, возможно, и достаточно небольшого аппарата с небольшим типом конструкций и единиц. Зато на другом полюсе этой деятельности – новаторство, творчество, выходы за установленные барьеры» [Кубрякова 1986: 112]. В иерархическую совокупность разнородного знания в дискурсе включаются разнообразные составляющие (информационная, культурная, социальная и другие), находящиеся в состоянии когезии. Значит, и метафора как показатель стереотипа и проявление творчества имеет указанные характеристики и выступает важной составляющей дискурса.

При когнитивно-дискурсивном подходе языковые явления рассматриваются в тесной связи с когнитивными процессами³ функционирования, хранения и структурирования информации (память, внимание, сознание, понимание, категоризация, лексикон и др.), которые тесно связаны с речемыслительной деятельностью человека, и служат средством фиксации, хранения, трансляции, переработки и модификации знания. В этом плане языковой материал дает ключ к объяснению многих ментальных процессов.

С дискурсом связано сознательное или неосознанное использование языковой личностью утвержденных в

³ Исследователи выделяют две группы когнитивных процессов: on-line (связанные с функционированием языка) и off-line (связанные с хранением и организацией информации) [см., например, Кибрик 2003: 24].

лингвокультуре схем и моделей, необходимых для решения коммуникативных задач. Его организующим структурным элементом становятся модельные конструкты, в частности метафора. В качестве когнитивной модели метафора является собой фреймо-слотовую сущность, где фрейм – это структура, способ представления и хранения знания, а слот выступает его подструктурой, реализацией валентных связей, ассоциативных векторов, представляющих определенные типы информации, релевантные для описываемого ситуативного фрагмента действительности.

Понятие метафорической модели прочно утверждается в науке в последние десятилетия XX века в связи с развитием теории метафорического моделирования как механизма организации и представления знаний человека об окружающем мире, их упорядочения и систематизации, регулирования поведения в определенных ситуациях. Теоретической базой метафорического моделирования служат два научных направления: теория регулярной многозначности, разрабатываемая российскими лингвистами в рамках структурно-семантического описания языка (Ю.Д.Апресян, Д.Н.Шмелев, Л.В.Балашова, Л.А.Новиков, И.А.Стернин, А.П.Чудинов и др.), и теория концептуальной метафоры как направление когнитивной лингвистики (Дж.Лакофф, М.Джонсон и др.).

Метафорическая модель (М-модель) воспринимается в качестве когнитивного механизма на уровне сознания и служит инструментом исследования процесса метафоризации. Осуществляя хранение, структурирование и обработку информации в мозгу человека метафора относится к оф-лайн-выявлениям его когнитивной деятельности. Наше понимание М-модели базируется на двухкомпонентном пространстве – наличии структуры источника (исходной понятийной области, часто номинируемой как сфера-донор) и структуры цели как новой

понятийной области (называемой также сфера-мишень / сфера-реципиент метафорической экспансии), в основе которых лежит идея подобия. В ходе метафоризации как процесса осмысления и концептуализации действительности, неизменно сталкиваются и взаимодействуют две когнитивные структуры (понятийные области), то есть осуществляется когнитивное событие приложения одного фрагмента действительности к другому, одна сфера проецируется на другую, в результате чего происходит формирование нового знания. Метафора, таким образом, осуществляет взаимодействие *язык – мышление – культура*.

Теория фреймов, создателем которой является М.Минский [1978, 1979, 1988], дает возможность изучения понятийных структур и их языковой репрезентации. Фреймо-слотовая методика активно используется современными исследователями, поскольку она предоставляет реальную возможность постижения способов восприятия и осмысления мира человеком и последующего его структурирования. Указанная методика прилагается для исследования когнитивного пространства и семантической сферы языка, объединяя языковую и внеязыковую действительность посредством отражения человеческого знания и опыта в семантике языковой единицы.

Интегративный характер современной науки обуславливает необходимость комплексного подхода в метафорических исследованиях. Ведь метафора, по определению В.В.Красных [2002: 12], представляется «единицей культурно-исторического пласта ментально-лингвального комплекса» и, соответственно, является проявлением специфики языка, мышления и культуры. Несмотря на то, что когнитологи первого поколения пытались отвлечься от влияния культурологического фактора, с развитием когнитивной науки когнитологи

второго поколения пришли к выводу, что без его учета невозможно создать полную и достоверную картину исследования. Парадигма лингвокультурного изучения метафоры неизменно приводит к обращению к когнитивным процессам. Ведь «именно в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры» [Карасик, Слышкин 2001: 76].

На основании анализа разноплановой научной литературы о метафоре и в соответствии с когнитивной и лингвокультурной направленностью данного исследования, в монографии оформляется понимание *метафоры* как органично присущей образному строю человеческого мышления категориально-понятийной, системно организованной языковой структуры, закрепляющей универсальную для процесса познания и обусловленную культурным фактором когнитивную проекцию на данный предмет (явление) характерных черт другого предмета (явления) на основе ассоциации подобия. Метафора рассматривается как механизм познания и средство кодифицирования знания в языке.

Современные исследования ищут доказательства предположению, что метафора как тип познания способна оказать существенное влияние на человеческое миропонимание, так как метафора является особым типом знания, соизмеримым с личным и коллективным опытом, с интуицией человека. Преимущество развития культуры и реализация коммуникативных отношений в обществе обуславливают сохранение языком определенных мифологических и архетипических представлений, присущих тому или иному этносу эталонов и стереотипов. При этом метафора базируется на характерных для

определенной лингвокультуры⁴ ассоциациях, транслируя из поколения в поколение национальное культурное богатство, но в то же время внося новую струю в воспроизводство традиционного знания. С этой точки зрения, интересным и важным представляется рассмотрение движения метафоры (от мифа к ее современной актуализации), установление действенности мифа и его влияния на семантические векторы и связи метафорических моделей.

В монографии метафора квалифицируется в качестве способа представления лингвокультурной ситуации (далее – ЛКС). Для выявления и обозначения национальной специфики российского медиадискурса в качестве фона используется метафорика болгарского медиадискурса. Мы базируемся на теории лингвокультурной ситуации, которую разрабатывает, обобщая и систематизируя опыт российских и европейских культурологов, проф. В.М.Шаклеин [1997]. Указанную теорию берут на вооружение многие лингвисты и культурологи как в России, так и за ее пределами. В современной науке понятие ЛКС уже занимает позиции „константы этнической культуры”. Процессы глобализации, характерные для современного мира, стимулируют культурно-языковые процессы в рамках современной ЛКС. В.М.Шаклеин обращает внимание на тот факт, что „данная глобальность – не что иное, как развитие глубинных культурных основ, на которых собственно и держится вся история этноса” [Шаклеин 2012: 175].

Многое меняется в современном мире, но язык продолжает оставаться звеном, связывающим между собой этнос, культуру и общество. В наши дни внимание исследователей привлекает язык массмедиа. Он быстрее других реагирует на изменения в жизни социума и отражает

⁴ Под лингвокультурой понимается особый тип взаимосвязи языка и культуры, результатом такого взаимодействия становятся специфические лингвокультурные концептуальные образования.

активные языковые процессы на всех уровнях. В силу разгула, широты размаха и всеобъемлющего характера этих процессов, язык современных средств массовой информации (СМИ) квалифицируют в качестве «медийной языковой вакханалии» [Евтимова 2011], которая в наше время становится неотъемлемой характеристикой российского и болгарского медийных дискурсов.

На специфику медиадискурса обращают внимание многие исследователи (В.Н.Базылев, А.Н.Баранов, Э.В.Будаев, Е.Добрева, В.З.Демьянков, О.П.Ермакова, Е.А.Земская, И.М.Кобозева, В.Г.Костомаров, П.Серио, Т.Г.Скребцова, Г.Я.Солганик, Ю.Б.Феденева, Л.Цонева, А.П.Чудинов, Е.И.Шейгал и др.). Его особенности в различных лингвокультурах формируют не только языковые, но и медийные факторы. Причем в характеристике российского и болгарского медиадискурсов фиксируется определенное сходство. Эклектика стилей (в частности, снижение в медиаязыке тональности и стирание стилистической дистанции между газетно-публицистической и разговорной речью), жанровая и тематическая разноплановость текстов – все это происходит на фоне заметно ощутимой нормокультивирующей и манипулятивной значимости современных СМИ. Неслучайно массмедиа называют «четвертой ветвью власти». Кроме того, в качестве специфической особенности российских массмедиа можно отметить создание типизированной языковой личности чиновника, обуславливающее в русском языке засилье бюрократического терминологического инструментария, который на основе фатической иммитации быстро входит в речевой обиход [см. Карасик 2003; Химик 2008; Шаклеин 2012 и др.]. В болгарской ЛКС исследователи отмечают заметную зависимость активности метафоры от метафорического арсенала политических субъектов и их

популярности на политической арене [см. подр. Цонева 2012-а: 47-48].

Изменение статуса СМИ, вовлеченных в рыночные отношения и ориентированных на выполнение политического или социального заказа, борьба за рейтинг приводит не только к модификациям подачи информации, но и стиранию границ в ориентации СМИ на определенную аудиторию. Нивелирование социальной составляющей, на наш взгляд, приводит к существенным изменениям в восприятии адресата – создается образ непрерывной, комплексной, интеллектуальной среды с заметно сниженным культурным цензом, условно объединяющей большинство населения страны. СМИ начинают работать с обобщенным, усредненным адресатом, взращенным некой идеализированной, типизированной лингвокультурной средой. С одной стороны, это ведет к обилию прецедентных имен, «мертвых» метафор и т.д. как культуросносных единиц, которые якобы должны быть хорошо знакомы аудитории как представителям той или иной лингвокультуры. А с другой – стремление завладеть и манипулировать адресатом детерминирует и «оправдывает» стилевое снижение языка и панибратство, вместо пропаганды «идеальной» языковой модели для подражания.

Искажение реальности, представляемое медийным дискурсом, о котором пишет Е.Добрева [2011], достигается, в частности, с помощью метафоры. Метафора по своей сущности многофункциональна, а в массмедиа она выступает наиболее действенным средством передачи выразительности, оценочности, аргументативности, агрессивности, полемичности и манипулятивности. В решении коммуникативных задач она представляет собой важное средство воздействия на интеллект, волю и эмоциональное состояние адресата. Кроме того, метафора обладает интерактивной способностью сглаживать острые

углы, но при этом не нести ответственности за сказанное, демонстрировать неоднозначность мысли и усиливать субъективизм в ее восприятии и понимании. ИмPLICITное манипулятивное действие метафоры хорошо вписывается в функционально-прагматические параметры медийного дискурса, предназначенного не описывать ситуацию, а убеждать, пробуждая в адресате намерения, давать почву для убеждения и побуждать к действию, предлагая некую схему [Bauley 1985: 104]. Иными словами, его целью является не простая референция, а когниция.

В медиатекстах активно используются когнитивные возможности метафоры. И хотя метафоры – „это всего лишь образы, которые не могут заменить рациональной аргументации, но человек устроен так, что для него аналоговые инструменты значимы не в меньшей степени, чем строго логические доказательства” [Чудинов 2001: 13]. Включаясь в систему образов, используемых для пропаганды тех или иных идей, метафора начинает функционировать на уровне конструирования символического пространства социума, становится материалом формирования коллективных представлений и идеологических доктрин. Она обладает свойством навязывать определенный ход мыслей и модель поведения.

Очень часто, разрушая старую категориальную сетку, метафора приводит к декатегоризации, а затем ведет к формированию новой категориальной сетки, характеризующейся изменением стандартного представления о фрагменте действительности. Поэтому активная языковая игра и метафорическое моделирование, имPLICITно воздействуя на человека, способны вызывать переконцептуализацию мира в сознании носителей той или иной лингвокультуры.

Глобализация современного мира, как всеобщая тенденция развития лингвокультур, ведет к

универсализации медиадискурса и часто обуславливает зеркальность метафорических образов, функционирующих в различных языках. Наверное, нет языка, в котором бы не был популярен образ *коридоров власти*. После выхода романа английского писателя и политика Чарльза Перси Сноу «Corridors of Power» о *коридорах власти* заговорили по всему миру (ср. англ. *Corridors of Power*, русск. *коридоры власти*, болг. *коридорите на властта*, польск. *korytarzach władzy*, укр. *коридори влади*, нем. *Korridore der Macht*, ит. *corridoi del potere*, фр. *couloirs du pouvoir*, исп. *pasillos del poder*, алб. *korridoret e pushtetit*, тур. *iktidar koridorlarında* и др.). Указанная метафора уже на протяжении долгого времени является квалификацией властных структур и, постепенно приобретая черты устойчивости, даже начинает обрастать различными окказиональными оттенками в той или иной лингвокультуре.

Основываясь на стадильной зависимости языка и культуры, в соответствии с которой «определенному уровню развития культуры примерно соответствует определенное развитие языка» [Шаклеин 2012: 274], мы пытаемся оценить лингвокультурную ситуацию начала XXI века в России и Болгарии по метафорическому материалу периода 2000 – 2012 гг. Указанный временной промежуток характеризуется значительной метафоричностью как в российском, так и в болгарском медиадискурсах. В исследовании мы абстрагируемся от жанрового разнообразия, тематической ориентации медиатекста и от авторства медийной продукции. Хотя, несомненно, процесс метафорического творчества является зависимым от идиолекта [см. подр. Димитрова 2009]. Мы оцениваем ЛКС по метафорической картине, а в данном случае по развитию и активности одной метафорической модели как способа представления лингвокультурной ситуации.

Начало нового тысячелетия как переходный этап часто, и наверное, не без основания, характеризуют как период *безвременья*. А годы начала XXI века получают немного странное название - «*нулевые*». Ноль, как известно, в математике относится к таким действительным числам, от прибавления которых другое число не изменяется, то есть обозначает пустоту, отсутствие значимости. Действительно ли лингвокультурная ситуация нулевых столь незначима?

Завершилось XX столетие, полное революционных потрясений и перемен. Что же нам несут „нулевые“? Как работает новая смысловая матрица в начале XXI века? Какова она, лингвокультурная ситуация и метафора „нулевых“?

Глава 1

Метафора и лингвокультурная ситуация

Язык не существует вне тех,
кто думает и говорит на нем
Развитие языков ... есть только
один из видов развития общества.
Ж. Вандриес

Культуру можно определить как то,
что данное общество делает и думает.
Язык же есть то, как думают.
Э.Сепир

1.1. Лингвокультурная ситуация как временной срез лингвокультурной среды

1.1.1. Лингвокультурная среда и ее типы

Проблема *среды* в науке начинает изучаться давно, но с течением времени в исследованиях изменяются акценты в ее понимании и осмыслении. В начале XX века проявляется многоликая типология среды: классовая, общественная, духовная, социальная, природная, эмоциональная и др. Проблематика «человек – среда» обозначается биологами и психологами (И.М.Сеченов, И.П.Павлов, Л.С.Выготский), приобретая впоследствии еще бóльшую значимость, в связи с утверждением определяющей роли среды в процессе становления личности. Ведутся исследования *культурной среды* и ее сущности (А.И.Арнольдov, С.Э.Зуев, Н.Ничков, Э.А.Орлова, Ю.Д.Красильников, О.В.Ромах и др.). Объединяющая личностные, вещественные, нормативные, духовно-идеологические свойства, культурная среда

понимается как "устойчивая совокупность личностных и вещественных элементов данной культуры, духовно-идеологических отношений и институтов" [цит. по Ромах 1997: 44].

Междисциплинарный характер современной науки дает возможность исследователям вновь обратиться к проблематике *среды*, в частности в связи с изучением вопросов становления языковой личности. Причем под языковой личностью понимается "совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)" [Караулов 1989: 3]. Выделяемые в формировании ее модели вербально-семантический, когнитивный и прагматический уровни обуславливают необходимость изучения различных ее сторон (Ю.Н.Караулов, Т.Н.Снитко, В.П.Нерознак, С.Г.Воркачев, В.И.Карасик В.И.Шаховский).

Формирование ценностной личности не может происходить вне культурной среды, вне исторического, социального и локального контекстов. Поэтому исследователями уделяется большое внимание изучению среды как культурно-образовательного инструмента, основным принципом которого выступает жизнедеятельность человека в рамках определенной среды [см.подр. Иванов 2006]. С этой точки зрения, культурная среда представляет собой систему находящихся во взаимодействии социальных институтов (семья, школа, культурно-информационный центры / дома культуры, СМИ, местная власть и т.д.), связанных между собой историко-культурной традицией. С другой стороны, внимание ученых (В.А.Сластенин, Н.Б.Крылова и др.) сосредоточено на территориальном компоненте культурной среды – ведь успешное становление личности происходит в тесной взаимосвязи с малой родиной, то есть конкретным местом, где родился и живет человек.

Когнитивный и лингвокультурный подходы как составляющие новой научной методологии в понятие *среды* включают корреляцию: динамизм современности ~ традиционность. Важное значение для ее осознания имеет разработанная В.В.Красных [1998: 41-45] схема структурирования ментального пространства, в котором условно вычленяются три вида ментальных структур, таких как: 1) индивидуальное когнитивное пространство, то есть знания и представления, характеризующие человека как личность, 2) коллективное когнитивное пространство или знания и представления, определяющие принадлежность человека к той или иной социальной группе, 3) когнитивная база, то есть те знания и представления, которые объединяют всех носителей этих знаний и представлений в "национально-лингво-культурное сообщество". Таким образом, развитие и становление личности происходит под воздействием социокультурного окружения, путем впитывания национального и общекультурного богатства.

В качестве системы ценностей, влияющей на развитие человека, культурная среда становится непосредственным символическим фоном и детерминантой нашего обыденного существования. Ведь культура как целостная среда и формирует национально-культурную общность, то есть делает, по словам Д.С.Лихачева, „людей, населяющих определенное пространство, из просто населения – народом, нацией” [Лихачев 1994: 3]. Именно поэтому культурная среда необходима человеку для развития его духовности, для его духовной оседлости, привязанности к родным местам, следованию заветам предков, для его нравственной самодисциплины и социальности. На протяжении всей жизни человека *среда* является активным воздействующим и регламентирующим фактором. И человек всю жизнь несет на себе отпечаток определенной культурной среды и ощущение принадлежности к ней.

Вступление в непосредственный и продолжительный контакт с иной (чужой) культурой вызывает у человека психическое потрясение, так называемый "культурный шок" или "стресс аккультурации". Адаптация к новой культуре представляется сложным и длительным процессом, так как человек и в новой культурной среде продолжает ощущать себя частью той социокультурной системы, в которой он формировался, и поэтому пытается изо всех сил приспособить заложенные и приобретенные стереотипы к новой обстановке. Дж.Берри выделяет в процессе аккультурации две основные группы проблем: во-первых, в какой степени человеком признается важность сохранения культурной идентичности и, во-вторых, в какой степени ему следует включаться в иную культуру [Berry 1976]. В зависимости от ответа на эти вопросы выделяются четыре стратегии аккультурации: *ассимиляция*, *сепарация*, *маргинализация* и *интеграция*. В соответствии с указанными процессами, человек или растворяется в новой культурной среде, или не принимает ее, продолжая оставаться среди «своих», или находит какую-то возможность интегрироваться в ней. Но и адаптация человека в новой культуре не стирает основополагающих ценностных ориентиров его национальной культуры. Они остаются неизблемыми. Почему же это происходит?

Культурная среда выступает своеобразной *средой памяти*. По Дж.Хонигману, культурную среду формируют социально стандартизированные действия, идеи и артефакты как созданная человеком характеристика окружения [Личность, культура, этнос 2001]. Культурная принадлежность задается в человеке генетическим кодом, закладывается и развивается той средой, в которой он рос и воспитывался, где происходило его формирование и становление как личности. Процессы инкультурации – срастания с родной культурой, и аккультурации –

изменения материальной культуры, обычаев, верований, происходящих при непосредственном контакте и взаимовлиянии разных социокультурных систем, находятся в тесной взаимосвязи.

Проблема *аккультурации*⁵ привлекает многих ученых (М.Мид, Б.Малиновский), исследователи разрабатывают типовую модель, создают теорию культурных паттернов (от англ. 'образец, шаблон, система') (Р.Бенедикт, А.Кребер, К.Клакхон), разграничивают две группы: группу *реципиент*, в которой культурные паттерны изменяются, и *донор*, в которой культурные паттерны остаются неизменными (М.Херсковиц) и др. Несомненно, аккультурация способна описать контакты представителей разных культур. Результатом таких контактов является восприятие человеком новых культурных норм и ценностей. В этой связи аккультурация представляется необходимым и обязательным элементом межкультурного взаимопонимания и взаимодействия.

С развитием лингвокультурологии среда получает лингвокультурное освещение и воспринимается в качестве активного лингвокультурного инструмента в процессе формирования языковой личности. Исследователи начинают говорить о значимости в данном процессе *лингвокультурной среды*. Наряду с указанным так называемым культурным инстинктом, важную и определяющую роль играет и *языковой инстинкт*.⁶ Язык и культура воспринимаются в качестве компенсаторных видов человеческой деятельности, утверждаются как взаимосвязанные и взаимообусловленные понятия, поскольку язык не существует вне культуры, также и

⁵ Понятие 'аккультурация' начинает использоваться в американской культурной антропологии (Ф. Боас) с конца XIX века, а в 30-х годах XX века этот термин утверждается в мировой науке.

⁶ Термин Стивена Пинкера [Pinker 1994]

культура не может существовать вне языка. Язык является продуктом культуры, «условием» ее существования [Леви-Стросс 2001: 74], «инструментом» освоения культуры [Жинкин 1998: 146 - 162] и «путеводителем» для человека по социальной действительности [Сепир 1993: 259-265]. На этом основании необходимо говорить не просто о культурной среде, а именно о лингвокультурной среде.

Процесс *инкультурации*⁷ продолжается на протяжении всей жизни человека: он начинается с момента рождения и освоения языка, а заканчивается уходом человека из жизни. Необходимо учитывать и тот факт, что человек приходит в мир уже установленных, готовых, языковых норм и культурных формул, которые составляют его лингвокультурную реальность. В этом процессе важны два аспекта: с одной стороны, человек впитывает в себя языковые формы и значения, принимая их как данность. Это происходит в детстве и юности. С другой стороны, человек сознательно сортирует, изменяет и пополняет свой лингвокультурный багаж. С помощью языка осуществляется трансмиссия и развитие культуры, поэтому можно утверждать, что лингвокультурная среда выступает в качестве детерминирующего фактора в жизни человека.

Несомненно, что историко-культурная традиция является не единственной движущей силой лингвокультуры. Более того В.М.Шаклеин подчеркивает, что основным фактором любого периода развития общества „выступает не столько историческая традиция, <...> сколько обыденность, в которой все мы живем” [Шаклеин 2012: 273]. Часто человек оказывается зависимым просто от того окружения, в котором он существует и с которым он взаимодействует. Следовательно, на формирование личности оказывают влияние различные факторы.

⁷ Процесс инкультурации происходит параллельно процессу социализации.

Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что на становление лингвокультурной личности важную роль оказывают экономико-политический и социо-этнический контексты лингвокультурной среды. В качестве определяющих факторов лингвокультурной среды выделяются, такие как: социально-экономическое, политическое, историческое состояние государства (или территории), его языковой и этнический состав, официальная религия как историко-культурное мироощущение нации и принадлежность населения к той или иной конфессиональной группе [см.Шаклеин 1998]. Особая роль в процессе становления личности отводится конфессиональному фактору как неотъемлемому компоненту национальной культуры, который выполняет роль своеобразного связующего звена, создавая ощущение принадлежности человека к данной культуре и выступая его лингвокультурной характеристикой. Религиозное мировоззрение задает человеку определенные культурные предписания и модели поведения.

Далее мы остановимся более подробно на двух основных типах лингвокультурной среды - историческом и социальном, поскольку на формирование человека, на наш взгляд, первостепенное влияние оказывают именно эти пространственно-временные факторы.

1.1.1.1. Исторический тип лингвокультурной среды

В диалектике развития человеческого общества культура занимает центральное место. Именно поэтому сохранению и передаче последующим поколениям культурного богатства, накопленного на протяжении исторического развития национально-культурной общности, должно уделяться первостепенное внимание. Академик Д.С.Лихачев называет этот процесс «культурной

экологией» [Лихачев 1984: 47-72]. Культурное наследие – это не просто исторические памятники той или иной эпохи, а сложившиеся на данной территории историко-культурные связи, которые распространяются на установившийся природный и архитектурный баланс, бытовые и эстетические навыки, систему национальных взглядов и представлений, отражаемых в языке. Формирование духовного уклада жизни происходит веками, поэтому бережное отношение к сформировавшимся лингвокультурным ценностям позволяет не просто их защитить, но и сохранить их преемственность. Понятие *традиция* и означает передачу от поколения к поколению навыков, понятий, основ культуры и является важнейшим фактором существования исторического контекста лингвокультурной среды.

Изучая особенности действия культурных механизмов, М.Коул [1994; 1997] отмечает, что «только человек, использующий культуру, может “достигать” культурного прошлого, проецировать его на (идеально-концептуальное) будущее и затем “привносить” это идеально-концептуальное будущее “назад” в настоящее и создавать тем самым социокультурную среду для “новоприбывшего”» [Коул 1994: 14]. Создаваемые культурной средой специфичные «рамки» обуславливают развитие лингвокультуры. А „проекция” прошлого на будущее, о которой говорит М.Коул, есть не что иное как традиция. Таким образом, историческое развитие лингвокультурной среды происходит на основе утвердившихся национально-культурных традиций, но оно не стирает, а увязывает и развивает их.

Кодирование информации об окружающем мире и ее трансляция осуществляется действенным, образным и символическим способами [Bruner, Olver et al. 1966; Брунер, Олвер, Гринфилд 1971; Брунер 1977]. Костяк любой

национальной культуры составляют так называемые *архетипы*, или первообразы культурной среды. Это такие формы когнитивного опыта, которые передаются из поколения в поколение генетически и/или в процессе социального наследования. Именно на их основе происходит формирование типических представлений, которые часто называют *имаго* (от лат. *imago* ‘образ, вид’). В научной литературе подобного рода когнитивные единицы номинируют по-разному: *априорные категории* (И.Кант), *иррациональный опыт* (Фр. Шеллинг), *архетипы коллективного бессознательного* (Г.Юнг), *имаго-образы* (З.Фрейд) и т.д.

Термин *архетип* этимологически восходит к латинскому *типос*, что означает ‘печать, отпечаток’. Отпечатки мифологических представлений и исторического опыта в виде набора имаго-образов представляют собой своеобразный синтез коллективного и личного бессознательного в качестве своеобразной связи наследуемых культурных традиций. Система имаго-образов, как доказано исследованиями З.Фрейда [1992], реконструирует сообщества на основании глубинно-психологического анализа символического содержания культурной традиции и актуальной лингвокультурной среды, в которой осуществляется деятельность представителей той или иной национально-культурной общности.

Передача историко-культурной информации образно-символического кодирования может происходить на генетическом уровне, а также посредством знаков, символов, среди которых важная роль отводится языку и артефактам как основным формам существования культурной памяти. *Артефакт* представляется в качестве изначального и развивающегося способа бытия, а *текст* – более позднего, поскольку он возникает на этапе

письменной идентификации культуры. Культурные артефакты как трансформации и модификации в развитии культурного наследия объединяют в себе идеальное, или символическое, и материальное начала. Исследователи подчеркивают особую значимость идеального содержания артефактов как опосредованного культурного знания. Например, М.Коул считает, что в них «в идеальной форме воплощены существенные ограничения тех взаимодействий, частью которых они являлись ранее, и которые они опосредствуют в настоящем» [Коул 1994: 7]. Р.Д'Андрад воспринимает артефакты в качестве человеческих идей, овеществленных в материальной форме [D'Andrade 1986: 22]. Таким образом, артефакт представляет собой реальный объект или материальную оболочку символического содержания как мировоззренческого опыта. На этом основании трансляция артефакта может происходить как на реальном, так и на идеальном уровнях. Во втором случае на помощь артефактной трансмиссии приходит текст, осуществляющий перемещение культурной памяти из реального бытия на уровень реконструированного, идеального бытия, посредством которого оно и транслируется. Кроме того, С.В.Дементьева [2000] отмечает, что наряду с ценностями, в тексте могут откристаллизовываться и нормы, задающие последующим поколениям новую ценностно-смысловую парадигму. Однако это не означает, что артефакты сами по себе не принимают участия в формировании онтологических признаков и моделей поведения (Ср. создаваемые сознанием третичные артефакты, по классификации М.Вартовского [Wartofsky 1979: 208]).

Как уже отмечалось выше, важная роль в трансляции культуры отводится языку. Язык выполняет функцию связующего звена между человеком, культурой и обществом, осуществляя передачу накопленного в ходе

исторического развития народа культурного богатства. Более того, язык действует и на межкультурном уровне. Фридрих Шлегель, например, говорит о том, что «различные эпохи в древнейшем языковом созидании образуют именно различные ступени культуры в процессе развития человеческого духа. И язык вообще как нить воспоминания и традиции, соединяющая все народы друг с другом в их последовательности, это как бы общая память и великий орган воспоминания всего человеческого рода» [Шлегель 1983: 364]. Следовательно, к историко-культурному богатству нации неизменно присоединяется общечеловеческое наследие цивилизаций. Историко-культурный опыт людей может кодироваться и действенным способом, проявляясь на уровне невербального общения - в мимике, жестах, телодвижениях, и даже в технологиях. Для успешного осуществления коммуникации человек должен обладать полным набором составляющих языкового и культурного кодов, иными словами, лингвокультурной компетентностью.

Временная протяженность как фактор исторического развития общества позволяет наблюдать изменение лингвокультурного типа среды во времени. В лингвокультурной среде различается ряд исторических типов. Их хронология и периодизация достаточно сложны. В связи с линейностью или цикличностью развития общества формируются христианская, рационалистическая, цивилизационная концепции культурно-исторического процесса. Представленные в науке многочисленные типологии различаются принципами выделения исторических типов и этапов культур: это онтологический (Д.К.Фейблмана), семиотический (Ю.М.Лотман), коммуникационный (М.Мак-Люэн) принципы, комплексная характеристика материальной и духовной культур (Л.Морган) и др. Но, в конечном счете, все выделяемые

культурно-исторические эпохи демонстрируют тот или иной уровень развития человеческого сознания.

В традиционной периодизации истории обычно выделяются *древний* и *средневековый* периоды, эпоха *Возрождения* и *Новое* (новейшее) время [см. Шишова и др. 2000]. В культурно-историческом аспекте, на наш взгляд, интерес представляет концепция американского философа и культуролога Д.К.Фейблмана, который на основе изменений в мировосприятии выделяет семь основных идеальных типов культуры: ранние - *допервобытный*, *первобытный*, *военный*, *религиозный* и развитые - *цивилизационный*, *научный* и *постнаучный*. Автор считает, что последний тип культуры ближе всех подойдет к созданию совершенного общества, когда человек не только обладает информацией как объективным представлением о действительности, но вмещает ее в личностную структуру сознания как некий смыслообразующий и организующий интеллектуальный и эмоциональный мир «элемент» [Антология исследований культуры 2001].

В концепции Ю.М.Лотмана [2000] выделяется два типа культуры: *дописьменная* и *письменная*. Канадский культуролог М.Мак-Люэн в своей типологической концепции акцентирует внимание на трех исторических типах культуры: *культуру устной традиции*; *культуру письменной и печатной традиции*; а также современный, так называемый *электронный тип культуры*. Последний тип культуры направлен на подмену исторической и личной памяти техническими возможностями и достижениями. Еще в середине XX века М.Мак-Люэн предвидел и указал на манипулятивную силу средств массовой информации как детерминирующего фактора культуры. Автор был убежден, что СМИ непременно должны стать объектом исследований [McLuhan 1962; Мак-Люэн 2005].

Несомненный мировоззренческий характер носят выделяемые в ходе развития общечеловеческой культуры этапы доминирования *мифологической*, *космологической*, *антропологической* и *технологической* культур, отражающих тип социальной организации и специфическое отношение человека к миру. Указанные этапы подробно изучаются лингвистами, философами, психологами и культурологами (С.Б.Бондаренко, Л.Леви-Брюль, К.Леви-Стросс, А.Ф.Лосев, Б.Малиновский, Л.А.Максименко, Г.Спенсер, Э. Тейлор и др.)

Первым общеисторическим типом культуры предстает мифологическая культура, или культура архаической эпохи. В рамках этой древней культуры мир существует в гармонии и, в силу специфики мышления и неразличения естественного и сверхъестественного, осваивается человеком на основе образно-чувственного, эмпирического восприятия. Мифология существует в качестве формы мировоззрения древнего человека, способа его понимания мира.

Естественным продолжением мифологической культуры на более высоком уровне развития человеческого сознания служит космологическая культура, сопровождавшая развитие древних цивилизаций. На первый план в ней выдвигается тождество человека и природы, установление органической связи человека (как части Вселенной) и Космоса в целом. Природа воспринимается в качестве организующей силы и лежит в основе формирующихся натурфилософских воззрений как проявления определенного типа рационализма.

Концептуализация мира по образу и подобию человека начинается в рамках мифологической культуры и носит антропоморфный характер. В период так называемой антропологической культуры понятие человека провозглашается в качестве основного. Человек начинает

восприниматься как творец и исследователь, активно вмешивающийся в естественные процессы, что приводит к постепенному нарушению гармонии с природой.

Технологическая культура отражает овладение человеком мощнейшими техническими средствами и технологиями, что характерно и для современной культуры. Указанная культура отличается динамизмом и требует постоянного совершенствования технологических процессов на основе непрерывного роста научного знания и информации. Однако технологическая культура сегодня обнаруживает существенные ограничения ассимиляционных возможностей природной среды, а также адаптационных способностей самого человека.

Несмотря на множество классификаций и подходов к периодизации культуры и способов ее описания в историческом аспекте, можно утверждать, что любая лингвокультурная среда обладает универсальным набором ценностей, составляющих ее незыблемую основу, фундамент. А характер каждой культуры определяется понятием ментальности как уровня развития человеческого сознания. Несомненным является тот факт, что каждая историческая эпоха отличается особым мировоззренческим компонентом, закладываемым на бессознательном уровне и развиваемым осознанно в рамках определенного исторического типа лингвокультурной среды. Сказанное выше дает основание определить лингвокультурную среду в качестве детерминанты историко-культурного наследия и типических представлений, формирование которых в человеке начинается с детства, наслаиваясь на генетическую карту культурного бессознательного. Ценности и господствующие в обществе на определенном историческом этапе идеи влияют на общее мировоззрение личности, на ее жизненные ключевые позиции и менталитетные характеристики [Бабошина 2006: 78-93].

Культурная историческая память, действуя по закону сохранения энергии, обеспечивает наложение культур и мировоззрений различных эпох, оформляя культуру этноса как целостную и органичную систему ценностей. А определенный исторический тип лингвокультурной среды выступает этапом развития лингвокультуры с характерным только для него уровнем сознания, специфичным образом мышления и духовности.

1.1.1.2. Социальный тип лингвокультурной среды

Социальный тип лингвокультурной среды базируется на концепции “социальной личности”. Личность как принадлежность социума характеризуется более или менее осознанной системой идей: верований, установок, ценностей, чувств, характерных для данной социальной среды.

Одним из механизмов вхождения личности в культуру является ее *социализация*. Данное понятие появляется в науке в 30-х годах XX века. Социализацию можно определить как двоякий процесс: с одной стороны, это трансляция обществом социокультурного опыта – социальных норм, ценностей, ролей, обычаев, а с другой – усвоение и активное воспроизводство индивидом указанного социокультурного богатства. Это результат как целенаправленного формирования личности посредством воспитания и обучения, так и стихийного воздействия на личность жизненных ситуаций и обстоятельств. Человек находится во власти социализации всю свою жизнь, осваивая под давлением обстоятельств новые роли и модели поведения.

Процесс социализации проходит ряд стадий, которые называют стадиями жизненного цикла человека: *детство*, *юность*, *зрелость*, *старость*. Таким образом, специфика

социализации, активности и значимости ее процессов, проявляется во временном аспекте. Причем в различные периоды жизни человека доминируют и оказываются действенными различные социальные институты и рычаги. Человек интегрируется в определенные социальные среды.

Первичная социализация человека происходит в сфере межличностных отношений человека и начинается в семье. Ее агенты - ближайшее окружение человека: родители, братья, сестры, врачи и др. Посредством воспитания в семье происходит целенаправленное прививание определенных свойств и качеств, а также стихийное усвоение культурных норм, в частности путем подражания своим родителям, имитации и копирования модели поведения и лингвокультурного опыта.

Затем в процесс усвоения культурных норм и освоения социальных ролей включаются различные социальные институты. Это так называемая вторичная социализация, которая осуществляется в сфере социальных отношений, а ее агентами становятся представители различных государственных учреждений. В детстве – это ясли и детский сад, в юности – школа и вуз. По мере развития личности происходит постепенное ее включение в различные социальные учреждения, регламентирующие деятельность человека (в том числе и языковую). Немаловажное значение здесь имеет характер установленных контактов со своим социальным окружением (друзья, коллеги и пр.). Таким образом, поведение человека оказывается не просто зависимым, а подчиненным социальному типу лингвокультурной среды (непреренно находящемуся в прямой зависимости от лингвокультуры), в которую он интегрируется. Постепенно формируется социокультурная адекватность личности, корректировка параметров которой продолжается на протяжении всей жизни человека.

Социализация имеет две фазы – это социальная адаптация и интернализация (интериоризация). Иными словами, человек сначала приспосабливается к нормам и законам социокультурной среды, а затем социальные нормы и ценности становятся частью внутреннего мира человека [Ковалева 2004: 139-143]. Процесс освоения личностью ценностей и норм описывается исследователями через социальное взаимодействие (Г.Тард, Т.Парсонс и др.). Общие ценности и нормы осваиваются индивидом в процессе общения со «значимыми другими», в результате чего нормативные стандарты входят в структуру потребностей личности. Таким образом происходит проникновение культуры в мотивационную структуру индивида в рамках социальной системы [Parsons 1977; Парсонс 1994; Тард URL]. Следовательно, социальный тип лингвокультурной среды не менее важен, чем исторический. Ведь значимость культуры проявляется не только в накоплении культурного богатства, но и в активном его усвоении и использовании, что осуществляется в рамках определенной социальной среды.

Набор социальных факторов способствует пониманию, восприятию и утверждению национальных лингвокультурных ценностей, вкусов, правил и норм поведения различных групп общества. Поэтому можно утверждать, что лингвокультурная среда не является однородной, а существует в форме нескольких социальных типов, дифференциация которых регулируется социальной принадлежностью человека. Социальные типы различаются по уровню лингвокультурной насыщенности информационного пространства обитания и способам его воздействия на человека. Каждый социальный тип среды характеризуется и определенной спецификой лингвокультурных ценностей. „Индекс приоритетов ценностей”, - как пишут М.Джонсон и Дж.Лакофф, -

„определяется частично субкультурой, в которой живет индивид, а частично его личностными оценками и пристрастиями. Различные субкультуры в составе магистральной культуры обладают базисными ценностями, но присваивают им разные индексы приоритетов” [Лакофф, Джонсон 1990: 405]. Таким образом, восприятие и понимание мира, его познание находится в зависимости от социального фактора лингвокультурной среды, но в то же время корректируется личностными особенностями индивида. Именно поэтому исследователи разграничивают индивидуальное и коллективное бессознательное, врожденную универсальную символику, сформировавшуюся в процессе развития человечества, и уникальную специфичность личности. Нужно согласиться с мнением И.П.Меркулова [2005], который считает человеческое познание видоспецифичной формой информационного контроля окружающей среды и внутренних когнитивных состояний людей. При этом в процессе эволюции происходит как изменение когнитивных возможностей человека, так и видоизменение самой социокультурной среды, под влиянием которой находится человек и социум.

Наряду с субкультурами как социальным типом лингвокультурной среды, различаются социальные слои, социальные группы и подгруппы. Определяющим их свойством, по мнению М.Джонсона и Дж.Лакоффа, является тот факт, что их „члены разделяют некоторые важные ценностные принципы, противоречащие ценностям магистральной культуры. Другие же ценности магистральной культуры членами таких групп сохраняются подспудно”. Причем оказывается возможным существование отдельных личностей со своей системой приоритетов, которые также формируют свою социальную подгруппу [Лакофф, Джонсон 1990: 406]. Возникновение

социальных групп обуславливается общей деятельностью или кругом интересов того или иного коллектива на основе профессионального, возрастного, этнического и других объединяющих факторов. Тесное взаимодействие в группе детерминирует ментальные и дискурсивные особенности представителей данной социогруппы, формирует общность социокультурных ценностей и моделей поведения.

Таким образом, социальная среда оказывается разнородной по составу, пестрящей различными социальными слоями, что создает гетерогенные варианты менталитета соответствующих социальных групп с характерными особенностями речевых практик. Наблюдения исследователей свидетельствуют о возможности определенного влияния социальной группы на общенациональный менталитет и культуру. Примером служит интенсивное воздействие, описанное М.Ю.Олешковым, «гламурного» менталитета определенного слоя современного социума посредством СМИ на изменение, и даже деформацию, традиционной системы ценностей русского этноса [Олешков 2011: 92-113].

Многочисленный культурный багаж поколений передается с помощью языка. Возможно, поэтому степень «культурности» конкретного человека обычно оценивается по его словарному запасу. Само социокультурное расслоение людей в обществе определяется языковой компетентностью человека, принадлежащего к той или иной социальной группе. Так, например, А.Моль [2008] делит общество на четыре категории, оказывающие различное влияние на язык в зависимости от занимаемого в социальной пирамиде места:

- Категория творцов слов (ученые, писатели, инженерно-техническая интеллигенция);

- Образованная публика, которая считает себя способной судить об этих словах;
- Лица, использующие язык в профессиональных целях;
- Пассивная масса.

Автор вводит понятие *социокультурного цикла*, то есть цикличности движения информации и отводит определяющую роль в этом процессе средствам массовой коммуникации [Моль URL]. Идеи цикличности движения единиц культуры в обществе получают экспериментальное подтверждение в Европе. При этом устанавливаются закономерности перехода культурем от стадии их создания до превращения в материал для творческого осмысления в других категориях. Сравнивая традиционное и современное общество (соответственно „сетчатая” и „мозаичная” культура в терминологии А.Моля), автор указывает на сложность современного процесса восприятия и отображения внешнего мира. В эпоху технической (электронной) цивилизации, - пишет А.Моль, - «мы познаем этот мир методом проб и ошибок, от случая к случаю, и культура определяется скорее «количественно», суммой понятий, которые мы держим в памяти, чем в виде законченной структуры, организующей элементы знаний, как при гуманитарной культуре» [Моль 2008: 369]. Развивая идеи М.Мак-Люэна, М.Моль подчеркивает воздействующую роль на современном этапе средств массовой информации. Несомненно, лингвокультурная среда призвана посредством разного рода социальных средств и институтов оказывать влияние на формирование, пропаганду, сохранение и трансляцию основных лингвокультурных ценностей и установленных поведенческих норм социума.

Воздействие той или иной лингвокультурной среды может осуществляться помимо воли человека. Оно

органично вписывается в процесс формирования личности и происходит незаметно и неосознанно, как нечто само собой разумеющееся. Именно таким образом оказывают свое влияние на человека, например, средства массовой информации. В то же время процесс социализации сопровождается воспитанием, когда воспитатель (родитель, учитель и др.) целенаправленно воздействует на личность с целью достижения желаемого результата.

Человек, ограниченный рамками определенного социального типа лингвокультурной среды, подчиняется ей и действует в соответствии с ее законами и нормами. В аспекте социализации личности культура выступает и продуктом, и детерминантой систем межличностного социального взаимодействия [Парсонс 1994: 458]. Социокультурные факторы являются детерминантами и по отношению к уровню и темпам интеллектуального развития членов общества. Следовательно, социокультурная среда, с одной стороны, оказывает влияние на индивидуальные способности людей, проявляясь в формировании познавательного стиля личности, отражающего требования культуры того общества, в котором живет данная личность [см. Маккоби, Модiano 1971]. А с другой – представляет собой определенную рамку, ограничивающую ее развитие.

Процесс познания мира и его концептуализация отдельной личностью, группой, нацией всегда происходит в определенной социокультурной среде, прогнозирующей эту концептуализацию. В ее основе лежат национально-культурные ценности и установленные нормы поведения, которые в совокупности являют собой национальную символично-знаковую систему как отображение накопленного в процессе историко-культурного развития того или иного сообщества знаний и опыта. Языковая личность в рамках лингвокультурной среды воспринимает эти знания в качестве когнитивного кода генетически и

развивает в процессе последующей социализации. Воздействие определенного типа лингвокультурной среды осуществляется как неосознанно (генетически и манипулятивно), так и осознанно (путем обучения и воспитания).

1.1.2. Лингвокультурная ситуация и ее параметры

Одним из базовых понятий лингвокультурологии на современном этапе является *лингвокультурная ситуация*. Общие принципы лингвокультурной ситуации (ЛКС) представлены в работах В.М.Шаклеина, в том числе и в монографии „Лингвокультурная ситуация и исследование текста” [1997]. Под ЛКС понимается совокупность языка и культуры в их территориально-социальном взаимодействии, понимаемом как динамическое равновесие, в границах определенного региона или административно-политического образования в рамках определенного временного среза.

Обособлению понятия ЛКС способствует развитие лингвокультурных идей в России и труды многих ученых в области взаимодействия и взаимовлияния языка и культуры (В. фон Гумбольдт, А.А.Потебня, Э.Сепир, Б.Уорф, Ф. де Сосюр, Р.Барт, Г.Гийом, Т. ван Дейк, Н.Хомский, Л.Витгенштейн, М.Хайдеггер, Х.Ортега-и-Гассет и др.). Становление лингвокультурологии в конце XX столетия является тем необходимым толчком к изучению лингвокультурной ситуации и анализу текста, начатому в работах Т.М.Дридзе, Е.М.Верещагина, В.Г.Костомарова, Г.Я.Солганика и др.

Основное содержание концепции ЛКС базируется на «волнообразности движения общественного сознания» как отражения «логических и психологических механизмов организации процесса познания и освоения

действительности» [Шаклеин 1997; Маслов 1982: 3-34]. Поэтому и ЛКС, выступая конкретной формой реализации лингвокультурной системы на том или ином этапе ее развития, представляет собой «динамичный и волнообразный процесс взаимодействия языков и культур в исторически сложившихся культурных регионах, социальных средах» [Шаклеин 1997: 38]. К смене лингвокультурной ситуации приводит нарушение или изменение лингвокультурной целостности, совокупности установок, моделей и схем как проявления человеческого духа, характерных для той или иной национально-культурной общности (или уже - социокультурной группы).

ЛКС характеризуется многоаспектностью и многофакторностью. Среди факторов, определяющих ее характер и специфику, несомненно, на первом месте стоит временной показатель. Ведь ЛКС является, по сути, временным срезом лингвокультуры. Временной период дает возможность в определенной степени абстрагироваться от динамики лингвокультуры, ограничивая ее определенными рамками эпохи, и позволяет оценить конкретное ее состояние в данный момент.

При описании ЛКС необходимо учитывать и локальный / территориальный фактор, который играет роль пространственного ограничителя, способствуя фиксации специфики лингвокультурного развития конкретной территории. Поэтому столь важной является проблема исторической и лингвокультурной идентичности на региональном уровне.

Однако временной и пространственный показатели не являются достаточными в процессе детерминации специфики развития народа. Важное значение имеет социальный фактор или, как определяет его В.М.Шаклеин, „социальный страт с присущими ему мировоззренческими, бытовыми, образовательными характеристиками”, которые

вливают на формирование индивидуального языка, языка социальной группы или нации [Шаклеин 1997: 19]. Именно сочетание индивидуального языка с групповой и общенациональной лингвокультурной спецификой составляет сущность той или иной ЛКС.

Несмотря на то, что каждый индивид имеет свой образ мира, формирование его представлений об окружающей действительности и ее познание происходит в рамках той или иной культуры. *Концептуальная система*⁸ человека как непрерывно конструируемая совокупность информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире [Павиленис 1983: 280], существует в индивидуальном или групповом сознании в виде упорядоченной, открытой (постоянно развивающейся) системы. Она ориентируется на специфические, значимые и утвержденные в данной национально-культурной общности социальные, культурные, эстетические ценности, которые служат своеобразной основой концептуальной системы человека.

Моделируемый человеком образ мира отражает непосредственный эмпирический опыт, продуцируемый сквозь призму культуры. Можно сослаться на гипотезу «культурных знаков» Л.С.Выготского [1991: 5-18], согласно которой человек с рождения усваивает не только содержание культурного опыта, но приемы и формы

⁸ В монографии используется термин Р.И.Павилениса *концептуальная система* [Павиленис 1983]; в ряде работ указанная „мыслительная сфера, состоящая из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов (более или менее сложных комплексных образов внешнего мира), абстрактных сущностей, обобщающих разнообразие признаки внешнего мира” носит название *концептосфера* [Попова, Стернин 2007: 12] или *когнитивная база*, под которой понимается „структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингво-культурного сообщества” [Красных, Гудков, Захаренко, Багаева 1997; Гудков 2003] и др.

культурного поведения, культурные способы мышления. Лингвокультурная среда выступает тем посредником, с помощью которого происходит становление человека и формируется его восприятие и познание мира. Об этом пишет и М.Коул: человек и воспринимаемый им объект «связаны не только «прямо», но и одновременно «непрямо», через посредника, состоящего из артефактов, - культуры» [Коул 1997: 142]. В ключе современных когнитивных исследований необходимо подчеркнуть тот факт, что познавательная и коммуникативная деятельность человека осуществляется в рамках определенной культуры. А в основе концептуальной деятельности человека лежит лингвокультурная обусловленность, формируемая социальным и историческим типом лингвокультурной среды и определенной ЛКС.

Концептуализация мира языковой личностью, социальной группой (социумом) или национально-культурной общностью происходит на базе утвердившихся в данной лингвокультуре и характеризующихся устойчивостью единиц культуры, пополняясь опытом личности / социума. Поэтому можно утверждать, что сущностные черты ЛКС формируются в синтезе общенационального, группового и индивидуального знания в рамках конкретной эпохи.

Теория языковой относительности Сепира-Уорфа, устанавливая связь языка с мыслительными процессами, частично детерминирует процессы мышления системой языка. В соответствии с данной гипотезой, «...основа языковой системы любого языка (иными словами, грамматика) не есть просто инструмент для воспроизведения мыслей. Напротив, грамматика сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума» [Уорф 1999: 97]. Достижения современной науки (в частности

психолингвистики, нейропсихологии и когнитивистики) уточняют: мышление народа не обусловлено, а опосредовано языком. Языковой коллектив, связанный с определенной лингвокультурной средой, осваивает ее при меняющихся, но характерных именно для него социальных и культурных условиях, которые "навязывают" носителям данного языка специфический взгляд на тот или иной фрагмент действительности или являются призмой, сквозь которую преломляется восприятие окружающего мира. Посредством языкового инвентаря система значений и ассоциаций, подключаясь к концептуальной модели мира, окрашивает ее в национально-культурные цвета [см.Телия 1996: 175; 1988-б: 177].

Таким образом, на формирование модели мира и ее отображение в языке оказывает влияние детерминируемая лингвокультурой лингвокультурная среда как пространственно-временной социокультурный континуум. Можно утверждать, что лингвокультурная ситуация – это проявление своего рода моделирования мира на определенном этапе развития национально-культурной общности. Иными словами, ЛКС фиксирует корреляцию между состоянием общества и уровнем сознания социума в рамках определенного временного среза, проявляющуюся в специфике языковой репрезентации.

1.2. Способы концептуализации лингвокультурной ситуации

Концептуализация дефинируется как «процесс структуриации знания» [Кубрякова (КСКТ) 1996: 93]. Результатом этого процесса является *картина мира*⁹ как возникающий в сознании человека образ окружающей

⁹ Речь идет о когнитивной картине мира.

действительности. Концептуализация может осуществляться различными способами и средствами. В связи с этим З.Д.Попова и И.А.Стернин говорят о множественности картин мира: «картина одной и той же действительности, одного и того же мира может различаться – она может быть рациональной и чувственной; диалектической и метафизической; материалистической и идеалистической; теоретической и эмпирической, научной и «наивной», естественно-научной и религиозной; физической и химической и т.д.» [Попова, Стернин 2007: 4].

Вербальной репрезентацией концептуальной деятельности представляется *языковая картина мира*, под которой понимается опосредованная средствами языка структурированная модель мира в сознании человека. Любой язык фиксирует не фрагмент объективной действительности, а результат его восприятия человеком, который запечатлевается в словах, формах и синтаксических конструкциях и т.д. Не случайно В. фон Гумбольдт называет язык “обязательной предпосылкой мышления”, “промежуточным миром” между мышлением и действительностью, активным орудием в процессе превращения мира в мысли [Гумбольдт 1984: 77, 67, 70].

В то же время исследователями подчеркивается динамизм языка и, соответственно, движение в языковом отображении мира. Язык воспринимается как постоянно развивающаяся сущность, тесно связанная с развитием культуры и общества. Иными словами, в языке находят отражение различные этапы и уровни развития человеческого сознания. А ЛКС представляет тот или иной, определенный, к о н к р е т н ы й (разрядка – Е.С.) уровень сознания, присущий обществу в рамках определенного временного среза лингвокультурной среды, который находит отражение в языке, фиксируется определенными языковыми средствами.

Одним из направлений лингвокогнитивных исследований является изучение когнитивно-семантических категорий, посредством которых язык осуществляет концептуальное структурирование представлений об окружающей нас действительности. Концептуальная система представляет собой своего рода базу для осуществления мыслительных процессов. Как совокупность знаний в сознании человека она имеет категориальную и/или матричную организацию. Совокупность связей указанной организации создается за счет когнитивных структурных единиц, в основе которых лежат определенные когнитивные механизмы. По определению Е.С.Кубряковой, процесс концептуализации направлен на «выделение неких предельных для определенного уровня рассмотрения единиц (концептов) человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении» [Кубрякова 2004: 318].

Подтверждением структуриации знания в рамках концептуальной системы служат современные научные теории: теория фреймовой семантики Ч.Филлмора, теория метафоры Дж.Лакоффа и М.Джонсона, когнитивная грамматика Р.Ленекера, теория ментальных пространств Ж.Фоконье, теория прототипов Э.Рош и др. [см. Филлмор 1988: 52-92; Fauconnier 1994; Lakoff, Johnson 1980; Langacker 1987; Rosh 1975].

Концептуальный инструментарий исследователи называют по-разному: идеализированные когнитивные модели (ИКМ) (пропозициональные, схематические (образные), метафорические и метонимические модели) Дж.Лакоффа, „концепты-примитивы” А.Вежбицкой или "семантико-концептуальные примитивы" Р.Джакендоффа, «профиль» и «база» Р.Ленекера, концепты-представления, гештальты и концепты-понятия И.А.Стернина и Г.В.Быковой и др.

Одни из них являются элементарными и составляют аксиоматический фонд человечества, входя в когнитивное пространство языковой личности, его концептуальную систему. Это так называемый алфавит человеческих мыслей, усваиваемый человеком на бессознательном уровне и необходимый в качестве метаязыка для описания и толкования более сложных понятий. Например, по данным Т.В.Черниговской, человек рождается с заложенными в его концептуальную систему приблизительно 30 концептами движения и времени [Черниговская 2006: 84-99].

Другие - относятся к более сложным структурам и представляют разные уровни мыслительной абстракции. В частности, концепты как единицы ментального ресурса могут быть центральными для психики человека и отражаться в грамматике или служить каркасом лексического концептуального материала; структурно они могут состоять из одного слова, или иметь вид словосочетания или предложения и т.д. Указанные операционные единицы «по-разному группируются и по-разному вербализуются в разных языках в тесной зависимости от собственно лингвистических, прагматических и культурологических факторов» [Кубрякова / КСКТ 1996: 92-93].

В ходе эволюции происходит изменение способов концептуализации действительности. Прежде всего, это связано с особенностями архаичного и современного типов мышления. В основе каждого из указанных типов лежит определенная методология, которая сознательно или бессознательно формируется как отражение накопленного эмпирического опыта, на основе ощущения или осмысления мира. М. Мюллер подчеркивает противоречивый, диалектический характер мышления человека. Автор пишет: «Разве мы не употребляем выражений, которые после строгого анализа оказались бы лишеными всякого

вещественного основания, покоясь как земля на слоне, а слон на черепахе, качающейся в беспредельном пространстве?» [Мюллер 2002: 242].

Синкретизм мышления древнего человека на базе сочетания субъективного и объективного обуславливает существование мифологии как мировоззрения, основанного на образном эмоционально-чувственном восприятии мира и осмыслении окружающей действительности на основе бинарных оппозиций. В сферу действия мифологического мышления входят вера и суеверия, фольклор, моральные ориентиры и поведенческие нормы, стереотипы и представления национально-культурной общности, составляющие традиционный слой культуры. Мифология воспринимается частью транслируемого языкового мировидения. Мы не задумываемся, почему *солнце встает* или *ложится*, а лишь механично употребляем эти метафоры.

Во многом традиционные ценности детерминируют особенности самосознания и менталитета народа. Миф, сохраняемый языком, дает современному человеку готовую схему поведения и обуславливает его действия. Следовательно, можно говорить о «двойственной оценке мифологического мышления» [Топорков 1997: 311]. С одной стороны, миф рассматривается как закономерная и специфическая особенность восприятия и познания мира человеком на ранних стадиях развития, а с другой – признается в качестве вневременной составляющей мышления.

Репродуктивность мифа, о которой говорит М.Элиаде [2000: 12], обуславливает специфику вневременного функционирования *мифем*¹⁰ или *мифологем*, как структурных единиц мифа, делает их активными и сейчас. В

¹⁰ термин К. Леви-Стросса [2001: 212]

современном мире миф как результат технизации общества принимает форму ритуала, культа, вызывая изменение социального нормирования и коммуникационных средств [Giesecke 1998: 211-212 цит. по Питина 2002: 137-138]. Это, в свою очередь, обуславливает изменение когнитивной памяти и деформацию концептуальной системы человека, сознательно помещаемого на грани реального и вымышленного.

Современные исследователи, базируясь на теории единства мышления, воспринимают мифологическое мышление в качестве одного из видов мышления, направленного на объяснение мира, но функционирующего при дефиците знаний. Есть утверждения, что действие мифологического мышления осуществляется посредством наличия в сознании особой мифологической концептосферы [см. Питина 2002: 5].

Отголоски мифологического мышления находят реальное отражение в наши дни в бинарных оппозициях в структуре концептуальной метафоры (ср. ориентационная метафора, представляющая пространственную ориентацию человека на базе оппозиции: *верх-низ, далеко-близко*; онтологические метафоры: *белое-черное, хорошо-плохо* и др.). Несмотря на расширение концептуальной системы современного человека, миф как «первичная и всеобъемлющая реальность» - так его определяет К.Хюбнер, продолжает выглядеть фантастично в деталях и отклонять человека от реальности [Хюбнер 1996: 11, 340]. Именно дефицит информации часто является причиной широкого культивирования мифа в современной политической лингвистике.

В любом случае заметно ощутимой является ориентация модели мира в сторону мифа. Свидетельством этого является активность так называемого «мифологического прецедента», когда реальному событию

и лицу подыскивается прототип из мифологического прошлого [Цивьян 1990: 19]. Действительно, в наши дни герои мифа, наделенные сверхъестественной силой, продолжают пользоваться широкой популярностью в СМИ. Такими супергероями представляются различные исторические личности, окружаемые ореолом тайны и магии (ср. И.Сталин как хозяин и тиран эпохи, М.Горбачев как великий реформатор и др.).

Миф как мировоззренческая технология широко используется в массмедийном дискурсе в целях имплицитного воздействия и манипулирования (ср. рекламная деятельность, распространяющая мифы о товарах; пиар-компании, создающие мифы о политических деятелях и др.). Постепенно мифологема переходит в новое измерение - идеологема, и становится частью идеологии, управляющей национальным сознанием и конструирующей современную реальность.

Мышление человека включает в себя различные виды и формы мыслительных операций. Принято говорить о мышлении образном и безобразном. Идеи символической функции сознания и способности человека к образной репрезентации как отличительного свойства человеческого мышления на протяжении длительного периода разрабатываются исследователями (А.А.Потебня, Ф.И.Буслаев, А.Н.Веселовский, Э.Кассирер, и др.). Э.Кассирер различает два вида ментальной деятельности: метафорическое (мифо-поэтическое) и дискурсивно-логическое мышление, считая метафорическое освоение мира интенсивным в отличие от экстенсивного дискурсивно-логического пути. Толчком к неизбежной и необходимой метафорической номинации, равно как средством ее формирования, считается “духовное возбуждение, вызванное столкновением с объектами внешнего мира” [Кассирер 1990: 36]. На образно-

символической основе формируются основные категории модели мира - пространство, время и число.

Образное восприятие окружающей действительности лежит в основе конкретно-образного, наглядно-образного, ассоциативно-образного, абстрактно-образного мышления. Различие относится к механизму самой мыслительной операции, проявляющемуся по-разному на разных этапах развития. Указанные формы мышления можно рассматривать не только в качестве ступеней развития человеческого познания, но и в качестве аспектов единого мыслительного процесса [см. подр. Рубинштейн 1998]. Исследователями доказано, что самым поздним продуктом исторического развития является словесно-логическое мышление, а переход от наглядного к абстрактному мышлению составляет одну из линий этого развития, последовательными стадиями которого служат наглядно-действенное, наглядно-образное и словесно-логическое мышление.

Эволюция человеческого познания соотносима с процессом развития ребенка [см. Пиаже 1969, 1994]. Если обратиться к анализу изменений в мыслительной деятельности ребенка, то первой фазой можно считать конкретно-действенное мышление, вслед за ним появляется конкретно-образное мышление и лишь затем происходит развитие теоретических видов мыслительной деятельности: словесно-логического и абстрактного мышления.

Определенную аналогию сказанному выше можно установить, анализируя стадийность развития метафоры и процесс ее кодификации в языке. В ходе метафоризации отображение конкретной сферы-источника в сознании человека вызывает образно-ассоциативное представление, на базе которого происходит формирование нового понятийного знания. Вследствие чего понимание как последняя стадия когнитивного процесса также

основывается на образе, вызывающем к общей мысли, а впоследствии, посредством создаваемых новых оттенков, происходит его расширение и обновление. Таким образом, к отражаемому метафорой факту, основному смыслу, добавляется множество коннотативных нюансов, которые предстоит декодировать адресату.

Различия когнитивных операций, их целей, а также лежащих в их основе способов обобщения, позволяют говорить о возможностях различной концептуализации ЛКС как определенного среза лингвокультурной среды. Концептуализация ЛКС может осуществляться логическим, эмоциональным, интуитивным, поэтическим (художественным) и другими способами. Например, в основе художественного представления мира лежит конкретно-образное мышление человека, поэтому отображаемые языком образы художественных произведений носят индивидуальный, оригинальный и часто даже парадоксальный характер. Интуитивный способ связан с развитым у человека интуитивным мышлением, управляемым чувством. В Словаре терминов К.Юнга отмечается, что «в таком мышлении логические законы присутствуют лишь по видимости, в действительности же они сняты и заменены намерениями чувства» [Юнг URL].

Пример логического представления временного среза лингвокультуры и общественного сознания связан с методом моделирования как абстрактной организации ЛКС. Модели являются средством интерпретации содержательной стороны лингвокультурного состояния общества, механизмом организации знания человека об окружающем мире, его упорядочения и систематизации, регулирования поведения в определенных ситуациях. С их помощью анализируется развитие лингвокультурной системы и ее срезов. Поэтому можно утверждать, что

моделирование является не только средством изучения ЛКС, но и орудием исследования динамики всей системы.

Модели имеют обобщенный характер, что сказывается на интерпретации ЛКС и обуславливает неоднозначность ее оценки. В основе каждой модели лежит прототип как универсалия, присущая различным лингвокультурам и соотносимая хронологически с наиболее древними элементами лингвокультуры. Объединяющим фактором модели выступает человеческий фактор. Примером подобной концептуализации ЛКС служит метафорическое моделирование, при котором метафора как когнитивная модель выступает одновременно единицей концептуализации мира и структуризации концептуальной системы человека.

1.3. Метафора как синкретический способ концептуализации лингвокультурной ситуации

В силу метафоричности концептуальной системы человека, метафора является одним из основных механизмов, обеспечивающих в сознании человека структурирование действительного мира и накопленного им опыта. По мнению Дж.Лакоффа и М.Джонсона [1990: 392-415], концептуальная система человека содержит определенный набор конвенциональных метафорических проекций, используемых человеком подсознательно, автоматически – это так называемые *концептуальные метафоры*. Они представляются наиболее важными в мыслительной и речевой деятельности человека, в силу того, что они формируют концептуальные структуры более глобального уровня – *когнитивные модели*. Последние базируются на физическом и культурном опыте человека и лежат в основе когнитивного моделирования мира.

В классификации Дж.Лакоффа и М.Джонсона [1990: 392-415], в зависимости от организации мыслительной деятельности, выделяются *структурные* метафоры, способные структурно упорядочивать одно понятие в терминах другого на основе естественного опыта человека; *ориентационные*, фиксирующие физический и культурный опыт человека в пространственной ориентации, и *онтологические*, апеллирующие к опыту с физическими объектами и описывающие абстрактные явления (эмоции, идеи) как материальные субстанции.

Пространственная ориентация человека, базирующаяся на бинарной оппозиции ассоциаций мифологического мышления, представляется в виде различных противопоставлений («верх – низ», «внутри – снаружи», «перед - зад», «глубокий – мелкий», «центральный – периферийный»). Количественное ограничение пространства фиксируется *метафорами вместимости*. А *метафоры канала связи* играют важную роль в коммуникации и создают системность в осмыслении аспектов одного понятия в терминах другого.

В рамках когнитивной парадигмы исследований метафоре отводится важная роль в кодировании информации и ее трансформации из концептуальной области наблюдаемого ментального пространства на ненаблюдаемое. Выступая видением одного объекта через другой, она осуществляет структурирование ментального знания и его репрезентацию в языковой форме. Причем метафора относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным мыслительным пространствам, которые соотносятся с более простыми и конкретными. Метафоры структурируют человеческое восприятие, мышление и действия, являясь тем конститутивным элементом, организующим и упорядочивающим понятийную систему человека.

Метафора служит своего рода концептуальной моделью и оценивается как «когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания» [КСКТ 1996: 55]. Креативная природа метафоры обуславливает ее участие в процессе формирования нового восприятия, осознания и отображения объективной реальности.

Как когнитивный механизм и способ концептуализации мира метафора, в силу своей природы, характеризуется универсальностью. Однако В.Г.Гак, исследуя метафорическую типологию в функциональном аспекте, подчеркивает, что в различных языках наряду с универсальными моделями присутствует и специфическое моделирование [Гак 1998: 480-497]. Ведь при всей общности и универсальности когнитивных операций и фундаментальности общечеловеческих процессов в жизни каждого народа есть свойственные только ему специфические условия и объекты быта, среды, истории, культуры и др., привносящие национальную специфику в картирование мира. Целостность лингвокультурной характеристики человека оформляют социально-экономические, идеологические, общественно-политические, культурно-исторические особенности лингвокультурной среды.

Познавая мир, человек непременно адаптируется к происходящим изменениям окружающей его культурной среды. Посредником в этой адаптации является “универсально-предметный код” (термин Н.И.Жинкина [1964]), существующий в индивидуальном сознании в виде набора образов, схем, символов, стереотипов, и перекодирующийся впоследствии в вербальный язык. Отпечатки реальности на каждом историческом этапе развития лингвокультуры находятся в соответствии системе сложившихся в данном национально-культурном

коллективе традиционных образов и представлений, транслируемых из поколения в поколение. Закрепленная в концептуальной системе человека метафора выступает средством фиксирования изменений действительного мира и формирования нового знания. Г.Г.Кулиев отмечает, что “язык как постоянный процесс переконструирования семантического поля (матрицы значений) обеспечивает нас метафорами, необходимыми для освоения потока новой информации” [Кулиев 1987: 25]. Причем установлено, что метафорические понятия, в мире которых протекает жизнь человека, и культурные ценности образуют согласованную систему.

Поступательное движение лингвокультуры характеризуется определенными изменениями, суть которых отображается в рамках определенного временного среза лингвокультурной системы, то есть фиксируется определенной лингвокультурной ситуацией. Как утверждают М.Джонсон и Дж.Лакофф, между культурными ценностями нередко возникают конфликты, которые неизменно ведут к конфликтам между метафорами, которые ассоциируются с ними [Джонсон, Лакофф 1990: 405]. Таким образом, метафора реагирует на различные изменения в обществе, становясь их опосредованным отображением. Она фиксирует специфику той или иной ЛКС и воспроизводит определенный настрой эпохи.

С помощью метафоры как способа концептуализации мира происходит оформление некой ментальной целостности. Ведь метафоры, порожденные той или иной ЛКС, основываются на традиционном мировосприятии и миропонимании, характерном для представителей данной лингвокультуры. Кроме того, в концептуальную систему человека, упорядоченную метафорически, включаются и субъективные (индивидуальные) культурные приоритеты, приобретенные личностью или социальной группой в

рамках определенной лингвокультурной среды. Но они в общей сложности не противоречат лингвокультуре, поскольку индивидуальная система ценностей согласована с ориентационными метафорами магистральной культуры [Джонсон, Лакофф 1990: 406]. В рамках сложившейся национально-культурной общности формируется специфичная система информационной конвенциональности, имеющая конститутивное значение в процессе метафорического отражения действительности.

Следовательно, метафорическая картина мира оказывается в прямой зависимости от лингвокультуры и формируется под влиянием лингвокультурной среды, отражающей особенности культурных приоритетов национально-культурной общности на определенном этапе. Иными словами, метафорическая картина является отражением мыслительной активности нации и представлением специфики ее развития в рамках той или иной лингвокультурной ситуации. Ведь метафорическое моделирование как средство постижения и представления мира отражает, с одной стороны, процесс исторического формирования национально-культурной общности и многовековой опыт человечества, а с другой – фиксирует определенную ступень его развития, то есть конкретную ЛКС.

Метафора как модель выступает тем когнитивным феноменом, который лежит в основе возникновения «предсказуемой ассоциативной связи» (термин В.В.Красных [Красных 2002: 164]), позволяющей соотнести разнородные сущности с учетом этнокультурной специфики восприятия и членения в сознании человека окружающей действительности. Можно предположить, что не наличие универсальной концептуальной системы глубинных структур сознания, а именно особенности взаимосвязи и взаимодействия ее элементов или возникающие на их

основе конфигурации определяют национальную специфику мировосприятия и миропонимания той или иной лингвокультурной общности. Соответствующие концептуализации навязываются языковым сознанием, формирование которого происходит под влиянием геополитического и историко-культурного факторов.

Метафора как модель является когнитивной и психологической категорией, то есть подчиняется единым законам мышления. Универсальность когнитивных механизмов категоризации для всех представителей лингвокультур, как отмечает В.Крофт, обуславливает наличие универсальных языковых структур, универсальных грамматических категорий, а также организацию категорий вокруг прототипов. Это свидетельствует о том, что человек не просто познает мир, но активно и целеустремленно организует его определенным образом для конкретных целей [Croft 1991: 273]. Процесс метафоризации происходит по принципу инвариантности, позволяющему при переносе сохранять когнитивную топологию (структуру образа-схемы) понятийной области источника в соответствии с внутренней структурой понятийной области цели. Универсальность когнитивного механизма категоризации обуславливает присутствие аналогичных моделей в разных лингвокультурах. А метафорическую модель в этой связи можно считать инвариантной когнитивной структурой.

Модели, по мнению А.Я.Гуревича, являются „достаточно устойчивыми образованиями, определяющими человеческое восприятие действительности” в течение длительного периода [Гуревич 1999: 19]. Многие из них служат схемой представления архаичного знания, транслируемого как элемента коллективного бессознательного, но несмотря на это, они оказываются достаточно продуктивным семантическим средством в современном языке. Причем М-модель осуществляет, по

словам А.П.Чудинова, в сознании носителей языка типовое соотношение семантики находящихся в отношениях непосредственной мотивации первичных и вторичных значений [Чудинов 2001: 35]. М-модель представляет собой типовую схему, на основе которой, в соответствии с универсальностью течения мыслительного процесса и в силу национально-культурной специфики, происходит структурирование окружающего мира в сознании представителей лингвокультуры, а затем восприятие и понимание того или иного фрагмента мира.

Метафорическое моделирование как способ исследования метафоры в когнитивной науке (А.Н.Баранов, Ю.Н.Караулов, А.П.Чудинов, Э.В.Будаев и др.), основываясь на системности метафоры в понятийной сфере, позволяет выделить ряд метафорических моделей, которые являются универсальными и присутствуют в различных лингвокультурах. Это так называемые *базисные* (их называют еще концептуальные, ключевые или ценностно-прототипные¹¹) метафоры, которые выделяются исследователями как некая фундаментальная идея видения мира. К таковым относятся антропоморфная, социальная, природная и артефактная метафоры. Причем наблюдается различная активность базисных метафор в рамках той или иной ЛКС, а смена ЛКС ведет к смене ключевой метафоры и порождает новые субмодели.

Итак, мы приходим к выводу, что метафору можно рассматривать в качестве синкретического способа концептуализации ЛКС и лингвокультурной среды. Изначально заложенная в понятийную систему человека,

¹¹ В современном процессе метафоризации Г.М.Васильева выделяет «ценностно-прототипные метафоры», свидетельствующие «об определенной устойчивости языковой ментальности, восходящей к традиционно обусловленным ценностным интенциям национальной культуры» [Васильева URL].

метафора становится определяющим фактором поступков человека и его мышления.

Синкретизм метафоры как способа концептуализации мира проявляется в ее умении объединять и соотносить культурные ценности и опыт нации с новой реальной действительностью, что обуславливает способность метафоры, с одной стороны, оказывать влияние на состояние лингвокультурной среды на определенном временном срезе, а с другой - отражать лингвокультурную ситуацию как степень развития сознания лингвокультурной общности. С помощью метафоры происходит сочленение во времени модели реального мира и его преломления в сознании человека с последующим вербальным отображением.

1.4. „Эпохальная” метафора как когнитивный механизм фиксации изменений лингвокультурной ситуации

Одной из основных характеристик метафоры является ее эпохальность. Эпохальность понимается как свойство метафоры подчеркивать принадлежность к определенному времени, иными словами обеспечивать соотносимость метафоры с определенной ЛКС посредством кодирования восприятия эпохи и способа взаимодействия с реальностью. Указанная черта проявляется в отображении с помощью метафоры определенного настроения эпохи, специфики мировидения национально-культурной общности в рамках того или иного временного среза. Здесь метафорическая номинация предстает формой и средством выражения национального сознания. Переструктурирование образов и представлений в сознании человека ведет к смене базовой метафоры.

Основным признаком эпохальной метафоры можно считать новизну, поскольку метафора является реакцией на перемены. Обновление концептуальной метафоры достигается за счет подвижности ее структурно-семантических связей (путем актуализации или деформации известных, возникновения новых).

В работах многих лингвистов (Х.Ортега-и-Гассет, О.Шпенглер, И.К.Голенищев-Кутузов и др.) осуществляется попытка с помощью метафоры как особого типа мировосприятия определить некую ментальную целостность определенного временного среза культуры, воссоздается портрет эпохи и фиксируется дух времени. По характеру такой метафоры и ее смысловой и социальной направленности, как пишут А.Н.Баранов и Ю.Н.Караулов, можно понять менталитет общества в тот или иной период его развития [Баранов, Караулов 1991]. Метафора точно передает состояние эпохи, поскольку толчком к ее формированию служит фактор особого эмоционального напряжения как отображения времени.

Метафора становится эпохальной спустя некоторое время с момента ее появления, и тогда она уже определяется в качестве доминанты определенной эпохи. Такая метафора позволяет увидеть то, что является самым характерным, важным, неотъемлемым и специфическим для данного периода времени. Ведь метафора – это та схема, по которой живет человек и воспринимает окружающий его мир. Метафоры как модели, подобно эпохам, сменяют одна другую, высвечивают одни ассоциации и связи и оставляют в тени другие. Например, в процессе развития лингвистической науки актуализируются различные субмодели антропоморфной метафоры: биологическая концепция языка как организма порождает метафоры *живой, мертвый язык*; сравнительные теории предлагают метафору родства *языковая семья, родственные языки* и т.п.

А.П.Чудинов подчеркивает, что исследование базисных метафор - это своего рода ключ к выявлению особенностей национального сознания на определенном этапе развития общества [Чудинов 2008: 86 - 93].

Метафорический калейдоскоп как возможность отображения обновления и подвижности метафоры является отличительным показателем ЛКС. Так, например, телесный код является древнейшим универсальным способом концептуализации мира. Формирование соматической метафоры тесно связано с магическими действиями и архетипическими представлениями людей, находящихся во власти мифологического мышления. Погруженный в мир мифа человек, познавая окружающую его действительность, ищет подобия, он сравнивает мир с самым доступным и хорошо известным ему объектом – своим телом. Восприятие и понимание мира, а соответственно и его концептуализация, осуществляется сквозь призму человека и по его модели. Таким образом, в основе первоначальной концептуализации мира оказывается модель ‘мир ~ человек’: *в двух шагах, под рукой, на носу* и др. Ключевая метафора не исчезает, а переходит в "подсознание", пополняя своеобразную ячейку культурной памяти, продолжая невидимую смыслоформирующую работу, чтобы вспыхнуть вновь в новом виде.

С позиций антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание себя и своей деятельности в нем, структурирует его по своему образу и подобию. Такой способ концептуализации, несмотря на то, что указанная метафора является самой древней и традиционной, занимает центральное место и в современной жизни. А в медиатекстах телесная метафора становится орудием и средством отображения традиционного мировосприятия и реакцией на происходящие перемены. Универсальность метафоры как М-модели отнюдь не означает, что она

неподвижна. С.С. Гусев считает, что антропоморфная метафора, будучи фундаментальной в античной и средневековой культурах, возвращается в современный процесс познания, но уже в новых вариантах [Гусев 1988]. Возможно поэтому современную эпоху называют *антропологическим ренессансом*.

Сферическое восприятие мира, характерное для античности, сменяется христианским пониманием жизни как временного состояния, когда утверждается метафора 'пути'. Средневековую культуру пронизывает метафора 'суда'. На смену ей приходит видение мира как 'цепи' бытия, передающей точность и последовательность событий-звеньев. Эпоха барокко воспринимает мир как 'театр' или описывает его с помощью метафор 'сна', 'загадки' и 'обмана', воплощающих разные аспекты театральности. Новое индустриальное время приносит с собой метафору 'производства, механизма', когда человек и общество воспринимаются в виде сложной машины. В XIX и XX веках, отличающихся смешением стилей, выделяются такие метафоры, как 'мир - организм' и 'мир - точка'. В эпоху постмодернизма появляется характеристика мира как 'лабиринта', тогда же формируются представления о мире как 'тексте' или 'языке' - и это далеко не полный список эпохальных метафор в процессе развития мировой цивилизации [см. подр. Свирепо, Туманова 2004: 79-103].

Данные примеры метафор являются визитной карточкой той или иной эпохи, яркой иллюстрацией определенной лингвокультурной ситуации. Г. Пауль замечает, что по метафоре можно увидеть, какие интересы преобладают в народе в ту или иную эпоху, какие идеалы заложены в основу культуры на том или ином этапе ее развития [Пауль 1960: 115]. Продолжительное функционирование определенной модели приводит к утверждению в сознании человека стереотипного

представления, а кодификация метафоры означает пополнение языкового инструментария мертвыми (устойчивыми) метафорами.

Метафоры эпохи, как правило, не имеют автора, они часто основываются на конкретных метафорах или на целом метафорическом ряде, передающем атмосферу времени. Такая метафора выделяется на фоне других метафор своей яркостью и специфичностью. И совсем не обязательно, чтобы одна единственная метафора создавала портрет эпохи. ЛКС может быть охарактеризована с помощью ряда концептуальных метафор. С течением времени им на смену приходят другие, более точно отвечающие специфике новой ЛКС. И.П.Меркулов отмечает, что «культурная информация, представленная в виде образов, символов, знаков и т.д., смысл которых в той или иной степени остается скрытым, неосознаваемым или неэксплицированным, может выступать эффективной доминантой индивидуального поиска, эмоциональным личностным мотивом, целиком и полностью вовлекающим субъекта в процесс познания и практического преобразования как природного мира, так и мира культуры» [Меркулов 1993: 19-20]. Таким образом новая эпоха высвечивается сквозь призму образов и национально-культурных ценностей национально-культурной общности.

Новая ЛКС как новый поворот общественной мысли в лингвокультуре, переход нации на новый виток сознания, связанный с новым этапом развития общественно-политических и социально-экономических отношений, находит свое отображение в меняющейся концептуальной метафоре. Смена метафоры определяется изменениями общественного сознания и зависит от „эмоциогенного стимула” [Телия 1996: 187, 189], в результате действия которого возможна ситуация угасания метафоры (то есть

потеря собственно эмоционального заряда), что ведет к ее исчезновению или кодификации в языке.

Ниже предлагается схематичное представление с помощью метафоры ряда лингвокультурных ситуаций в России. Векторно (без претензии на полноту и совершенство), с помощью метафорических моделей, намечены характерные особенности той или иной ЛКС.

1.4.1. Метафора тоталитарного периода

1.4.1.1. Советская метафора 30-70-х годов XX столетия

Советский период в развитии России как общественно-политическая система (*совок, совдеп*) порождает свой вариант языка, который часто называют *деревянным, «дубовым», казенным, тоталитарным, советским новоязом* и др. Этот язык является не просто „способом проявления лояльности к властным структурам” [Будаев, Чудинов 2009: 26], но и орудием манипуляции указанной системы власти. Изучению языка советской эпохи посвящены многие труды российских и зарубежных исследователей ([Głowiński 1991], [Баранов, Караулов 1991, 1993, 1994], [Михеев 1991], [Баранов 1993], [Лассан 1995], [Левин 1998], [Тот 1998], [Мокиенко, Никитина 1998], [Бельчиков 2000], [Вайс 2000], [Андерсон 2006; Anderson URL], [Серио 2008], [Будаев, Чудинов 2009], [Шмелев 2009], [Разинкина URL] и др.).

Специфика указанной ЛКС России представляется активностью милитарной М-модели и ее экспансией в различные сферы жизни общества. Анализ метафорики в советскую эпоху даже дает основание говорить о милитаризации общественного сознания [см. Баранов, Караулов 1991: 15-16; 1993]. А комбинация военной метафоры с метафорой механизма внедряет в сознание

общества представление о том, что человек – это «вооруженный коммунистической теорией винтик в настраиваемом инженерами человеческих душ механизме, который предназначен для боев и походов» [Чудинов 2008: 87]. Соответственно, управление этим человеком-механизмом, которому даны *стальные руки-крылья* и *пламенный мотор* вместо сердца¹², требует прессинга, стабильных *политических рычагов, задействования пружин, закручивания гаек*. Военная метафора в советский период, несомненно, занимает лидирующие позиции и охватывает различные сферы жизни.

Использование военных метафор имеет давнюю традицию в лингвокультуре. Милитарные идеи, что в схватке побеждает тот, кто сильнее, умнее и т.д., утверждаются законами природы. Биологический принцип, сформулированный Дарвиным и Уоллесом, находит свою реализацию в *борьбе за существование*, которую издавна и непрерывно ведет всякий вид живого организма, сопротивляясь силам природы, приспособляясь к условиям окружающей среды, борясь за выживание и совершенствуясь.

С момента своего возникновения СССР находится в *кольце врагов* и осуществляет *мобилизацию* всех сил и ресурсов, чтобы отстоять право на существование в международном сообществе. Поэтому начинается период так называемого *наступления социализма по всему фронту, наступления на фронте плавки и проката металла*

¹² Слова знаковой песни советской эпохи – „Марш Сталинской авиации» (1923) на музыку Ю.Хайта, слова П.Германа:

*Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца - пламенный мотор.*

(широким фронтом, трудовой фронт) и др., идет борьба с врагами мирового капитализма, борьба с разрухой, голодом и неграмотностью; борьба против кулачества, война с левым и правым уклоном в ВКПб, борьба за выполнение плана, битва за урожай и др.

Все эти битвы ведет советский народ, именуемый *армией*. При этом *армия* - это и характеристика социальных и профессиональных групп: *армия советской интеллигенции, партийных, советских работников, армия инженеров, агрономов, учителей, врачей и других специалистов, армия студентов, учащихся, и даже гендерных групп: армия свободолюбивых женщин*. Польский лингвист Я.Вержбински указывает на массовый характер советской культуры [Wierzbinski 2012: 25], соответственно и советская метафора носит массовый характер (Ср. *единая армия; наступление по всему фронту; многотысячная армия студентов и студентов; многомиллионная армия свободолюбивых женщин* и т.д.).

За Советской Россией прочно закрепляется метафорическое определение Рейгана *Империя зла*. Различие в общественно-политическом, экономическом развитии стран приводит к утверждению идей противоборства и противостояния, которые выливаются в политическую метафору *холодной войны*, демонстрирующую, что даже в мирное время продолжается война за ослабление противника.

Если принять во внимание, что психоэмоциональное состояние человека оценивается посредством цветовой символики, то совсем неяркая картина рисуется военной метафорой. Исследователи отмечают, что указанная метафора предлагает „манихейскую черно-белую модель мира” [Скрепцова 2011].

Общественному сознанию навязывается М-модель ‘*идеология - фронт, баррикады, оружие*’. Военная

метафора обезличивает человека, нивелирует слои общества. Кроме того, по мнению А.Н.Баранова и Ю.Н.Караулова, она лишает человека возможности видеть в оппоненте партнера и разрушает условия социального диалога [Баранов, Караулов 1993].

Актуальность военной метафоры сигнализирует о тревожности и нестабильности общества, о необходимости принятия решительных мер. По мнению исследователей политического языка, склонность к экспансии военной метафоры является весьма опасной. Накопленный человечеством богатый военный опыт превращает ее в универсальное, удобное и доступное средство осмысления разнообразных сторон действительного мира. Такая метафора латентно и активно манипулирует человеком и его разумом.

Активное функционирование военной метафоры негативно воздействует на человека, дает установку на материализацию военных идей и их укоренение в общественном сознании, ограничивая возможности восприятия и концептуализации окружающей действительности. Подобная ситуация, по словам Т.Г.Скребцовой, лишает человека возможности выбора и сужает спектр моделей поведения до одной-единственной - «боевой» (ср.: уничтожить, разбить, ликвидировать, подавить сопротивление и т. п.) [Скребцова 2011: 60].

Второй по активности М-моделью советской эпохи является метафора *механизма*, нашедшая широкое распространение в виде непреклонного и верного идеалам коммунизма *железного Феликса*, *железной хватки* тоталитарной системы, а впоследствии и *железного занавеса* как непреодолимой преграды, отделявшей СССР от остального мира. В период Великой Отечественной войны утверждается образ страны, *кующей* свою победу на фронте и в тылу.

Метафорика периода советского застоя (эпоха Л.И.Брежнев) обогащается метафорой семьи (*братские народы, многонациональная семья братских народов*), живущей в любви и уважении к друг другу, постоянно чувствуя родительскую ласку и заботу со стороны правительства и коммунистической партии.

Яркой особенностью тоталитарной метафоры является специфика пространственной концептуализации объектов [см. подр. Anderson URL], наличие так называемых *вертикальных* метафор (*верховный, высший, подданный, подчиняться, высокий уровень, высокоидейный, высокопроизводительный, высокоразвитый, командные высоты* и т.п.) и горизонтальных метафор, демонстрирующих удаленность народа и политиков (*далекоидущие планы, далекие и дальние рубежи*).

Постепенно уходят в прошлое метафорические образы, связанные с советской действительностью, когда человек *задышался в информационной блокаде*, поднимается *железный занавес*. Тогда на смену старым метафорам приходят новые, порожденные новой эпохой.

1.4.1.2. Метафора периода перестройки

ЛКС второй половины 80-х годов оценивается исследователями в качестве „переходного” периода [Anderson URL]. Этот период характеризуется повышенной метафоричностью. Метафорическая картина уже не похожа на представление метафорой тоталитарной эпохи, но и не является еще знамением демократизма. Метафоры *перестройки*, по мнению А.Н.Баранова, изменяют стандартные представления о фрагменте действительности и категоризирует еще не достаточно структурированный концепт [см. Баранов 1991: 185, 187].

В качестве знаковой метафоры этого периода утверждается строительная метафора, пришедшая на смену военно-механической метафоре социалистической действительности. Пробивающиеся ростки метафоры отмечаются уже в раннюю советскую эпоху (*строители коммунизма, молодежные стройки, социалистическое строительство*). Толчком к ее большой популярности становится политика реформ, проводимая в России М.С.Горбачевым в 80-е годы и получившая название *перестройка*. В указанной метафоре воплощается идея передельвания старого общества-здания.

Обращение к метафоре в период перехода к новому этапу жизни неслучаен. Неоднозначность и неопределенность, декларируемые обычно метафорой, используются в тот момент как нельзя кстати и в полной мере соответствуют политической и идеологической неопределенности эпохи. Вполне естественным оказывается и само восприятие метафоры адресатом - заключительная стадия когнитивного процесса (уровень понимания), в силу действия субъективного фактора, обуславливает неоднозначность и индивидуальность толкования метафоры и открывает широкие возможности для ее функционирования.

Э.В.Колесникова, анализируя семантику слова 'перестройка', обращает внимание на непереводаемость термина из-за размытости его границ. Автор приводит один из вариантов его понимания:

А. Собчак: *«Сам термин «перестройка» своей неопределенностью и ожиданием нового, ориентацией на процесс изменений, а не на результаты как нельзя лучше соответствовал характеру и целям Горбачева. Ведь «перестройка» – это не модернизация, не реконструкция, не обновление, не реформы, не преобразования, а одновременно и то, и другое, и третье. ... Поскольку Горбачеву в момент выдвижения идеи перестройки и в голову не приходило, что*

может встать вопрос об отказе от социализма, от советского строя и господства КПСС, то именно перестройка как улучшение существующего с элементами нового лучше всего отвечала запросам дня и ожиданиям народа, униженного материально и морально, испытывающего непреходящее чувство стыда за то, кто и как правит страной» [Колесникова URL].

Возникнув на базе интегрального объединения двух сфер-источников (строительство и механизм), когда на Пленуме ЦК 23 апреля 1985 года М.Горбачев заявляет о необходимости *перестройки хозяйственного механизма*, метафора постепенно утверждается как строительная и охватывает различные сферы, в том числе и духовную (*этажи тоталитаризма, подвалы экономики, храм свободы, национальные квартиры, кабинеты власти, коридары власти, развалины идеологии, руины системы, лестницы национальной вражды*).¹³ Реконструкция старого здания невозможна без строителей и руководителей, поэтому активно входят в обиход метафоры *архитекторов и прорабов перестройки*.

С другой стороны, идеи о новом активизируют метафору пути и средства передвижения, которая в силу неопределенности этапа характеризуется большим разнообразием: *корабль перестройки, союзный поезд, аграрный паровоз, реформа буксует, ко дну пойдет весь Союз* и др. Пестрота транспортных средств (корабль, самолет, поезд) и неясная траектория их движения (типа *Самолет взлетел, но не знает, куда сесть / где посадочная площадка*) также подчеркивают туманность и размытость реформирования.

В этот период рождается и понятие *бомж* как обозначение бездомного человека. Возникнув из аббревиатуры (**Б**ез **О**пределенного **М**еста **Ж**ительства),

¹³ Данные примеры из [Ермакова 2000: 48]

слово активно используется в медиатекстах в 90-х годах, когда явление бездомности становится массовым и даже развивает уничижительную семантику – ‘опустившийся человек, ведущий асоциальный образ жизни’.

1.4.2. Метафора конца XX столетия

ЛКС конца XX века характеризуется повышенной сложностью, поэтому ее метафорическое представление не ограничивается одной М-моделью. Специфика ЛКС этого периода проявляется в комплексе М-моделей, иллюстрирующих различные особенности этого периода.

ЛКС в России конца XX века нередко называют “революционной” и сравнивают с ситуацией 20-х годов XX века, когда, как описывает В.Г.Костомаров, “послереволюционный розовый оптимизм породил желание глубоко преобразовать не только общественный строй и экономическое устройство, но и культуру, и литературный языковой канон” [Костомаров 1999: 5]. Новый поворот в развитии России и начало эпохи демократических преобразований являются причиной формирования особого языка времени, складывающегося из общенационального, группового, индивидуального, что и составляет сущность ЛКС. Динамизм современной ЛКС обуславливает активизацию и широту метафорической номинации как синкретического средства концептуализации ситуации лингвокультуры в данный период ее развития.

Мир вступает в эпоху глобализации как унификации и интеграции лингвокультур, проявлением которой является тенденция к универсализации и интернационализации метафоры. Вступление России на путь демократического развития ведет к упрочиванию „новых” метафор, которые впоследствии станут визитной карточкой времени. ЛКС не

только обуславливает активность определенных метафорических моделей, но и рождает на их основе свои метафоры, эпохальный характер которых проявляется в расширении метафорического контекста новыми сферами-источниками метафорической экспансии. Метафора предстает в качестве нового смыслового образования, наделенного новыми ассоциативными связями.

При описании метафорических моделей последнего десятилетия XX века А.П.Чудинов [2001] отмечает доминирующий агрессивный потенциал, векторы тревожности и агрессивности (криминальная, милитарная и морбиальная метафоры), соперничества (спортивная и милитарная метафоры), неестественности развития ситуации (морбиальная, игровая и спортивная метафоры). Сферами-источниками метафор являются 'война', 'театр и игра', 'криминальный мир', 'болезни', 'животный мир'.

Реальные военные действия (августовский путч 1991 года, захват столичной мэрии и кровавые события у телерадиокомплекса «Останкино» 1993 года, военные операции в Чечне) и жесткая политика управления в 90-е годы обуславливают активность милитарной метафоры. Разрушающая сила "революции" выливается в метафору борьбы и уничтожения: в России происходит *революция сверху*, ведется *война законов*, *информационная война*, в различных сферах жизни действуют *партизанские отряды*, *боеспособные кадры*, *десант*, *пятая колонна*, осуществляется *наступление*, *оборона*, *торпедирование*, *штурм*, *атака*. СМИ становятся своеобразной трибуной "*революции*" и главным *оружием в борьбе*, с помощью которого ведется *артподготовка* и *телерадиопальба*.

Метафора болезни / медицины демонстрирует проблемность, болезненное состояние общества в этот период. Она ставит диагноз и назначает лечение обществу (*шоковая терапия*, *шокотерапия*, *чума XX века*, *язва на*

теле). С помощью указанной метафоры современные медиа привлекают внимание к проблемам, возникающим в обществе и требующим незамедлительного их решения. Медицинская метафора представляется одной из наиболее эмоциональных форм воздействия на адресата.

В представлении ЛКС происходит расширение метафорического контекста. Начинается экспансия метафоры в “закрытые” понятийные области, примером чего может служить сфера секса. Пейоративная окраска сексуальной метафоры формируется на основе отрицания секса в СССР и на его восприятии в качестве враждебного советскому обществу элемента. В ЛКС конца XX столетия указанная метафора становится ярким, эмоциональным и специфическим элементом: *законодательная порнография, политические импотенты, политически стерильны, кастрированный бизнес* и др.

С проблемой пола, но уже социального, тесно связана гендерная метафора. В рассматриваемой ЛКС порожденная мифологическим сознанием бинарная оппозиция (мужской – женский) характеризуется частичным смещением представлений о феминности и маскулинности, развитием понятия унисекс и особенностями присутствия гендера во всех социальных процессах [см. об этом Хорошильцева 2001 и др.].

Новая политическая реальность осмысливается в терминах игры, театра (балагана, цирка, шоу), спорта как хорошо знакомых и понятных всему миру понятийных обостей и создает новые ментальные структуры. По разработанному *сценарию* выходят на *политическую арену / сцену актеры и клоуны*, выполняют *трюки на бис*, *выходят на поклон*, *исполняют партии*, активизируется деятельность *кукловодов* и *закулисная жизнь*. Нередко политикам приходится использовать последнюю возможность для достижения целей (*пошел "ва-банк"*, *ход конем*,

передвижение фигур). А.П.Чудинов [2001] объясняет широкое использование в политическом дискурсе конца XX столетия театральной метафоры и метафоры игры накатанной ритуальностью политической жизни как достояния социализма; активизацией внешней моделируемости, притворства и лживости политики; а также высокой структурированностью театрального мира как области-донора данной метафоры.

Ставшие новой политической реальностью – выборы, ассоциируются со спортивным азартом, гонкой (*предвыборная гонка*), бегом с препятствиями, взятием высоты, командными состязаниями [см. Каслова 2003; Федосеев 2003; Чудинов 2002 и др.]. Игровая метафора демонстрирует театральность и карнавальность событий, неискренность политиков, безысходность положения (в проведении мероприятий обязательно имеется предварительно разработанный план-сценарий, навязываются определенные правила игры или фиксируется их отсутствие (*игра без правил*)).

Не менее популярной является сфера-источник ‘животный мир’. Однако в данной ЛКС А.П.Чудиновым [2001] отмечается не бесконечное разнообразие зооморфных образов, а востребованность определенных эмотивных смыслов. Для ЛКС 90-х характерны прячущий голову в песок *страус*, меняющий политическую окраску *хамелеон*, матерые политические *волки*. В образах мелких животных фиксируются ростки нового (*мальки капитализма*), а простейшие становятся характеристикой приносящих вред политиков (*региональные паразиты, фирмы-паразиты, идеологические тараканы, банды пиявок*). В исследованиях Ю.Б.Феденевой обращается внимание на распространение такого образа, как *спрут*, всепроникающего, хищного животного, способного высасывать кровь из своей жертвы [Феденева 1999: 346].

Возможно, популярность последнего образа обязана успеху прошедшего на экранах в СССР в конце 80-х годов телесериала европейских кинематографистов о сицилийской мафии и коррупции как спрут охвативших высшие эшелоны власти. Своими щупальцами спрут начинает опутывать и российскую действительность (*спрут преступности*). С помощью этой метафоры осуществляется характеристика чиновников, путчистов, преступников.

Исследователями отмечается пейоративная окраска зооморфной метафоры, направленной «на дискредитацию, резкое снижение предмета» [Скляревская 1993: 91]. Позитивная эмоциональная окраска отмечается А.П.Чудиновым [2001] лишь в немногочисленных образах: *пчела, муравей, орел, сокол, лев, тигр, соловей, медведь*. После проведения в Москве Олимпиады-80 начинается постепенное, еще несмелое, внедрение медвежьей метафоры, утверждающей *медведя* как сильного и уверенного в себе хозяина жизни.

Криминальная метафора конца XX столетия свидетельствует об агрессии и пессимистических настроениях в пронизанном криминалом обществе, создает тяжелое ощущение безысходности: *политические киллеры, мочить в сортирах, кремлевско-путинская группировка, колючая проволока тоталитаризма*. Главными действующими лицами становятся *конкретные пацаны, паханы, отморозки*. В стране царит *беспредел*, бесконечные *наезды, разборки*, пропагандируются *откаты* и др.

1.4.3. Метафора начала XXI столетия

Специфика ЛКС первого десятилетия XXI века представлена комплексом метафорических моделей. Причем все чаще наблюдается взаимопроникновение и переплетение метафорических моделей. Подготовительный

этап новой ЛКС (2000-2003 гг.) является логическим продолжением эпохи конца XX века с ее явно агрессивными и наигранными образами. В качестве исходных концептуальных сфер-источников метафорической экспансии в медиатекстах выделяются следующие наиболее активные понятийные области: 'война', 'криминал', 'игра', 'животный мир', 'медицина' и др., относящиеся к природоморфной и социоморфной метафорам. В описании гребня волны ЛКС (2003-2008 гг.) происходит фрейм-слотовая актуализация в традиционных метафорических моделях, сферами-донорами которых выступают: 'человек', 'природа', 'война', 'игра (театр и спорт)', 'строительство', 'быт'. Все чаще отдается предпочтение артефактной метафоре. А сам спад ЛКС (2008-2012) является логическим завершением ее развития и подготовкой новой лингвокультурной ситуации.

В начале XXI века продолжает оставаться актуальной военная метафора, которая постепенно меняет свой вектор агрессивности. Изменяется направление деятельности человека по преодолению трудностей, уничтожению негативных явлений: в начале XX века популярная метафора *борьбы с разрухой, голодом и неграмотностью* в конце XX столетия уступает место *борьбе с алкоголизмом, пьянством*, а начавшееся новое тысячелетие дружно поднимается на *борьбу с коррупцией, инфляцией и терроризмом*, в ведущейся *борьбе с преступностью* даже открывается *фронт (фронт борьбы с преступностью)*. В последнее время все чаще акцент делается на *борьбе с болезнями и распространением наркотиков, с природными стихиями*.

Традиционная основа военной метафоры в XXI столетии находит свое проявление в новых сферах. Все чаще она связывается с партийной системой, представляющей многообразие современных партий, где

приходится *биться за мандаты и голоса избирателей*. Или борьба переносится в структуру государственной власти.

Например: *Наши либералы воюют с центральной властью, потому что именно центральная власть интересуется их самих* (Независимая газета 29.04.2003); *Кроме того, в своем выступлении президент заявил о необходимости борьбы с бюрократией в стране* (BBCRussian.com 25.04.2005).

Мобилизация как проявление военной метафоры касается социокультурной и духовной сфер. Если в СССР шла мобилизация коммунистов и беспартийных для выполнения задач построения коммунизма в нашей стране (Правда 1949, №355)¹⁴, то сейчас идет мобилизация внутренних ресурсов (Российская газета / РГ 31.07.2009), мобилизация лучших интеллектуальных сил (РГ 16.09.2009), мобилизация скрытых возможностей человека (РГ 08.10.2005), моральная мобилизация общества для борьбы со все более катастрофическим терроризмом (РГ 15.09.2004); мобилизация звезд на предвыборный фронт (РГ 21.09.2007); мобилизация компетенций учащихся (Today.Kz 10.08.2012); социальная мобилизация (Зеркало недели 10.08.2012) и др.

Военная метафора в современных медиатекстах не становится менее агрессивной. Специфика современной военной модели связана со сменой сферы ее влияния, она проникает в область экономики и спорта, все чаще функционируя в медиатекстах экономической и спортивной направленности. Перемещение военной метафоры в область экономики связано, прежде всего, с принятием мер борьбы с экономическим кризисом. Для этого открывается второй антикризисный фронт как реальная помощь

¹⁴ Пример из [Разинкина URL]

сектору экономики, проводится *финансовая мобилизация* или *мобилизация других видов ресурсов*.

Например: *Городу требуется колоссальная **мобилизация финансовых ресурсов** для строительства социальных учреждений в новых жилых массивах* (Известия 09.08.2012); *«Следует поддержать решение Председателя Правительства Владимира Путина открыть **«второй антикризисный фронт»** непосредственно в реальном секторе экономики»,* – считает Е.Примаков (газета Факт 25.03.2009).

Проблемы газового концерна и газовой политики России обуславливают появление метафоры *газовый фронт*.

Например: *Горячее лето для Украины может закончиться холодной зимой. Ежегодные боевые действия на украинско-российском **газовом фронте** возобновились на этой неделе* (Криминал ТВ 02.07.2012); *На **газовом фронте** без перемен* (Профиль 22.07.2012).

Особое место среди отраслей экономики современной России занимает многоотраслевой жилищно-коммунальный комплекс. Проведение реформы ЖКХ, направленной на модернизацию всего жилищно-коммунального хозяйства страны, оказывается под пристальным вниманием СМИ. Активизация и важность реформ становятся причиной появления метафоры *жилищно-коммунального фронта* (РГ 24.06.2006).

Военная метафора переквалифицируется в разного рода *спортивную борьбу*. Подобное усиление агрессивности является следствием попытки возвращения российскими спортсменами лидирующих позиций в мировом спорте.

Например: *Интрига в **борьбе** за титул чемпиона России по футболу в третьем круге премьер-лиги возрастет* - первый вице-президент Российского футбольного союза Н.Симомян (06.11.11 РИА Новости); *Именно через нее и должна*

осуществляться **борьба** с договорняками (Спорт-Экспресс 09.11.2011); *По итогам первого этапа (30 туров) чемпионата России определена восьмерка команд, которые продолжат **борьбу** за медали и места в еврокубках* (РИА Новости 08.11.2011); *Нам необходимо подтянуться к конкурентам, чтобы не выпасть из турнирной **борьбы** во второй восьмерке* (Спорт-Экспресс 06.11.2011).

В современных медиатекстах оказывается действенным стремление, продиктованное военной метафорой, доставить кому-либо неприятности. Наблюдающееся нарастание агрессии в спорте подчеркивают используемые визуальные символы (например, изображение разъяренного медведя на плакатах российских болельщиков).

В современном медиадискурсе активно функционируют различные виды артефактной метафоры, например, архитектурной (метафоры строительства и метафоры дома), метафоры пути.

Например: *Надо договориться о том, как можно было бы об этом договариваться, как запустить процесс мирных переговоров **на развалинах**, оставшихся после идеологического побоища* (Независимая газета 29.04.2003); *Снижение барьера и разрешение блоков ведут **партийное строительство** в противоположном направлении.* (Независимая газета 14.08.2012); *Уверен, что это значительный шаг вперед в **строительстве** наших **отношений*** – В.Путин (НТВ 28.02.2005); *Россия вступает в эру **цифрового дома*** (Intertat.Ru 27.12.04).

Становление нового – это всегда сложный процесс, сопряженный с многочисленными трудностями и препятствиями на пути, который ассоциируется то с плаванием, то с движением железнодорожного состава.

Например: *Осилят ли либералы **административный барьер?*** (17.02.2004); *Они не публичные политики, но это и есть **первый эшелон*** (Страна.Ru 17.02.2004); *В России необходимо создавать так называемые **регионы-локомотивы**...* (НТВ 18.03.2005); *Кроме того, оборонка всегда была **локомотивом** научно-технического*

прогресса для всей промышленности (Информ Полис 15.08.2012); *Место в лодке еще пока есть* - Г.Шредер (о приглашении России к сотрудничеству) (Первый канал 19.01.2005) и др.

Формирование нового склада эпохи тесно связано и с метафорой механизма и производства.

Например: *Рассудок ведь не работает без помощи чувств, он без них выхолащивается в интеллект, **инструмент** слабый и непродуктивный* - С.Телегин (Правда.РУ 14.01.2004); *По мнению эксперта, такая **модель** "хороша для Путина тем, что по-прежнему сохраняет за ним статус доминирующего игрока", однако она "не позволяет запустить какой-то **жесткий, однозначно выдержанный политический курс**"* (Независимая газета 15.08.2012); *И вот в этой **конструкции** Путин остается верховным арбитром, который собственно и принимает ключевые решения* - политолог Слатинов (Независимая газета 15.08.2012); *Многие говорят, что пока эти репрессивные **механизмы** не были задействованы с той силой, которую можно было ожидать после выборов* (BaltInfo 15.08.2012); *Но сложность в том, что **перезапустить** партийную систему можно только с ее оппозиционного «края»* (Независимая газета 10.07.2012).

Метафора в языке массмедиа – это не просто один из приемов создания образности, а способ отражения мировосприятия. Изменение ЛКС ведет к изменениям в восприятии и концептуализации современной действительности. Метафора реагирует на все перемены, сопровождая их эмотивной характеристикой. Всплеском эмоций в последнее время вылилась *медвежья* метафора (*русский медведь, медвежья власть, медвежья технократия, главный медведь, медвежий бум, медвежий фронт, на медвежьей авансцене* и др.), завладевшая в короткие сроки жизнью российского общества [см. подр. Стоянова 2012:1312-1322].

Складывание новых форм управления страной и бизнесом вызывает ассоциации игры (часто азартной). При этом связь человека с игрой определяется как двоякая: с

одной стороны, с помощью игры реализуется специфическое отношение человека к окружающей его действительности (восприятие жизни и реального мира как игры изначально заложено в сознании человека), а с другой - игра является самостоятельным видом деятельности, реализующим игровой потенциал человека.

Например: *Запад не был бы Западом, если бы его власти не использовали страшные события в России для **политических игр*** (Независимая газета 17.09.2004); *Москва ведет в Киеве **азартную игру** с неясным результатом* (Новые известия 27.10.2004); *Выходит чеченская карта – уже не **козырь*** (Новая газета №52, 21 – 23.07.2003); *Екатеринбургские депутаты: меря в **нокауте!*** (ИА “Новый регион 11.10.2004) и др.

Естественной для современной ЛКС является медицинская метафора, свидетельствующая о все еще продолжающейся болезни общества и необходимости его лечения.

Например: *В ближайшем будущем России предстоит пережить **болезненный период** социального противостояния* (Новая газета №52, 21-23.07.2003); *В 2004 году банковскую систему **лихорадило*** (Первый канал 09.01.2005); *Можно пытаться торопить события, радоваться «ветру перемен», но следует понимать, что при этом мы не прощаемся с «постылым прошлым», а скорее возвращаемся к нему: остаемся один на один с институциональной **атрофией**, с **болезнью острой политической недостаточности**, которую какое-то время сдерживал и, вероятно, еще будет сдерживать персоналистский политический режим* (Независимая газета 10.07.2012); *Всегда полезно видеть предмет в контексте, в хронологии и в мире, то есть учитывать не только биологию этого бюрократического **нарыва**, но также его «историю с географией»* (Независимая газета 27.03.2012).

Среди заболеваний все чаще встречаются: *безумие, шизофрения, состояние аффекта, истерия, невроз, потеря памяти* и др., свидетельствующие о сильных душевных,

психических расстройствах, нарушениях функций нервной системы и головного мозга. Такие заболевания становятся явным эмоциональным сигналом к оздоровлению общества. Медиа предлагают рецепт лечения болезней в виде *кремлевской таблетки* или *диеты*, *кислородной подушки* или *иммунизации демократии*. В силу серьезности ряда заболеваний общества (*паралич в органах власти, разложение и гангрена госаппарата, коррупционная опухоль с метастазами, юридическое беспамятство с признаками комы*), медицинская метафора при особенно тяжелых состояниях предлагает и более радикальные способы лечения (*реанимация сельского хозяйства, пересадка мозга армии, искусственное дыхание экономике*), которые звучат как отголоски *шоковой терапии*, начавшейся в последнее десятилетие XX столетия. Обновление метафорической картины в рамках современной ЛКС связано с активизацией новых источников метафоризации - таких заболеваний, как *СПИД*, *свиной грипп*, *птичий грипп*.

Например: *Л.И.Брежнев в русской истории – это СПИД, а не пролежень из-за временной неподвижности* (Независимая газета 18.10.11); *В Кремле не власть, а "куриный грипп"* (Завтра №07 (534), 2004).

Свежестью веет колоритная метафора, наполняющая окружающую действительность новыми красками. Цвет становится особым знаком в палитре политических партий и общественно-политических движений (*партия зеленых, оранжевая власть, оранжевые идеи, серые шинели*). В разноцветной метафорической картине менее агрессивное впечатление производит милитарная метафора в цвете – так называемые „цветные революции” (*розовые, оранжевые*), но в ней все еще присутствует негатив черного (*черный рынок, черная кошка, черный список, черные дыры*).

Например: *Самое опасное, знаете, создание системы перманентных революций - то "розовых", то каких-то там "голубых" еще придумают* – В.Путин (Вести.Ru 23.12.2004); *Скорбные тона цветных революций* (Независимая газета 24.06.2005).

Рассмотренные лингвокультурные ситуации в развитии России демонстрируют преобладание той или иной метафорической модели или комплекса моделей как показателя уровня общественного сознания, сложности эпохи по степени ее переходности (стадии реформирования) и кризисности ситуации. Использование определенной сферы в качестве источника метафорической экспансии зависит от степени ее структурированности в сознании человека, понятности, близости, эмоциональной насыщенности данного источника в наивной картине мира.

1.5. Взаимосвязь и взаимовлияние метафоры и лингвокультурной ситуации

Синкретизм метафоры как способа концептуализации мира и обусловленность метафоры ментальной деятельностью человека формируют возможность метафоры не только представлять ту или иную ЛКС, но и прогнозировать последующие лингвокультурные ситуации, и оказывать влияние на них.

При отображении ЛКС метафора реализует соотносительную связь с определенной эпохой и как способ взаимодействия с действительностью предстает кодированием ее настроения. Для описания и категоризации новой реальности в ходе метафорической номинации используется имеющийся лингвокультурный инструментарий, но происходит наложение нового творческого опыта на утвердившуюся в лингвокультуре традиционную основу.

Перемены в метафорике на рубеже XX – XXI веков связаны с модификацией структуры и изменением типа метафоры как реакцией на ломку общественно-экономической формации и переход от тоталитарного общества к демократическому. Ряд наметившихся тенденций уже описан исследователями. В частности, Р.Андерсон [см. подр. Anderson URL], анализируя и сравнивая метафору периода диктатуры и метафору эпохи демократии, отмечает стирание иерархии, угасание вертикальных и удаленных метафор и, наоборот, значительное распространение горизонтальных метафор (*левый, правый, сторонник, спектр, диалог, оппозиция*). Поворот управленческой политики к человеку и превращение его в активного участника общественно-политической жизни способствует сокращению дистанции между властью и народом, а изменения в партийной системе снимает ключевую дихотомию советского периода *партия-народ*.

Преобладание того или иного типа метафорической модели является важной характеристикой общественно-политической обстановки в стране, а также показателем развития общественного сознания. Коренная ломка общественных отношений и, соответственно, изменения ментального состояния представителей лингвокультуры приводит к смене ключевой метафоры как механизма отображения перемен в сознании человека. Но это не означает полное стирание той или иной М-модели в последующей ЛКС, а скорее определяет степень ее активности, обновленности ее семантических связей и актуализации ассоциативных векторов. Если основными метафорами тоталитарной эпохи объявлены милитарная и механическая метафоры на фоне образа семейных отношений - патерналистической любви и заботы партии к своему народу, то в демократической метафорике

исследователи отмечают повышенную активность артефактной, антропоморфной и природной метафор как показателей стабильности в обществе. Причем характерным в артефактной метафоре является снижение частотности метафоры строительства и ее замены метафорой дома/строения, которая наряду с образами семьи и природы считается символом экономического благополучия [Скребцова 2011: 65-66].

Сила воздействия метафоры зависит от типа метафорической модели и ее активности, а также определяется актуализацией звеньев ее структурной организации. М-модель представляет собой когнитивную структуру, на основе которой происходит переосмысление знания. А. П. Чудинов определяет ее как существующую и/или складывающуюся в сознании носителей языка схему связи между понятийными сферами [Чудинов 2003: 70]. При смене ЛКС может происходить изменение понятийных связей, проявляющееся в переструктурировании фрейма или активизации тех или иных слотовых элементов.

Исследователи уже давно выдвигают предположения возможности прогнозирования политической ситуации по языковым средствам. Например, американский психолог и политолог Г. Лассвелл (Lasswell), разрабатывая проблематику власти, указывает на «вербальный характер показателей власти» [Лассвелл 2006: 279]. Автор предлагает оценивать настроения в обществе по языковому стилю: если общественный настрой оптимистичен и перспективы благоприятны, то и стиль характеризуется разнообразием и многословием; и наоборот, когда будущее неясно и в обществе царит пессимизм, стиль становится скупым и монотонным. По изменениям в стиле можно судить о назревающем кризисе, ослаблении демократии и др. [Lasswell 1965: 20-39]. Подобную возможность предоставляет и метафора.

При характеристике ЛКС и средств ее концептуализации учитываются как количественные, так и качественные параметры метафоры. К качественным можно отнести тип метафорической модели (социальная, антропоморфная, природная, артефактная метафоры), ее парадигматические показатели (ориентационная, вертикальная, горизонтальная и другие виды метафоры), фреймо-слотовую организацию метафорической модели, актуализацию на данном этапе определенных метафорических фреймов или слотов, обновление ассоциативных связей и продуктивность создания вторичной семантики по данной схеме, модели. Количественные параметры дают представление о частотности функционирования метафор вообще, степени преобладания стертой или живой метафор и доминантность как интенсивность употребления определенных метафорических моделей в рамках той или иной ЛКС. Совокупность всех этих показателей дает возможность создания представления о состоянии общества и / или прогнозирования лингвокультурной ситуации.

Различные типы метафорических моделей создают типизированную характеристику ЛКС и являются специфичной характеристикой состояния общества. Например, военные метафоры и метафоры болезни более конфликтны, чем строительные или транспортные. Активизация военной М-модели служит явным сигналом тревоги как неблагополучия в обществе. Метафора механизма создает образ обезличенного, рационального мира, а метафора строительства предполагает созидание и свидетельствует о том, что государство нуждается в изменении и реконструировании. Преобладание соматической метафоры или метафоры дома в осмыслении политической действительности

свидетельствует об установлении определенной стабильности и устойчивости в развитии лингвокультуры.

Переходный период или период реформирования на первый план выдвигает строительную или медицинскую метафору как способа восприятия реальности. Создаваемый в политических текстах образ больной страны является психологически действенным, усиливает эмоциональное состояние аудитории и подталкивает ее к активным действиям. Медицинская метафора может указывать на общее болезненное состояние общества, ставить диагноз и предупреждать об опасности. Строительная метафора сигнализирует о необходимости изменений в обществе и предлагает определенный план и инструментарий для проведения реформ. Например, политика реформирования России в 80-е годы получает даже название *перестройка* и активизирует полную структуру строительной метафоры.

Экспериментальные и теоретические исследования ученых (например, К. де Ландшера [De Landsheer 1998]) доказывают, что возрастание количества метафор является признаком кризисности общественно-политической и экономической ситуации. Гипотеза о связи параметров креативности (то есть наличие живых и индивидуально-авторских метафор) и повышенной метафоричности политического дискурса в период общественно-политического кризиса получила экспериментальное подтверждение в исследованиях А.Н.Баранова на материале метафоричности в период августовского кризиса в России в 1998 году. На основе анализа указанной ситуации российскими лингвистами составлены словари русской политической метафоры [Караулов, Баранов 1991; 1994]. Следовательно, можно утверждать, что активность использования метафор оказывается не только показателем кризиса, но и инструментом его прогнозирования, хотя и краткосрочного [см. Баранов 2003]. Кроме того, метафора предоставляет

множество альтернатив для разрешения проблемной ситуации. Однако активность одной метафорической модели в рамках ЛКС сужает возможности выбора и программирует ментальную деятельность в сторону господствующей схемы.

Когнитивная деятельность человека всегда требует особых усилий в периоды кризисных ситуаций, поэтому количественный показатель и преобладание определенного типа метафорической модели являются яркой характеристикой ЛКС. Повышенная метафоричность мышления, как показывают исследования, характерна для кризисных периодов развития общества, периодов различного рода потрясений [см. Баранов, Караулов 1994; Баранов, Казакевич 1991; Цонева 2012-б; Lasswell 1965 и др.]. Периоды повышенной метафорической активности исследователи называют «метафорическим бумом» (И.Б.Штерн), «метафорическими бурями» (А.П.Чудинов), а соответственно, периоды ее спада номинуют «метафорическим затишьем» или «метафорическим штилем» (А.П.Чудинов). Обилие метафор является свидетельством неточности и обтекаемости мысли, попыткой завуалировать ситуацию или ее оценку, переложить ответственность на адресата, который воспринимает и декодирует метафору в соответствии со своей лингвокультурной компетенцией.

Метафоричность современного медиадискурса имеет еще одну особенность. По данным Г.Н.Скляревской, 80 % метафор носят пейоративный характер [Скляревская 1991: 11]. А поскольку метафора оказывает имплицитное воздействие на уровне подсознания на адресата, то негативная метафора активна вдвойне. Следовательно, метафоричность является характеристикой общественно-политической нестабильности лингвокультуры, показателем кризисности общества, когда значительно усиливается

манипулятивная деятельность метафоры. А смена *бури* на *затишье* становится, наоборот, подтверждением движения общества по пути стабилизации.

Метафорическое моделирование как когнитивная операция со знаниями служит важным средством постижения, представления и оценки действительности, трансляции многовекового опыта и знаний национально-культурной общности. С одной стороны, метафора оказывается обусловленной лингвокультурной ситуацией как временным срезом лингвокультуры, то есть «сознание (подсознательное) определяет метафоры» [Будаев, Чудинов 2006: 45-46]. А с другой стороны, метафора способна имплицитно воздействовать на человека и определять его сознание, навязывая ему определенную модель поведения или схему действий.

Метафора как универсальная модель, преломленная сквозь призму общественного сознания, становится знаковой характеристикой своего времени. Ее ресурсы неисчерпаемы. Научно-технологическое развитие России способствует расширению сфер-источников метафоризации. Достижения XX века: ядерная энергетика и компьютерные технологии, дают возможность предположить, что ключевыми метафорами понятийного освоения мира в ближайшем будущем может стать, например, М-модель 'мир ~ компьютер'.¹⁵ А развитие нанотехнологий, несомненно, станет основой метафоризации будущего. Примеры компьютерной и «нано-метафоры» уже фиксируются в современном российском медиадискурсе.

Например: *Главам правительств есть что обсудить и в двустороннем формате* (Независимая газета 15.06.2012); *Партия („Правое дело” – Е.С.) требует перереформирования* -

¹⁵ Исследования компьютерного дискурса и компьютерной метафоры уже активно ведутся. См: [Балла 1998; Еременко 2000; Галичкина 2001; Галкина 2004; Комлева 2006].

считает эксперт (Независимая газета 16.03.2011); *Путин благословил создание идеальной **нано-России*** (Аргументы.ру 07.08.2012); ***Нано-будущее** БЦБК* (Сибирский энергетик 03.08.2012); ***Нанореволюция в ритме самбо*** (Независимая газета 03.11.2011); *Самой притягательной в **нано-поезде** стала та часть выставки, которая посвящена технологиям будущего* (Аргументы в Ижевске 01.08.2012); *В Кировской области началась большая **НАНО-стройка*** (ГК, Gorodkirov.ru 27.07.2012).

В данной главе с учетом особенностей развития гуманитарной науки на современном этапе определены основные тенденции исследований метафоры как феномена языка и речи, культуры и мышления. Существующая посредством языка соотносительная связь между развитием общества, этносом и культурой обуславливает теорию лингвокультурной ситуации как своего рода моделирования пространственно-временного и социокультурного континуума. Метафора определяется в качестве синкретического способа представления лингвокультурной ситуации, позволяющей фиксировать корреляцию между состоянием общества, развитием общественного сознания и его вербального отображения.

Развитие языковой личности как творца и адресата метафоры происходит под воздействием социального и исторического типов лингвокультурной среды, в рамках которых осуществляется усвоение накопленного культурно-исторического наследия. Причем установлено, что воздействие лингвокультурной среды происходит как на уровне сознания, так и на бессознательном уровне. Действенным латентным средством воздействия и манипуляции, а также способом представления развития лингвокультуры на том или ином этапе становится метафора.

Схематичный анализ ряда лингвокультурных ситуаций дает возможность проследить изменение и развитие господствующих в них М-моделей как средства отображения состояния общества и уровня его сознания в тот или иной период. ЛКС как временной срез развития лингвокультурной среды обуславливает активность одной или нескольких М-моделей, актуализирует ее семантические связи и ассоциации и порождает на ее основе «новые» варианты метафор. Путем анализа количественных и качественных показателей метафорической картины фиксируется (а также можно и прогнозировать) уровень общественного сознания, состояние и настрой общества в рамках определенной ЛКС. При осмыслении реальности человек ищет аналогию в определенной сфере и использует ее в качестве источника метафорической экспансии, при этом на выбор оказывает влияние степень ее структурированности в сознании человека, понятности, близости, эмоциональной насыщенности данного источника в наивной картине мира.

Наблюдение за движением метафоры в рамках современной ЛКС (2000-2012) позволяет установить неоднородность ЛКС, а также детерминирует активность на общем фоне таких концептуальных сфер-источников метафорической экспансии, как: 'война', 'криминал', 'игра', 'животный мир', 'медицина', 'строительство' и 'быт', относящихся к природоморфной, социоморфной и артефактной метафорам.

Глава 2

Дом как феномен

славянской лингвокультуры

Культура родилась из культа.
Н.А.Бердяев

Человек окружен тремя слоями:
кожа, одежда и стены дома.
Ф.Хундертвассер

2.1. Дом в славянской лингвокультуре

Значительный интерес к изучению феномена ‘дом’ как константы культуры обусловлен многогранностью и сложностью этого понятия, полностью объяснить которое невозможно в рамках одной науки. Недаром *дом* является объектом исследования различных научных направлений, таких как: архитектура, культура, история, психология, лингвистика, а в последнее время его изучение переносится на междисциплинарный уровень – лингвокультурный (В.Аврамова, Д.Б.Гудков, Ю.Н.Караулов, В.В.Красных, В.И.Карасик, В.В.Колесов, В.Г.Костомаров, Г.Г.Слышкин, Ю.С.Степанов и др.), психолингвистический (А.А.Залевская, А.А.Леонтьев и др.) и лингвокогнитивный (А.П.Бабушкин, Н.Н.Болдырев, А.Вежбицка, В.А.Маслова, З.Д.Попова, И.А.Стернин и др.). ‘Дом / жилище’ не раз становился предметом изучения в работах этнографического и культурологического характера (А.К.Байбурин, А.С.Будилович, Н.Н.Воронин,

И.П.Георгиева, А.В.Гура, Д.К.Зеленин, В.В.Иванов, Л.В.Куркина, Л.Нидерле, Л.Старева, Ю.С.Степанов, В.Н.Топоров и др.), но языковой материал в них все еще носит вспомогательный характер и рассматривается фрагментарно. Тогда как именно языковой материал позволяет выявить структуру и место определенного концепта в национальной картине мира, оценить ментальные процессы и уровень сознания представителей той или иной национально-культурной общности. Раскрыть значимость указанной константы в лингвокультуре, на наш взгляд, дает возможность лингвокультурный подход.

В рамках данной главы прилагается лингвокультурная методика частичного изучения культурного концепта посредством лексико-фразеологической его репрезентации. Указанная глава содержит необходимые предварительные уточнения и пояснения, которые обусловлены сложностью концептуального объекта и важны с точки зрения описания и понимания на современном этапе входящих в архитектурно-домоустроительный культурный код концептуальных метафор – метафоры строительства и метафоры дома как объекта строительства. Перед нами стоит задача установить традиционную основу культуры, на которой базируется современное метафорическое осмысление действительности, проследить преемственность трансляции культурных установок и представлений на уровне архетип-миф-метафора.

Дом считается одним из важнейших знаков славянской культуры. Он является принадлежностью материальной культуры и на этом основании - элементом предметного культурного кода. С момента возникновения жилища происходит формирование его ценностно-символической значимости в лингвокультуре. Философ и публицист Н.А.Бердяев видит истоки культуры в сакральности, в культе, из которого культура черпает свой

символизм [Бердяев 1996: 195-198.]. Из культовой символики рождается и культурный символизм в восприятии дома. Как известно, при освоении мира и его концептуализации человек использует хорошо известные ему объекты, предметы. Сам дом и его элементы постепенно обрастают культурными смыслами и становятся воплощением мировоззрения и духа народа. Таким образом, на языковую семантику наименований конструктов дома наслаивается культурная, которая закрепляется в языковых знаках и транслируется ими как основа мировидения. Формирование кодов культуры как вторичных знаковых систем сопряжено с установлением некоего знакового дуализма – единица культурного кода является одновременно принадлежностью и системы языка, и системы культуры, что дает возможность исследования культуры сквозь призму языка. Взаимопроникновение двух семиотических систем – культуры и языка, осуществляется благодаря образному основанию языковых знаков или культурной коннотации [см. подр. Телия 1996; Ковшова 2009].

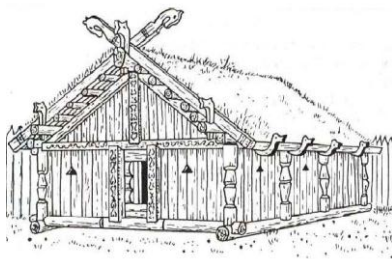
Особая культурная значимость дома и его конструктивных элементов в славянской лингвокультуре, делает дом принадлежностью не только предметного кода культуры, но и духовного. В.В.Красных подчеркивает установление связи между указанными культурными кодами через систему социальных отношений [Красных 2002: 245]. Таким образом, дом являет собой артефакт, созданный человеком и воплотивший все его воззрения и представления о мире, и проживающих в нем людей, с помощью которых осуществляется взаимосвязь своего и чужого пространства, микрокосма и макрокосма.

Эмоциональная насыщенность дома для человека подтверждается его упоминанием в клятвах и заклинаниях (как известно, человек обычно клянется самым ценным и

дорогим для него): русск. *Сгори мой дом!* и болг. *У къщата огнището ми да не гори, коминът да не пуши!* Иллюстрацией эмоциональной значимости дома служат многочисленные паремии и фразеологизмы: русск. *В гостях хорошо, а дома лучше; Всего дороже честь сытая да изба крытая;* ср. болг. *Хубаво е на гости, но у дома си е похубаво; къщата ми изгоря.* Кроме того, указанная эмоционально окрашенная сфера является близкой и родной каждому человеку (русск. *отчий дом, родительский дом, домашний (семейный) очаг, укромный уголок, заветный уголок;* болг. *родна стряха, бащин дом, бащина къща, домашно огнище, бащино огнище, роден кът, бащин кът и др.*)

Дом овеян тайной сакрального. Неслучайно наши предки с большим трепетом и любовью относились к своему жилищу и тщательно готовились к выбору места, времени и материала для строительства дома и к самому строительству здания. Строительство дома представляло собой особый ритуал, нацеленный на создание защищенного и идеального жилища, а соответственно, и идеальной семьи, которая будет проживать в этом доме. Комплекс действий ритуализованного характера способствовал, как пишет А.К.Байбурин, „вхождению нового элемента в систему ‘человек – природа’ ” [Байбурин 1993: 155].

На выбор места для строительства дома оказывал влияние целый комплекс запретов: нельзя строить дом там, где раньше была дорога или баня, на месте, где найдены человеческие останки; на месте сгоревшего дома и многие другие. Для

Русская изба

определения энергетики участка проводились гадания, которые основывались на принципе установления возможности моделирования человека с данной местностью. Например, в Болгарии на открытом пространстве на ночь оставляли сосуд с водой и горсть зерна (иногда пепел и др.), если на следующий день ритуальные предметы находили нетронутыми, то место считалось подходящим для постройки дома. Указанные мероприятия осуществляли пространственную регламентацию дома, а с помощью зерна как символа достатка, плодородия и благополучия прогнозировали параметры бытования и условия существования семьи. При проведении ритуальных мероприятий строго учитывался и временной параметр. Таким образом осуществлялось договаривание с природой, происходил „диалог со сферой чужого, неосвоенного” [Байбурин 1993: 156].

Затем приступали непосредственно к ритуалу строительства, который начинался принесением в жертву ритуального животного. Жертвенной кровью обозначали отвоеванное у природы пространство. По обычаю право первого камня в восточную кладку принадлежало старейшине рода или семьи. А закладка *венца* проводила четкую регламентацию пространства (свое - чужое), создавая „два “текста” с совершенно различным смыслом” [Успенский 1970]. Последующие ритуалы: укладка матицы и устройство крыши замыкали троичный цикл в соответствии с представлениями о троичности любого процесса (начало-середина-конец) [см. подр. Байбурин 1993: 156-173]. В некоторых болгарских местностях, когда строительство было выполнено наполовину, совершали так называемый обряд *викане* или *дакия* как вид благословения дома. Все производимые ритуальные действия при строительстве жилища способствовали прочности постройки и благополучию ее будущих обитателей.

Символические действия производились и при переселении, заполнении нового дома жильцами (в частности, в дом переносился не только домашний скарб, но и *домовой* – оберегающий дух дома). Домашний дух обычно живет за / под печью (*голбешник*) или под порогом. Русский домовый считается добрым духом, покровителем и хозяином дома. От него зависят благополучие и покой в доме, поэтому с ним нельзя ссориться. Чтобы этого не произошло, надо строго соблюдать определенные предписания (так, например, членам семьи нельзя ругаться, нельзя занимать его место и др.). В наши дни при переезде в новый дом обязательно запускают первой кошку, так как считается, что кошка связана с домовым и легко находит с ним общий язык [Красных 2002: 255]. Совсем недавно появляется понятие *барабашка* или разгневанный домовый, который проявляет свое недовольство стуком.

У болгар считается, что существуют злые и добрые домашние духи. Влияние на дом может оказывать дух родственника (*стопан, домовик, домник*) и дух, происходящий из замурованной при строительстве тени человека или животного, или даже самого живого существа. Его называют *таласъм, дракус, сенище* и др. [Българска митология 1994: 352-353]. По болгарским обычаям (чаще всего осенью, в день святого Димитра) обязательно проводился обряд освещения дома, а угощение близких и соседей регламентировало включение данной семьи в социум. Гости следовали народному поверью *В нова къща с празни ръце не се влиза* и щедро одаривали хозяев, чтобы дом был плодovitым и богатым.

Ритуальная насыщенность процесса строительства дома обуславливается сложностью отторжения у природы части территории и превращения ее в свою. Таким непростым способом осуществляется постепенное внедрение человека в природу. Своеобразная граница,

разграничение своего и чужого пространства присутствует в семиотике конструктивных элементов дома и отражается во фразеологическом материале.

Мифологическая насыщенность понятия *дом* регламентирует его многоаспектное присутствие в лечебной магии, которая традиционно используется у древних славян, наряду с эмпирическими приемами врачевания. Причем равноправно применялись как профилактические, так и лечебные магические действия и суеверия. Древняя символика круга придает охранительный смысл действиям, совершаемым вокруг дома. Внутри дома ритуальные действия обозначают приобщение к домашнему пространству (например, бабка-повитуха дотрагивалась ножками новорожденного до печки или обходила с ним вокруг очага; при отъезде одного из обитателей дома не подметали пол, чтобы не замести след, по которому тот должен вернуться домой и др.). В лечебной магии активизируются такие конструкты дома, как *матица*, *печь*, *очаг*, *крыша (стреха)*, *чердак*, а также служащие границей с внешним миром *порог дома*, *дверь*, *окно*, *стены* [см. Усачева 2008: 304-311].

Условия жизни славянских народов вынуждают их строить жилища для защиты от природных стихий. Эволюция дома проходит на фоне цивилизационных достижений и изменений социокультурных условий бытования. Самыми первыми домами славян были *пещеры*, они как утроба матери Земли давали человеку кров. Не случайно пещеры являются символическим отображением центра мира, его сердца, где происходит соединение божественного и земного; с пещерой связаны тайны мироздания. В пещерах древними людьми осуществлялись различные ритуальные и обрядовые действия. Интересно, что пещера (как впрочем и дом – *изба*, *къща*) соотносится с

женским началом, с вхождением человека в земной мир, а также с его возвращением в утробу Земли при инициации.

Строительство жилищ начинается в период неолита. Древнейшие постройки, относящиеся к 6500 году до н.э., обнаружены в Иерихоне и Сятал Гюйюке (анатолийское высокогорье) [Книга символов URL]. *Башни* и *пирамиды* как разновидности дома и воплощение идеи мировой оси имеют сакральную отнесенность (ср. русск. *вавилонская башня, египетские пирамиды*; болг. *вавилонска кула, египетски пирамиди*).

В различные эпохи жилище и поселения славян являются отображением образа жизни и отвечают потребностям человека и его деятельности. Ряд наименований славянских поселений служит свидетельством родовых отношений и развития земледелия: *корень* и *гнездо* (ст.-слав. *гнѣздо* из индоевропейского **ni-zdos* 'внизу и сидение' [ЭРСФ URL]). Метафорическое употребление указанных названий связано с родом и племенем, домом, Родиной (Ср. русск. *отцовское гнездо, родовое гнездо, дворянское гнездо, покинуть свое гнездо, уютное гнездышко, пустить корни*; болг. *семеино гнездо, свивам си гнездо, имам добри корни* и др.). Указание на семейный союз, привязанность жилища к определенному месту содержат такие названия славянских поселений, как *огнище* и *печище*. Огонь / очаг как сакральный символ является знаком очищения, защиты и единения семьи, дома (ср. русск. *у родного очага, домашний очаг, тепло семейного очага, хозяйка очага*; болг. *бащино огнище, домашно огнище, покрай огъня / огнище*).

Фактуальная составляющая концепта представляется многогранным семантическим полем лексемы *дом*, которое является открытым и подвижным. Родовым понятием является русск. *дом, жилище*, устар. *храмина* (болг. *дом, жилище, къща*). Традиционным русским жилищем является

изба (для южных районов *хата*, *курень*), а болгарским - *къща*. Освященную очагом избу А.Н.Афанасьев называет „первым языческим храмом“ [Афанасьев URL]. Лексемы *хоромы*, *храмина* и *храм* имеют общие корни. Употребление *храма* как ‘значимого культового сооружения для выполнения религиозных обрядов’ обуславливает формирование в слове *хоромы* переносного значения как большой, богатый дом. От греч. *skene* ‘шатер’, ‘обитель’ происходит слово *скиния* как праобраз христианского храма. В священном Писании так называется переносной храм у древних евреев до постройки храма в Иерусалиме. (В русской традиции в указанном значении употребляется и слово *кущи*). Соотношение *храм* – *хижина* (болг. *хижа* ‘жилье, землянка’) оформляет антиномию ‘вечное – тленное’, ‘небесное – земное’ как основу представлений о доме.

Славянское жилище проходит долгий путь развития вширь и ввысь: от элементарной конструкции в виде *ямы*, прикрытой каким-либо природным материалом (трава, дерн, глина, листва, ветви), *землянки*, *хижины* до *усадьбы*, *имения* (изменение по ширине) и современных *небоскребов* (изменение по высоте).

Лексико-семантическое поле включает в себя многочисленные номинации жилища (русск. *берлога*, *лачуга*, *логово*, *очаг*, *угол* и др.; болг. *бърлога*, *леговище*, *огнище*, *ъгъл*, *кът*), они отличаются стилистической окраской: положительной (*изба*, *землянка*, *терем*, *гнездо*, *кров*, *приют*, *пристанище*, *обитель*, *убежище*, *укрытие*, *хоромы*, *дворец*, *вилла*, *бунгало*; болг. *къща*, *подслон*, *домашен кът*, *стряха*, *домакинство*, *обител*, *гнездо*, *убежище*, *укрытие*, *дворец*, *палат*, *имение*, *покои*, *резиденция*, *бунгало*) или отрицательной коннотацией (русск. *клетушка*, *конура*, *свинарник*, *тараканник*, *лачуга*, *развалюха*, *хижина*, *халупа*, *хибара* и др.; болг. *свърталище*,

вертеп, скривалище, дупка, котило, коптор, бордей, бърлога, обиталище, колиба, кочина, кошара, хижса, развъдник). В некоторых из них делается акцент на временном параметре жилья, связанным с нестабильностью, шаткостью постройки (*барак, лачуга, хижина, времянка, дача, землянка, зимовка, сторожка* и др.; болг. *барака, колиба, пристройка, хижса, вила, землянка*), а другие наименования, наоборот, свидетельствуют о стабильности и защищенности жилища (русск. *хоромы, палаты, кров, убежище* и болг. *скривалище, убежище, обитель, дом*).

Подвижность семантического поля связана с изменением условий жизни и появлением новых видов жилья. По наименованиям жилища можно читать историю русской и болгарской культуры. Наряду с ушедшими в прошлое названиями (русск. *изба, усадьба, палаты, коммуналка, хрущевка* и др.; болг. *имение, дворец, палат, резиденция, кооперация, боксониера*), наблюдается пополнение лексического пласта новыми номинациями (русск. *небоскреб, особняк*; болг. *небостъргач*), в частности заимствованными из английского языка (*пентхаус, таунхаус, коттедж*), а также из французского языка (*мезонет, мансарда*).

В конце XX века в России начинается настоящий «коттеджный бум» (от англ. *cottage*). На начало XXI века приходится бум *таунхаусов* (от англ. *townhouse*). Например, загородное строительство в Подмосковье имеет сейчас указанную тенденцию. Такой тип малоэтажного жилого дома на несколько семей (с различными входами) часто иронически называют *деревенским небоскребом*, очевидно иронизируя над незначительной высотой этого дома.

Уже уходит в прошлое эпоха новорусских дворцов и замков, двухуровневых квартир, начинается строительство экономичного, доступного жилья – *таунхаусов-общежитий*. „Модными” (доступными по финансовым

причинам) в России становятся квартиры под крышей (русск. *пентхаус, мансарда, квартира-студия*; болг. *пентхаус, мезонет*).

Например: *В Подмоскowie приживается новый вариант решения квартирного вопроса. На шести сотках вдруг вырастает многоквартирный дом - не то **деревенский "небоскреб"**, не то ущербный **таунхаус**... Для юга России подобные дома на 10-20 семей на участках для индивидуальной застройки - не редкость, для столичных окрестностей - откровение. Эпоха новорусских замков сменяется эпохой **капиталистического общежития**? (Известия 13.01.2010).*

В ногу со временем движется проект дешевого *сотового жилья*. Это так называемое микрожилье или квартиры сверхмалой площади (от 8 кв.м.) для достаточно комфортного проживания одного или двух человек (Наука и техника №9(28), 2008; Завтра-Новости 23.03.2009; Собственник 31.10.2006 и др.).

2.2. Дом как микрокосм

Дом выступает символическим отображением Космоса как иерархически упорядоченного пространства. В древнегреческой философии само понятие *космос* обозначает *порядок*.

Дом является микрокосмосом или микрокосмом (от греч. *μικρός* 'малый' и *κόσμος* 'порядок, мир, вселенная'), построенным по модели макрокосма. В древнеславянском восприятии мира существует вертикальное и горизонтальное членение пространства. По вертикали космос делится на три яруса. Мир жизни соотносится со средним, наиболее защищенным уровнем – это место обитания людей. Верхний ярус представляет Небо, находящееся во власти существ, чьей стихией является

воздух и солнечный свет. Нижний, подземный уровень – это Земля как пристанище смерти и источник новой жизни.

Важная роль в модели мира отводится четырем сторонам света (восток, запад, юг, север) (ср. *уйти на все четыре стороны*). Славянские жилища, как правило, были квадратной формы с четкой ориентацией по сторонам света углами или стенами построек. Сакральной стороной традиционно считается восток, поэтому и дома обычно строятся с выходом на восток, юго-восток. Человек, обратившись на восходе к Солнцу, мог наблюдать за его передвижением на запад, который соотносится с пристанищем темных сил (Ср. Неслучайным в сказках является расположение избышки на курьих ножках входом на запад и обращение к ней персонажей: «*Избушка, избышка! Стань ко мне передом, а к лесу задом*»).

Соотносительная связь *дом ~ микрокосм* проявляется в самом ритуале строительства дома по аналогии с актом творения мира. Еще одна аналогия (*дом ~ Вселенная*) прослеживается в восприятии храма (ср. храм - дом Божий) как мини модели Вселенной, где купол ассоциируется с Небом, стены и столбы символизируют Землю, а алтарь, ориентированный на восток, соотносится с земной жизнью Спасителя. Дом является своего рода храмом для человека. Таким образом, аналогия *храм ~ Вселенная*, а точнее *дом Божий ~ Вселенная* служит основой образного восприятия *дом ~ Вселенная*.

Концептуальная сложность *дома* обуславливается наложением различных характеристик. Российский психолог В.А.Ганзен [1984] предлагает при описании и определении любого объекта учитывать комплекс факторов, составляющих необходимый и достаточный единый общенаучный базис: пространственные, временные, энергетические и информационные характеристики. Понятие *дома* находится на пересечении пространственного

и предметного кодов культуры, а тесная связь пространства и времени, которые в архаичной модели мира представляют собой вообще единое целое – „пространственно-временной континуум” [Топоров 1983: 227-284], обуславливает наложение на пространственный код временного кода. В соответствии с аналогией *дом ~ мир*, пространственные отношения строятся в виде оппозиций (*верх-низ, внутренний-внешний, открытый-закрытый* и др.).

В пространственной модели *дома* (см. Рис. 1) четко обозначаются горизонтальные и вертикальные координаты.

Рис. 1. Модель дома

Роль оси дома выполняет мировая ось, проходящая через *очаг* дома, символизирующий алтарь. Часто в доме в функции оси выступает *лестница* как символ перехода. В горизонтальной проекции жилища точками, через которые проходит ось Вселенной являются следующие: центр модели мира – *двор*, центр двора – *дом*; центр дома – *очаг*.

Дом имеет свою структуру, причем деление внутреннего пространства осуществляется как посредством стен, так и отдельных предметов (стол, печь и др.), которые А.С.Кучумова именует «локусами» [Кучумова URL].

Формирование внутренних «границ» связано с социо-гендерными характеристиками обитателей дома и, как пишет А.К.Байбурин, является «выражением особенностей ритуальной, религиозной, хозяйственно-экономической и других видов деятельности человека» [Байбурин 1983: 134].

По диагонали дом делится на две части (оппозиция правый-левый)¹⁶: в левой части располагается женское пространство (русск. *бабий кут*) или угол с печью (очагом), а правая сторона с *красным углом* составляет мужское пространство (русск. *хозяйский кут*). В Толковом словаре В.Даля [Даль URL] описывается предназначение углов традиционной русской избы: слева от входа *стрянной, бабий кут* и печь; по другую *хозяйский кут* (*кутник нижний*) или *коник* (от койки, род ларя для поклажи упряжи и пожитков); прямо против печи *печной угол* или *жернов угол* (он же *куть, кутной*), где стоит ручной жернов, где бабы работают; прямо против коника наискось противу печи, *красный: большой* или *верхний* угол, с иконами и столом.

В структуре отдельных частей дома также прослеживается соотношение с моделью мира. Например, исследователи [Кучумова URL] отмечают уподобление структуры *красного угла* структуре дома, повторяющей модель Вселенной и модель человека. При этом красный угол воспринимается связующим коммуникативным звеном на трех уровнях Вселенной: на уровне реальной жизни, на божественном уровне и мифологическом как связи с преисподней.

Аналогия: дом как творимый человеком артефакт и Вселенная, сотворенная Создателем, вписывается в предметный код и накладывается на временной (сначала

¹⁶ Как одна из основных мифологических оппозиций *правый – левый* воспринимается как соотношение *положительный – отрицательный, мужской – женский* [Энциклопедия мифологии URL].

происходит сотворение мира, а затем строительство дома). Таким образом, дом как микрокосм становится подобием мира как макрокосма. Отсюда четкое повторение в доме структурных компонентов модели мира, как и уровней Вселенной в вертикальной проекции: небо – *потолок*, земля – *пол*, мир жизни – сам *сруб*, ось – *алтарь / очаг* и др. В горизонтальной проекции в модели дома четыре стены, обращенные к четырем сторонам света с выходом на восток.

2.3. Дом в дихотомии *свой - чужой* как базовой структуре культуры

Дом – это совокупность пространственно-временных точек и линий, составляющих траекторию жизненного пути, конституирующих человеческую личность [Разова 2002: 215]. Это место, где рождается человек, где происходит становление личности, на которую проецируются качества и черты дома и семьи, это своеобразная информационная база, которую впитывает в себя человек, и в то же время модель социальных отношений и, следовательно, подготовки к выходу за пределы пространства дома. К.Ясперс отмечает, что, несомненно, и жилище, и одежда, и домашняя обстановка несут на себе отпечаток осознанного или неосознанного преобразующего воздействия [Ясперс 1997]. Именно такое представление дома мы находим в фольклоре и мифах, где *дом* присутствует в качестве смыслового и пространственно-энергетического центра. Он помогает представителю традиционной культуры в преодолении синкретизма мифологического мышления и в формировании понятийного аппарата.

В феномене дома реализуются архетипические представления человека, антиномии *верх-низ*, *свой-чужой*, *внутренний-внешний*, *открытый-закрытый*, *горизонталь-*

вертикаль, правый-левый, мужской-женский и др. А что касается архетипических функций дома, то исследователи выделяют разное их количество. Например, С. В. Климова называет семь основных архетипических функций дома:

- жизнеобеспечивающая и спасительная;
- защитная;
- нормативно-этическая,
- социально-консолидирующая и смыслообразующая;
- идентификационная;
- исцеляющая и обновляющая (восстанавливающая);
- берегающая и эстетически умиротворяющая

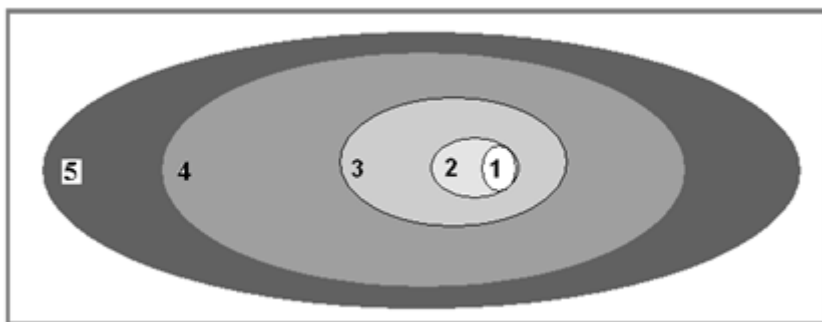
[Климова URL].

Обобщая сказанное, можно предположить, что идея дома предстает в физической и метафизической проекциях. Дом в модели мира, с одной стороны, воспринимается в качестве убежища, защищающего человека (русск. *дом – моя крепость; Дома и стены помогают*; болг. *В къщи и стените помагат*), а с другой – в качестве упорядоченного топоса, места обитания человека (русск. *Кто умеет домом жить, тот не ходит ворожить; Дома и солома съедома; Хоть по уши плыть, а дома быть*). Определяемый как пространство, где реализуется защищенность человека и его право на свободу (личную жизнь), дом, несомненно, имеет границы (Ср. русск. *за высоким забором; за семью замками; не пускать на порог; переступить порог*; болг. *прекрачвам прага; вратите са затворени*). Более того, дом является тем пространством, которое обеспечивает связь с внешним миром (русск. *окно в мир*; болг. *прозорец към света*).

Несомненно нужно согласиться с мнением А.К.Байбурина о том, что с появлением жилища в традиционном обществе, мир приобретает те черты пространственной организации, которые на бытовом уровне являются актуальными и сейчас [Байбурин 1983: 10]. С этой точки зрения, дом можно рассматривать как точку отсчета в

пространственной модели мира. Дом основывается на ряде оппозиций - он противопоставлен окружающему миру как пространство *закрытое - открытому, безопасное - опасному, внутреннее - внешнему*. Следовательно, дом в структуре культуры представляет древнейшую и универсальную оппозицию *свой – чужой*.

Психологи утверждают, что человек по-разному проводит границу между собой и окружающим его миром. Чем обширнее пространство самоотождествления человека, тем большее содержание мира человек осознает как свое. Пользуясь топонимикой К.Левина [см. Левин 2000] и отталкиваясь от условной единицы осознанного человеком мира, мы предлагаем организацию и членение пространства в виде нескольких овалов (см. Рис. 2).

- 1 – Внутренний мир человека
- 2 – Личная зона человека
- 3 – Истинная среда обитания
- 4 – Жизненное пространство
- 5 – Чужое пространство

Рис. 2. Схема организации пространства человека в пространственной модели мира

В центре находится круг, символизирующий собой внутренний мир личности (1). Он ограничивается телесными границами и располагается внутри человека. Находясь на расстоянии вытянутой руки простирается личная зона человека (2). За ее пределами, но все еще воспринимаемая как близкое и осознаваемое пространство, находится сфера жизненного пространства человека (4). Жизненное пространство включает социальный и физический миры, имеет две основных границы: внешняя отделяет жизненное пространство от чужого, внешнего мира (5), а внутренняя граница отделяет внутренний мир человека (1) от психологической среды или своего мира (3) в пределах жизненного пространства человека.

Свое пространство включает в себя личную зону (2), находящуюся на расстоянии вытянутой руки, истинную среду обитания (3) и жизненное пространство (4). На наш взгляд, истинной средой обитания для человека и предстает его *дом*.

Интересно, что восприятие границы своего и чужого пространства претерпевает эволюцию. Первоначально такой границей служит *порог, дверь, стены* дома. Затем пределы своего пространства расширяются и выходят за рамки *дома* во *двор*. *Дом* и *двор* употребляются как одно целое, а лексемы как синонимы (ср. русск. *В деревне десять дворов* = *В деревне десять домов* = *В деревне десять семей*). В данном случае границей своего и чужого пространства уже выступают *ворота и забор*. Впоследствии границы своего пространства еще более расширяются. Общаясь с внешним миром, человек переступает границу жилого пространства, но все еще не попадает в чужое пространство, потому что его социокультурные контакты осуществляются в знакомой, осваиваемой человеком зоне его жизненного пространства.

Структуризация мира находит свое отражение во фразеологии. В оппозиции *свое – чужое* пространство активность проявляют как различные наименования жилища, так и структурные элементы *дома*. Дом как свое пространство находит отражение в ФЕ: русск. *Всяк кулик свое болото хвалит; Глупа та птица, которой свое гнездо не мило; Худая та птица, которая свое гнездо марает; Своя хатка – родная matka; Свой дом не чужой: из него не уйдешь*; болг. *У дома си правиш каквото си искаш; Своя къщица – своя свободица; Всяка жаба да си знае гьола; Всяка лястовица своето гнездо най-много хвали*.

Символизация *своего* и *чужого* пространства связана с такими элементами *дома* как русск. *порог, потолок, крыша, подпол*; болг. *таван, праг, покрив*, создающими разноуровневую вертикальную границу, а также русск. *забор, двор, стена, окно, дверь, угол, печь*; болг. *стена, врата, вратичка, прозорец*, формирующими горизонтальную границу. Например: ФЕ русск. *за стеной не видать; Чужие стены не греют; На своей печи – сам себе голова; Свой уголок всего краше; Свой уголок – свой простор; Свой уголок – хоть боком; пролезть, а все лучше; Всяк береги свой потолок; Всякая изба своим потолком крыта, своей крышей повершена; Чужие стены не греют; Под чужой потолок подведут, а другое имя дадут (отдавая замуж); Не садись под чужой забор – а хоть в крапивку, да под свой*; болг. *Нашето гардже е винаги най-хубаво, нашата къща е най-подредена*.

2.4. Дом и его семантическое пространство

Слово *дом* восходит к общеиндоевропейскому корню *tʰom- и обозначает элементарную социальную единицу индоевропейских племен, которая предполагает объединение и совместное проживание людей, связанных

социально-семейными признаками, с главой дома и служителями [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 741-742]. (Ср. др.-инд. *dāmas* ‘дом’, *dāmīnas* ‘домашний, связанный с домом’, греч. *δομος*, *δομή* ‘строение’, лат. *domus* и др.). Индоевропейские названия племени также формируются на основе указанного корня [там же: 749]. Можно предположить, что попавшее в славянские языки слово также имеет широкую семантическую структуру. Изменения в ней происходят в ходе исторического развития русской и болгарской лингвокультур.

Развитие представлений о доме, как отмечают исследователи русского языка и русской культуры [см. Красных 2002: 245; Колесов 2000], происходит в ходе продвижения от антропологической значимости и обусловленности понятия к материальному фактору. В родовом быту *дом* означает населяющих его людей, потому что черпает свою уникальность от своих обитателей. Этимологические исследования лексемы *дом*¹⁷ и ее однокоренных слов показывают, что в древности *домом* называлась не только проживающая в нем семья, но и все обитатели дома. Доказательством этого является и лексико-фразеологический материал (например, русск. *гостеприимный дом*; болг. *гостоприемен дом*; *Да завъртиш къща като кукувица*). Об этом прозрачно говорят и лексемы, обозначающие обитателей дома, его чад (русск. *челядь*; *домосед*; *домочадец*, *домочадцы*, *домодержец*; болг. *челяд*, *домошар*; устар.¹⁸ *домочадие*, *домочадец*, *домовник*, *домовница*). В древнеболгарском языке слово *челядь* обозначает ‘род, домочадцев, семью’ [ЭСФ]. Затем *челяд* в

¹⁷ В русском языке, например, слово *дом* упоминается с XI века как обозначение любого жилища, проживающих в нем людей, семьи, хозяйства, рода и храма [Черных 1999: т.1, 262].

¹⁸ Речник на остарели, редки и диалектни думи /

<http://www.bgjourney.com/Bit%20t%20Kultura/Bit%20i%20kultura.html>

болгарском языке функционирует как номинация детей, домашних, членов семьи, а в русском языке *челядь* формирует значение ‘прислуга’ и маркирует социальную принадлежность к дому – так называли сначала зависимых людей, домашних слуг, а в XVIII - XIX веках при крепостном праве – дворовых людей помещика. Впоследствии у слова формируется переносное значение с пренебрежительной коннотацией - ‘люди, занимающие низкое служебное или общественное положение’, а теперь *челядь* воспринимается как ‘люди, лакейски прислуживающие кому-либо’. Слово *домочадец* (мн.ч. *домочадцы*) в русском языке также обозначало приписного к семье человека, проживающего и служащего в доме, но без родственных связей. В современных словарях¹⁹ слово фиксируется как устаревшее со значением члена семьи и родственника (ср. болг. *домочадие*).

В русской лингвокультуре *принять в дом кого* (устар.) означало ‘включить его в состав своей семьи’. В болгарских выражениях *Шушу-мушу къща разваля; не мога да свъртя къщата* компонент *дом (къща)* употребляется также в значении ‘семья, брак’.

Постепенно в образе *дома* концентрируются представления о хозяйстве, имуществе и др. (русск. *жить на два дома; жить одним домом; вести дом; Домом жить - обо всем тужить*; болг. *Да събираши дом и къща; въртя къща; гледам къща / дом; гледам си къщата*). Определения *домовитый* и *доморощенный* демонстрируют отношение к хозяйству. *Доморощенный* (то есть произведенный, выращенный дома) в русском языке развивает переносное значение ‘не обладающий достоинствами, заурядный’ (ср. болг. *доморасъл*). Определение *домовитый* (болг. устар.

¹⁹ Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка, 2000; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, 1992.

домовит) относится к хозяйственному человеку, заботливо относящемуся к своему дому, в болгарском языке слово явно развивает сему благополучия.

Впоследствии *дом* воспринимается как здание (закрытое пространство), в котором укрываются люди, имущество, жизнь. Как номинация принадлежности человеку материального объекта рождаются фамилии (ср. *дом Ивана ~ Иванов дом ~ Иванов*). В XIX веке закрепляется в русском языке и лексема *фамилия* (от лат. *familia* ‘семья, род’) как родовое наименование, передающееся по наследству.

Дом непосредственным образом связан с идеей рода (русск. *дом Романовых, родной дом*; болг. устар. *домородство*). Постепенно происходит расширение семантических связей слова *дом* и развивается перенос *дом* ~ Родина (русск. *Вернуться в отчий дом; родной дом; Родина – наш дом* и др.). В болгарском языке в значении Родина функционируют синекдохические образования (конструкт дома: *кът, стряха, огнище* ~ дом ~ Родина) (болг. *роден кът; бащино огнище; родна стряха* и др.). Подобное переносное употребление используется и в русском языке (русск. *родной кров; родной очаг; семейный очаг*).

В значении Родины активно употребляется заимствованное русским языком слово *пенаты* (от лат. *penates*) – русск. *родные пенаты, вернуться в родные пенаты*. В древнеримской мифологии так называли Богов покровителей домашнего очага. Домашние боги находятся в самом доме (в кладовой, около очага (от *penus* - съестные припасы)), они охраняют домашний очаг, поэтому в переносном смысле *пенаты* становится обозначением домашнего очага, родного дома, Родины (русск. *родные пенаты, Отческие пенаты*). Кроме того, в русском языке понятия *кров* и *очаг* пересекаются в семе символического

единения дома (Ср. Крыша (устар. *кров*) объединяет дом, ее разрушение приравнивается к разрушению дома; Очаг - основной элемент структуры дома, связанный с культом огня, как очищающий и дающий жизненные силы символ объединяет дом и его обитателей), поэтому сочетание *отчий кров* также является обозначением родного дома и Родины.

В болгарской лингвокультуре символическая связь с очагом родного дома лежит в основе устойчивого обозначения Родины – *бащино огнище*.

Дом как топос становится причастным к жизни (рождению) и смерти его обитателей. В нем заложена идея перехода (*лестница*) из одного состояния в другое и в нем уже ощущается присутствие потустороннего мира (*темная комната, тайники и сейфы*). В мифологии *дом* наделяется рядом признаков. Их можно определить как трансгрессия, трансформация и трансмутация. Он не только способен передвигаться (*избушка на курьих ножках*), но и служить тем средством, с помощью которого осуществляется связь с иным миром. В этом случае модификации дома - *колыбель / люлька* и *домовина / гроб*, не только являются средствами перехода, но и трансформации человека, осуществляемой с целью приспособления человека к иной реальности [см. подр. Петрова 1999: 60-61].

Дом – это форма встречи мира живых и мира мертвых. Покровителями дома выступают умершие предки. Связь с ними обитатели дома поддерживают через ритуальные поминальные и календарные трапезы. У славянских народов широко распространено верование, что души умерших возвращаются домой в определенные дни. Местом пребывания умерших предков считаются *печь, порог, углы* дома (это связано с древним обычаем хоронить умерших под порогом (у входа, под полом). У болгар есть святыне-покровители дома и семьи. День памяти такого святого

празднуют как *именины* и приносят жертвенное животное (*курбан*).

Таким образом, в семантическом пространстве дома уживается несколько аналогий: дом ~ Родина, дом ~ храм, дом ~ хозяйство, дом ~ род, дом ~ семья и дом ~ человек. Указанная общая семиотичность дополняется символическими функциями конструктивных элементов дома.

2.5. Архетипы и символы как основа формирования культурного феномена 'дом'

Под архетипом (от греч. *arche* - *начало* и *typos* - *образ*) понимается первичная схема мифологических образов. В качестве древнейших общечеловеческих идей и символов архетипы относятся к самым глубоким уровням человеческого сознания и входят в категорию так называемого "коллективного бессознательного" (К.Г.Юнг), которое составляет духовное наследие человеческой эволюции, генетически получаемое человеком. Архетипы неизменно обнаруживают принадлежность к сфере сакрального. В определении архетипа Т.Манн подчеркивает вневременной характер указанных изначальных образцов и издревле заданных формул, в них «укладывается осознающая себя жизнь, смутно стремящаяся вновь обрести некогда предначертанные ей приметы» [Манн 1960: 175].

Мироощущение и миропонимание в рамках мифа как древнейшего мировоззрения обуславливается логической диффузностью и нерасчлененностью мышления - в сознании человека не происходит разделения субъекта и объекта, происхождения и сущности, вещи и слова. Подобный синкретизм реального и ментального планов порождает так называемый мифологический символизм, посредством которого сохраняется целостность образа

мира. По своему содержанию символ как понятие занимает промежуточное положение между образом и знаком [Караулов 1987: 202]. В силу устойчивости своего образа, символ как отображение стереотипизированного смысла часто называют “застывшим” образом. «Символический слой» как обобщенный принцип дальнейшего развертывания свернутого в нем смыслового содержания, по мнению А.Ф.Лосева, можно выделить во всяком семантически целостном языковом образовании [Лосев 1976: 133].

Дом и его составляющие конструкты обладают несомненной символической значимостью. С процессом строительства дома связан архетип *краеугольного камня*. Сакральность ритуала строительства дома уже подчеркивалась выше. Обычно *краеугольный камень* соотносят с *углом*. В этой связи *угол* воспринимается двояко: с одной стороны, он ассоциируется с понятием *головы* (главный), а с другой – с *закоулком*, то есть удаленным, потайным пространством. Рассматриваемую символику проясняет еще один камень. Он является *главой углов* и закладывается в основу дома, представляя „квинтэссенцию” строения. Этот первый камень, по мнению Р.Генона, может рассматриваться как отражение *последнего камня*, который воспринимается подлинным *краеугольным*. Именно он венчает строение, становится его центром, *главой* (Ср. общая основа слов *голова* и *капитель* в греческом языке (*capitulum* от *caput*); в английском языке *keystone*, *capstone* (*coping-stone*) ‘замок свода’ или фр. *Clef de voute* ‘ключ свода’) [Генон 2002].

Часто *краеугольный камень* именуют „философским” камнем или „камнем, упавшим с неба”. Вместе с *основополагающим* или *закладным камнем*, который воспринимается в качестве сердца строения, он составляет вертикальную и горизонтальную основу дома. Указанный

образ соотносится с основой христианского учения, той церкви, которую строит Иисус Христос: „и на сем камне я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее" (Мтф., 16, 18). Отсюда значение сочетания *краеугольный камень* (болг. *крайъгълен камък*) как обозначение сути, базиса, основы чего-либо.

Связанное с изложенным выше устойчивое сочетание *ставит что-либо во главу угла* ‘признать что-либо самым существенным – основой всего построения, положить в основание’ восходит к евангельской притче о строительстве здания. Один камень при постройке казался зодчим не годным. А при возведении угла, что давалось всегда особенно трудно и требовало надежных опор, именно он подошел, сделавшись "главою угла".

Как показывают исследования, *дом* не просто создается по модели мира и человека, но и тесно связан с символикой *сердца*. Он представляет собой самое важное в модели, а следовательно, и в жизни человека. Если обратиться к древней мифологии, то интересна проводимая параллель между сердцем и Святым Граалем [Генон 2002: 41].

Существуют различные гипотезы по поводу того, что такое Святой Грааль. По одной из них, Грааль – это некий камень (именно так он изображается в средневековой литературе), по другой – это драгоценная реликвия (Ноев ковчег из золота). Однако наиболее распространенным является предположение, что это таинственный магический сосуд - символ жизни и возрождения, языческие корни которого уходят в древнеевропейскую мифологию, это чаша, из которой причащается Иисус Христос на Тайной вечери и в которую Иосиф Аримафейский собирает капли крови распятого на кресте Спасителя. В переносном значении сочетание *Святой Грааль* (болг. *Свещен Граал*)

функционирует в языке как обозначение ‘заветной цели, часто недостижимой’.

Сердце, как утверждает французский философ Рене Генон [2002], чаще всего изображается в виде чаши. Исследователь предполагает, что и в символике Грааля переплетается символика чаши и камня, как материала, из которого сделан этот сосуд. По преданию, чаша сделана из камня, выпавшего из короны архангела Люцифера, но послужив Сыну Человеческому, она стала почитаться как священная. Испивший из этой чаши (на этом основан и ритуал евхаристии) получает прощение грехов и вечную жизнь. Отсюда и выражение русск. *дом – полная чаша*; болг. *къщата (на някого) прелива като пълна чаша*. Причем сама чаша обычно изображается в виде треугольника, вершиной вниз [Свирепо, Туманова 2004: 127]. Поэтому неслучайными будут метафорические осмысления, основанные на подобии формы, русск. *треугольник сердца, любовный треугольник* (ср. болг. *любовен триъгълник*).

2.6. Символические функции конструктивных элементов дома

В традиционном обществе *дом* – это одна из ключевых констант культуры, потому что с домом (как и с человеком) соотносились основные элементы и категории картины мира [см. Байбурин 1983: 3]. Мифологические представления находят свое отражение в организации пространства дома и его основных составных частей. Они сохраняются языком и четко прослеживаются во фразеологическом фонде. Значит, дом является таким „сгустком культуры” в сознании человека, посредством которого человек воспринимает и познает свою культуру и одновременно входит в нее [Степанов 2001: 43]. Дом не только несет в себе знаковую символику, но и с помощью

языка сохраняет и транслирует ее из поколения в поколение.

Формирование русских и болгарских архетипических представлений о доме происходит в недрах славянской мифологии на фоне эволюции общечеловеческого знания. Именно поэтому в русских и болгарских образах и символике так много общего.

Дом представляет собой хорошо структурированное единое целое, в котором все элементы взаимосвязаны и взаимозависимы. Внешнюю структуру дома образуют следующие элементы (конструкты): русск. *крыша, этажи, окна, дверь, порог, стена* (болг. *покрив, прозорец, врата, праг, стена*). Внутреннюю структуру формируют как конструкты: русск. *лестница, потолок, пол, угол* (болг. *стълба, таван, под, ъгъл*), так и внутренние помещения: русск. *кухня, ванная, кабинет, столовая, спальня, кладовка, чердак, подвал* (болг. *кухня, баня, кабинет, столова, спалня, килер, таванска стая, мазе*), а также предметы мебели и домашнего быта. Большая часть лексем характеризуется культурной семантикой.

Крыша, кров – покрив, стряха, керемида

Украшение *крыши* русских домов головой коня (даже саму крышу называли *конек*) демонстрирует связь с мифологическим уровнем Неба и превращает дом в устремляющуюся ввысь колесницу. *Кров* и болг. *стриха* становятся обозначением самого дорогого – родного дома, Родины (русск. *родной кров; отчий кров*; болг. *родна стряха; бащина стряха*).

Крыша (болг. *покрив, стряха*) как венец конструкции создает защищенность и часто используется как номинация дома. В болгарском языке в этом случае возможно употребление слова *керемида* (русск. *черепица*),

формирующего ассоциативный ряд *керемида ~ покрив ~ къща*. Например: русск. *своя крыша на голове*; болг. *имам покрив над главата си; имам стряха над главата си; приютявам (приютя) под стряха; имам керемида над главата си; Керемидите на къщата тежат, ама я и покриват; И керемида (покрив) няма над главата си; работя под керемида*.

С другой стороны, *крыша* предстает в качестве объединяющего начала, а фразеологизмы с данным компонентом отражают совместность проживания в доме его обитателей: русск. *под одной крышей*, болг. *живея под един покрив*.

Окно – прозорец

В *окне* как мифопоэтическом символе реализуются два типа семантических оппозиций: *внешний – внутренний и видимый – невидимый*. В народной традиции *окно* осмысливается как проводник света и тепла, создающий непрерывную связь с Солнцем, Богом, а также как граница с чужим пространством (*свет в окошке, открыть окно в мир*; болг. *prozoreц към света*).

В обычае при восходе солнца открывать окно прослеживается аналогия с выходом Солнца из небесного ока (ср. в русских детских песнях: *Солнышко, солнышко! Выгляни в окошко...*). Но оконный проем, как отмечает Б.А.Рыбаков, воспринимается не только возможностью связи с миром и Солнцем, но и «глазком» для чужих людей, злых духов, которые могут сглазить, навредить человеку [Рыбаков 1987]. Поэтому окно, как и другие самые «уязвимые» места дома, становится местом установления оберегов: это многочисленные солярные знаки-изображения Солнца, „хляби небесные” верхнего Неба (наряду с

подковой на двери, коньком на крыше и др.), которые оберегали жилище древнего человека от влияния злых сил.

С XIX века в русском языке становится популярным метафорический образ окна в мир - (*прорубить*) *окно в Европу* (из произведения „Медный всадник” А.С.Пушкина), демонстрирующий начало установления в эпоху Петра I контактов России с европейскими странами и возможности знакомства с европейской жизнью, бытом и культурой.

Дверь – врата, вратичка

В символике связи обитателей дома с внешним миром соотносятся *окно* и *дверь*. Ср. русск. *Заступи черту дверь, а он в окно; Муж в двери ногою, а жена в окно и с головою*. Однако если посредством *окна* осуществляется, главным образом, созерцание, то *дверь* несет высокодифференцированную символическую нагрузку, открываясь в позитив или в негатив, соединяя пространства.

Древнегреческий бог Янус (бог двери) изображался двуликим (с молодым и старым лицом) символизируя пространственные (вход и выход) и временные показатели (будущее и прошлое). В мифологии древних римлян Янус - божественный привратник, в гимне Салиев его призывают под именем Clusius или Clusivius (Замыкающий) и Patulcius (Отворяющий). Его толкуют также как «мир» (mundus) или первобытный хаос, из которого потом возникает упорядоченный Космос, и он из бесформенного шара превращается в Бога и становится хранителем порядка, мира, вращающим его ось [см. Штаерман 1992: 683]. До появления культа Юпитера Янус был божеством Неба и солнечного света, открывавшим небесные врата и выпускавшим Солнце на небосвод, а на ночь запиравшим эти врата. Затем он уступает свое место Юпитеру, а сам занимает место владыки всех начал и начинаний во

времени. В современном русском и болгарском языках выражение *двуликий янус* (болг. *двуликя янус*) приобретает значение 'двуличности и неискренности' и уже не имеет ничего общего с первоначальными временными и пространственными отношениями.

Однако упомянутые характеристики *двери* находят отражение во фразеологии. Образ преддверия, пространственно-временного порога или кануна представляют ФЕ: русск. *в преддверии, у ворот* (болг. *на вратата е*); русск. *стучаться в дверь* (болг. *чука, тропа на вратата*). В болгарском языке во ФЕ *още от вратата* 'с порога да в карьер' подчеркивается быстрота смены бытийных ситуаций.

Дверь находится на границе в членении пространства на *свое* и *чужое*. Пребывание за закрытой дверью (как с внешней, так и с внутренней стороны дома) характеризуется определенным эмоциональным напряжением, ожиданием неизвестного. Отсюда и значение фразеологических оборотов: русск. *за закрытыми дверями*; болг. *при закрити врата (врати); стоя зад вратата*. С пограничной функцией своего пространства связаны русская и болгарская ФЕ *указать на дверь* и *посочвам някому вратата* 'попросить кого-либо уйти'.

Отношение к *двери* дома часто отождествляется с отношением к его хозяевам. Следующие фразеологизмы отражают различные стороны взаимоотношений между людьми: русск. *стучаться во все двери; ломиться в закрытую дверь*; болг. *чукам, тропам на вратата; тропам, чукам на отворена врата; разбивам отворена врата; ритам срещу отворени врати*. Пренебрежение и даже агрессия демонстрируются следующими действиями: *барабанить в дверь, хлопнуть дверью, а плевков в дверь* воспринимается как проклятие (*плюнуть в дверь*).

Поиски выхода из сложной ситуации в болгарском языке связаны с таким конструктом дома, как *вратичка* (русск. *дверца*): болг. *задна вратичка; намирам (намеря) вратичка; оставям вратичка; търся вратичка.*

Порог – праг

Порог как граница своего мира является местом магических и ритуальных действий. С ним соотносятся многочисленные запреты, действующие и сейчас на уровне стереотипов поведения (русск. *нельзя здороваться через порог, на пороге не стоят, через порог не разговаривают*; болг. *не наступают порог дома после погребения*). Указанные стереотипы связаны с архетипическими представлениями о защитной функции дома, границей которого является дверь и порог. Следуя им, современный человек продолжает устанавливать обереги на двери, над дверью или под порогом. Многие паремии содержат предостережения и советы человеку: русск. *Через порог руки не подают; Гостя встречай за порогом и пускай наперед себя через порог; Купцы на пороге в лавке не стоят (покупателей отгонишь); Через порог ничего не принимать - будет ссора; Под порог заговоры кладут*; болг. *Ако ти е драга, не я пуцай през прага*. До сих пор существует обычай переносить невесту через порог на руках – таким образом осуществляется символическая трансформация чужого пространства (для невесты это пока еще дом жениха) в свое.

Порог дома как граница своего пространства проявляется в ФЕ *за порогом* ‘вне дома’, *выносить сор из избы* ‘рассказывать о неприятностях, происходящих в доме’; *переступить (перешагнуть) порог / черту*; болг. *прекращам (прекраща) прага*, а также в русских пословицах, где порог выступает границей или преодолением такой черты характера человека, как робость: *Девичий стыд до*

порога, а переступила, так и забыла; Он язык за порогом оставил.

Пограничное положение *порога* в пространственно-временном аспекте отражается во ФЕ: русск. *на пороге* чего (болг. *на прага на нещо; стои на прага*), *у порога* (болг. *пред прага на нещо*); *с порога* ‘сразу же’ (болг. *от прага*).

Семантика количественной границы представлена в болгарской ФЕ: *прелива ми през прага* ‘лется через край, всего вдоволь’.

Восприятие *порог ~ дом* передается фразеологизмами в значении ‘ходить беспрестанно, просить, добиваться’: русск. *обивать пороги; обивать чужие пороги*; болг. *бия прага; изтривам (изтрия), претривам (претрия) прага на някого; изтривам (изтрия) чуждите прагове*.

Стена

Охранительную, защитную функцию дома выполняет *стена*, разграничивающая *свое* и *чужое* пространство. Слово принадлежит к общеславянской лексике индоевропейской природы и первоначальное его употребление соотносится с камнем (в немецком *Stein* ‘камень’, в греческом *stia* ‘галька’, в английском *stone* ‘камень’ и др.). Очевидно в связи с этим в русском языке сохраняется функционирование *стена ~ дом* (*Это пошло в стену*, то есть на дом, на хозяйство), а также употребление лексемы в значении защитной конструкции, оболочки *дома ~ человека*, его оплота. В книге пророка Иеремии Господь дает человеку следующую защиту: *И дам ты людям сим, аки стену крепку* (Иер. 15:20).

Указанная выше семантика защищенности в рамках своего пространства характерна для устойчивых выражений: *как за каменной стеной*; *надеяться, положиться как на каменную стену*; *дома и стены помогают* (болг. в

къщи и стените помагат); *обнести стеной*; *в стенах чего*; *в четырех стенах*; *засесть в четырех стенах* (болг. *между четири стени*).

Семантика *стены* - границы своего и чужого пространства, представлена во фразеологизмах с различной эмотивной характеристикой: безысходность (русск. *лбом стены не перебеешь*; *прижимать к стенке*; болг. *притискаам / притисна до стената*); упрямство (русск. *как бык в стену рогами*); исступленье (русск. *на стену лезть*); бесполезность (русск. *отскакивать как от стены горох*; *говорить как со стеной*; болг. *говоря на / като на стената*; *кажи на стената, и тя ще ти отговори*) и др. Как призыв к осторожности звучит ФЕ: *В стене лишние сучки есть*.

Угол, красный угол – кът

Дом существует, пока горит *очаг* (болг. *огнище*), который выступает олицетворением божественного огня как духовной силы и физической опоры человека. Он располагается на оси модели мира и воспринимается как ее центр, домашний алтарь. В христианскую эпоху *очаг* в русском жилище передает часть своих полномочий *красному углу* и *печи*.

Красный угол в русской избе – это самое важное и почетное место. В Древней Руси считалось, что именно там в определенные дни пребывают души предков. В красном углу располагалась божница, вешались иконы и стоял стол. Иконы в красном углу отождествляются с алтарем православного храма, а стол - с церковным престолом. С этим связано функционирование русской пословицы *Красна изба углами, а обед пирогами*. При входе в дом человек сразу же обращал свой взор в красный угол, крестился на иконы, а затем уже здоровался с хозяевами. В *красном углу*

сажали самых почетных гостей. Выражение *ставить во главу угла* означает 'считать самым важным'.

Возможно, поэтому *угол* начинает ассоциироваться с домом (*угол ~ дом*). С *углом* как частью внутренней структуры дома или домом в целом связана ФЕ *свой угол*, обозначающая 'свой дом, жилище'; ФЕ *сдавать, снимать угол*, то есть 'арендовать, давать в наем жилище или часть его', а также фразеологизмы *забиться в угол* как нахождение человека в защищенном месте и *загнать в угол* как отображение внутреннего состояния безысходности человека.

Подобная ассоциация (*угол ~ дом*) характерна и для болгарского языка: *семеен кът* воспринимается как уютное, защищенное место, а сочетания *роден кът*, *бащин кът* становятся обозначением родного дома, Родины.

Очаг, печь - огнище

Дом без печи издревле на Руси считался нежилым. Печь в крестьянской семье отличалась многофункциональностью: на ней готовили еду, спали, мылись, лечились, спасались от холода, делали запасы на зиму. Это место нахождения в доме стариков, родителей. Как символ женской преобразующей силы, чрева и рождения печь неизменно связана с женской частью дома (русск. *Бабе дорога - от печи до порога*). Множество пословиц представляют русскую *печь*, как кормилицу и основу жизни дома: *На печи все красное лето; Добрая-то речь, что в избе есть печь; Хлебом не корми, только с печи не гони!*

С *печью* как олицетворением домашнего очага соотносятся мифологические представления древнего человека, а также ритуальные действия. Связь человека с печью, с огнем как жизненным началом прослеживается в

похоронном и родильном обрядах [Байбурин 1983: 164-165]. В них печь выступает символом смерти и рождения.

Печь одновременно является центром дома и его границей. Полагали, что важные для семьи дни души умерших предков слетаются именно к печи; что за печью живет *домовой* - покровитель дома. Когда семья переезжала на новое место жительства, под печь ставили лапоть, чтобы домовый, как на саночках, мог уехать вместе со всеми. А гость, переночевавший на печи, становился своим, родным и близким для данной семьи человеком. Согретый теплом дома, он уже не мог причинить зло этому дому. Таким образом, печь символизирует приобщение чужих людей к семье. А когда кто-нибудь уходил из дома, печь закрывали заслонкой, чтобы человека не поминали лихом.

Печь ассоциируется с достатком и благополучием семьи (*И по летам, и по годам одно место: печь; Живет, что в печи*), уважением к старикам (*Дома на печи всяк в почете и в чести; Молчи: дедушка с бабушкой на зиму печь межуют; Молод бывал - на крыльях летал; стар стал - на печи сижу*), а также гостеприимством (*Будь, что дома: полезай на печь; Что есть в печи, все на стол мечи*). А ФЕ *танцевать от печки* или *от печки* 'делать что-либо, начиная с привычного места, с начала' подчеркивает первостепенное значение печи как основы дома в жизни человека. В то же время в паремиях и фразеологии звучит и предупреждение: *Хочешь есть калачи, так не сиди на печи! Бог не пошлет калачи, если лежать на печи; Не печь кормит, а руки*.

В болгарской лингвокультуре *печь* не обладает подобной культурной коннотацией в силу этнокультурных особенностей развития народа и геополитического положения Болгарии. Важное, сакральное место в болгарском доме занимало выложенное камнями место для огня - *огнище* (ср. русск. *очаг*). С ним связывается культ

огня, осуществление магических и ритуальных действий. При строительстве дома прежде всего выбирается место для очага. Дом считается опасным и чужим, пока не разведен огонь в очаге. От очага дом получает особое освящение. У очага (болг. *край огнище*) происходят семейные праздники, совершаются обряды и ритуалы, к нему прибегает народная магия и медицина (например, от уроков, страхов около очага омывают заговоренной водой). С очагом как священным местом был связан и ряд табу.

На свадьбу молодым обязательно дарили очажные принадлежности [Славянская мифология URL]. А молодая жена, вступая в дом, первым делом должна помешать огонь в очаге и посмотреть через дымоход - *комин* [Маринов 1994]. *Домашно огнище* становится символом дома и связывается с женским пространством и женщиной как хранительницей *домашнего очага*. А постоянное поддержание огня в очаге свидетельствует о его созидательной силе, семейном благополучии (ср. очаг-жертвенник, в котором горит *жертвенный огонь*). Очищающая сила огня, когда уголек из очага опускается в воду, передавая ей магическую власть, традиционно используется при заговорах от сглаза [Колев URL].

В патриархальном доме именно *огнище* собирает всю семью вместе, является тем светочем, поддерживающим осознание рода. Существовал даже обычай постройки дома на месте старого очага как символической связи в продолжении рода. Очаг в центре жилища впоследствии сменяется очагом пристенным, из которого получает развитие камин (болг. *камина*).

Ассоциативная связь русск. *печь, очаг* и болг. *огнище* прослеживается именно в символическом осмыслении огня как сакрального символа, дающего дому тепло, уют и благополучие (Ср. русск. *Живет, что в печи; Добрая то речь, что в избе есть печь; семейный очаг*; болг. *домашно*

огнище, семейно огнище; Бащино огнище – топло пепелище), в болгарском языке синекдоха *бащино огнище* становится символом Родины. Лексема *очаг / огнище* по аналогии с движением огня развивает еще одно значение - ‘место распространения чего-либо’. В болгарском языке указанная семантика представлена более широко (болг. *просветно огнище, духовно огнище, огнище на инфекция*; ср. русск. *очаг инфекции, очаг поражения*).

Дымоход, дымовая труба – комин

Символическим продолжением сакрального *очага* (болг. *огнище*) воспринимается русск. *дымоход, дымовая труба* и болг. *комин*. Через печную трубу осуществляется связь с внешним миром. Это своеобразный «выход из дома, предназначенный в основном для сверхъестественных существ и для контактов с ними» [Топорков URL]. Когда человек отправлялся в путь и выходил из дома, дымоотвод как соединение печи и дымохода обязательно закрывали *заслонкой*, чтобы дорога была благополучной и удачной. Очевидно поэтому фразеологизмы *вылететь в трубу; вылететь в трубу с дымом* связаны с бедой и разорением.

В болгарской лингвокультуре *комин* широко используется в ритуальных и обрядных действиях. Существует поверье о том, чтобы болезни не могли проникнуть в дом через дымоход, необходимо поддерживать постоянно огонь в очаге, а во время эпидемий – даже ночью. По поднимающемуся из трубы дыму составляют прогноз погоды (*На Димитровден димът от комините се вдига нагоре - зимата ще бъде мека*). В магических заклинаниях также фигурируют символы домашнего очага и дымовой трубы: *У къщата огнището ми да не гори, коминът да не пуши!* [Старева 2007: 457]. А о

надоедливом человеке пословица с негодованием говорит:
Изгонили го през вратата, той се вмъкнал през комина.

Лестница – стълба

Символична в доме и *лестница* (болг. *стълба*) как связующее звено между уровнями в модели дома ~ Вселенной. Лестница обеспечивает возможность перехода с улицы в дом, с одного этажа на другой, а следовательно, из одного состояния бытия в другое. Традиционно *лестница* воспринимается как осевой символ, это ось в модели дома и мироздания, по которой происходит восхождение, то есть приближение к Небу, или, наоборот, движение вниз (Ср. болг. *Животът е като стълба - едни се качват, други слизат*). Движение по *винтовой лестнице* соответственно напоминает спиралевидное движение вокруг центральной оси. Как пишет Р.Генон, лестница - „это как бы «вертикальный» мост, поднимающийся через все миры и позволяющий пройти всю их иерархию, ступая со ступени на ступень” [Генон 2002].

В Библии образ лестницы запечатлен в видении Иакова и известен как *лестница Иакова* (Быт.28:12). Это чудесный „мост”, соединяющий Небо и Землю, по которому сходили и нисходили ангелы Божии, а на верху стоял Господь. В исламской традиции с лестницей как переходом соотносят состояние безвремения или бытия вне времени.

Потолок – таван

Реализацией антитомии *верх – низ* являются наименования *полоток – пол* (болг. *таван – под*), а также и наименования верхнего и нижнего помещений *чердак – подвал, подпол, погреб* (болг. *таван – мазе*). В связи с символическим обозначением верхнего внутреннего пространства, *потолок* во фразеологии функционирует в

значении *крыши* как защиты и объединения обитателей дома (ср. русск. *Под одним потолком жить, не руками разводиться; жить под одной крышей* и болг. *живея под един покрив*).

Русская ФЕ *плевать в потолок* или *зевать в потолок* связана с крестьянским бытом, когда человек отдыхал на полатах, на печи, находясь высоко над полом, и означает 'бездельничать'.

Погреб

Символика связи нижних и верхних помещений с хранением вещей и продуктов представлена славянской лексемой *погреб* (от погребати 'копать', букв. яма). Погреб традиционно соотносится с Землей и самым нижним уровнем, нижним миром в модели дома ~ Вселенной. В настоящее время *погребом* метафорически называют помещение для хранения взрывчатых, опасных веществ, а также страну, где в любой момент может вспыхнуть война, или страну, которая провоцирует войну. Лексема *погреб* используется, когда говорят о том, что грозит неожиданной катастрофой, военными бедствиями (русск. *пороховой погреб; атомный погреб; ядерный погреб*; болг. *барутен погреб; атомен погреб; ядрен погреб*).

Внутренние помещения

Внутренние помещения *кладовая (кладовка), кухня, столовая* и *спальня* соотносятся со скрытой стороной жизни семьи. В *кладовой* хранят вещи, предметы, скрывая их от посторонних глаз, поэтому в переносном значении слово используется как 'средоточие каких-либо скрытых богатств и ценностей'. *Кухня* хранит семейные секреты и рецепты блюд, там происходит приготовление пищи и общение семьи. На базе указанной семьи происходит формирование

переносного значения ‘скрытая стороны какой-нибудь деятельности, чьих-нибудь действий, интриги, темные делишки’ (ср. русск. *политическая кухня* и болг. *политическа кухня*).

Образ скрытой стороны домашнего быта нашел отражение в русских метафорических номинациях *кладовки*, которая в разговорной речи именуется как *темная комната* или *тещиная комната*. Определенное ритуальное значение отводится таким помещениям, как *столовая* и *спальня*.

Двор

Не менее важным считается *двор* как пространство земли, обнесенное оградой и примыкающее к дому. Восприятие своего или освоенного пространства находится в пределах двора, за воротами которого начинается чужой мир. Двором раньше называли совокупность дома со всеми его хозяйственными постройками. Такое отдельное крестьянское хозяйство в России служило единицей поземельного владения и, соответственно, единицей счета (ср. русск. *В деревне 10 дворов*. Это значит и десять домов, и десять семей).

До начала XVIII века *двор* встречается как название царской резиденции (*княжский двор, государев двор*). Выражение *уйти со двора* употреблялось в значении ‘уйти из дому’, *не ко двору (кто)* ‘не подходит, не может прижиться в доме’. В XVIII - начале XX вв. сочетаниями *царский двор, императорский двор* номинируется царская семья (императорская фамилия) с приближенными и придворными.

И дом, и двор являются сферой повышенной эмоциональности; это свое, родное, близкое пространство, несущее эмоциональный заряд (ср. русск. *дворик, московские дворники, тихие дворники*; болг. *свой двор, бащин*

двор / бащина къща, тих двор, роден двор). С XVIII века феноменом русской культуры становится многоликая *усадьба* как объединение дома и двора, вбирающая в себя черты города и деревни, народной и дворянской культуры, прогресса и традиции.

Отсутствие дома демонстрируется устойчивыми сочетаниями с компонентом *двор* в русском и других восточнославянских языках: ср. русск. *ни кола ни двора*; укр. *ні кола ні двора – тільки й ходу, що з воріт та в воду*; белорусск. *ні кала ні двара*.

В болгарском языке во фразеологии находит отражение скрытая от взора заднее пространство двора *заден двор* как наименее обустроенная часть дома.

Ворота – врата, порта

Культурная семантика слов *ворота, врата* (болг. *врата, порта*) соотносится с библейским пониманием ворот как символа власти, силы и владычества. Так называлась самая важная часть города, крепости. Когда *ворота* попадали в руки врага, город считался превзятым (Вт. 28:5; Быт. 22:17 и др.). Вхождение в город через ворота символизировало военный триумф (русск. *триумфальные ворота*). Отсюда *Врата ада* (болг. *вратите на ада*) в значении власти зла, и соответственно, *врата рая* (болг. *вратите на рая*) как могущества и силы добра. В турецком языке *порта* (от фр. *porte*, итал. *porta* – ‘дверь, врата’, что является калькой с османского *كباب عال* ‘высокие ворота’) относится к принятым в истории дипломатии и международных отношений наименованиям правительств Османской империи. Начиная с XV века термин употребляется в дипломатических документах европейских стран (ср. русск. *Оттоманская Порта, Блистательная Порта, Высокая Порта*, болг. *Високата порта, Портата*).

Ворота занимают пограничное положение между своим и чужим пространствами (болг. *стигнах до портата; Виснал като просяк на порта; Добра дума железни врата отваря*), поэтому в мифологии воспринимаются как место обитания нечистой силы. В ряде ритуальных действий необходимо было преодоление этой границы (перелезание через забор, передача чего-либо через забор), а во время свадьбы ворота служили преградой, где требовали за невесту выкуп.

Ворота являются не только ограничением доступа на определенную территорию или дверь в чужое пространство, но и своеобразной доской объявлений. Например, на Руси *ворота / двери* гулящих женщин мазали дегтем. Намазав ворота дегтем, можно опозорить невесту перед свадьбой. Почитание объекта связано с начертанием на воротах на Богоявление креста для обеспечения защиты от нечистой силы.

Слово *ворота* входит в состав ряда устойчивых выражений. Народное наблюдение гласит *Пришла (пойдет) беда, открывай (отворяй, растворяй) ворота* – то есть ‘беда никогда не приходит одна’. ФЕ *от ворот поворот* обозначает как недопущение на свою территорию, так и категорический отказ, отрицательный ответ на просьбу или предложение. Д.Б.Гудков и О.В.Макарова указывают на явное разграничение в семантике русской культурной единицы *ворота* двух групп смыслов: с одной стороны, *ворота* символизируют границу своего и чужого пространства (об этом шла речь выше), а с другой – установление рамок дозволенного и допустимого в обществе [Гудков, Макарова 2012: 124-125]. ФЕ *не лезет ни в какие ворота* ‘плохой, никуда не годный’; *ни в какие ворота* ‘ни в коем случае, совершенно не подходит что-либо’ демонстрирует нарушение установленных социокультурных норм приличия.

2.7. Мифологема 'дом - человек' как отражение традиционных представлений о доме

Некоторая ситуация мифа (или мифологический персонаж) является структурной единицей мифа, *мифологемой*²⁰. Мифологема представляет собой структурированный архетип, метаобраз, некую „кросскультурную” идею, пронизывающую человеческое сознание. На позициях дискретного элемента она входит в сферу «коллективного бессознательного» и служит концептуальным обоснованием состояния общества и моделью поведения в нем. В качестве когнитивной структуры мифологемы сохраняются в сознании человека и чаще всего находят отражение в мертвых (устойчивых) метафорах, составляющих фразеолфонд того или иного языка. Именно они, как пишет В.Н.Телия, моделируя „результаты собственно человеческого самосознания - архетипического и прототипического”, выступают источником культурно значимой интерпретации фразеологических единиц [Телия 1996: 239].

Общность между метафорой и мифом учеными видится в единстве функций и принципов их действия, в познании действительности путем символического конструкта, требующего экспликации, а не понимания. Образ, предназначенный для описания фрагмента действительности, не отделяется носителем мифологического мышления от самой действительности, а "появление же метафоры в смысле сознания разнородности образа и значения есть тем самым исчезновение мифа" [Потебня 1989: 261]. Следовательно, метафора воспринимается продолжением действия мифа или, как

²⁰ Термин вводит Дж.Фрэйзер [Фрэйзер 1980].

пишет В.Феллер, «естественным переводом» мифа «в привычные формы нашего сознания» [Феллер 2004: 153].

Возникновение метафоры разрушает целостность, органичность мифологического мировоззрения, нарушая мифическое единство вещи и ее смысла, знака и имени, субъекта и объекта, пространственно-временных отношений смежности и причинно-следственной связи, поскольку метафорическое мышление предполагает сознательную фиктивность, осознанное разделение смыслов на буквальные и гипотетические. Метафора предстает осознанной формой реализации и языковой репрезентации ментального первообраза, обеспечивая межпоколенную трансляцию архетипических образов, поэтому отголоски мифа имеют место в современном языковом сознании.

В основе образной составляющей концепта 'дом' лежит мифологема 'дом – человек'. Указанная мифологема демонстрирует структурированность дома по модели человека.

Подобное восприятие дома обуславливается антропологичностью самого объекта как гибкой системы, принимающей форму человека [см. Шпенглер URL; Юнг 2003]. Сотношение дома с моделью мира и одновременно с моделью человека основывается, прежде всего, на рукотворности объекта и принадлежности артефакта человеку. В диалоге с природой дом выступает связующим звеном, „являясь в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека” [Цивьян 1978: 65]. Подтверждением действия мифологема является и типическое изображение человека в доме, которое видит психоаналитик З.Фрейд, воссоздающий по особенностям устройства дома в сновидениях психологический портрет человека [Фрейд 1991: 95]. Все, что происходит в доме, то творится и у нас внутри. В психологии принято проводить параллель между

различными частями дома и частями тела человека: *крыша, стрехи с чердаком* – голова, т.е. чувства и разум; *кухня* – психика; *этажи* – различные психические состояния; *погреб* – пуп, живот, инстинкты, подсознание и др.

Последующее рассмотрение репрезентации мифологемы осуществляется нами на материале русской и болгарской фразеологии. Языковой материал позволяет выделить в мифологеме ‘дом – человек’ три типа образов:

- образ *дом ~ человек*;
- образ *структурные элементы дома ~ человек*;
- образ *структурные элементы дома ~ части тела человека*.

1. Дом ~ человек

Дом является не просто обозначением человека, но и отображением различных его характеристик:

- физическая и духовная характеристика человека (русск. *здоровый дом, надежный дом, толковый дом, веселый дом; породнился с богатым домом*; болг. *къщно пиле, къщно гърне; Аврамов дом; гостоприемен дом*);
- социальный статус человека (русск. *из хорошего дома; дворянский дом*);
- принадлежность к определенному роду, потомственная характеристика (русск. *дом Израилев; дом Романовых, дом Ротшильдов*);
- гендерная характеристика (русск. *бабий кут, хозяйский кут*; болг. *женски кът, бащин кът*).

Дом является мерилom взаимоотношений между людьми, отношений с определенным человеком или семьей: ФЕ русск. *принять кого-либо в свой дом; отказать от дома кому-либо; показать на дверь; Вот тебе Бог, вот тебе*

двери (порог)!; от ворот поворот; приходится не ко двору; болг. почерням / почерня, зачерням / зачерня къщата на някого; да не ми стъпиш в къщата. Восприятие жилища как человека отражает болгарская пословица, где дом служит основанием для оценки или сравнения, мерилом уважения: *Като те почита къщата ти, почитат те и комшиите, почита те и целият свят.*

Представления о дуальной структуре мироздания оказывают влияние на традицию отображения гендерной принадлежности. Дом в целом связывается с женским началом, материнским лоном, и это вполне естественно. В трехмерной модели мифа он является связующим звеном между Небом и Землей, соотносимым с рождением человека и его смертью (как новым рождением или переходом в другое состояние).

В славянской культуре в доме прослеживается как мужское, так и женское начало. Мужское пространство связывается с *хозяйским кутом*, а женское - с *бабым кутом*. Оба начала находят отражение во фразеологии: русск. *Всякий дом хозяином держится; Дом красится хозяином; Без хозяина дом – сирота; Без хозяина двор и сир и вдов; Коли изба крива – хозяйка плоха; У матери на руках весь дом; Своя хатка – родная matka; Худая matka всему дому смятка; Бабы умы разоряют дома;* болг. *Къщата не стои на земята, а на жената; На работлива жена ноце ѝ свети къщата; Къщата плаче за къщовница; Добра жена пълни къщата, а лошата я изпразва; Къща без жена не се върти; Мъжът държи къщата, а жената я краси.*

2. Структурные элементы дома ~ человек

В ряде случаев фиксируются ассоциативные связи: конструктивные элементы дома ~ человек (например, *стена* ~ отец, *печь* ~ мать, *окно* ~ человек и др.).

Стена ~ человек

В качестве «одухотворенного» конструктивного элемента дома выступает *стена*, ассоциативное восприятие которой отличается большим разнообразием (*стена* ~ человек; *стена* ~ отец; *стена* ~ мать; *стена* ~ друг; *стена* ~ люди; *стена* ~ бойцы). Восприятие стены как человека отражается в ФЕ: русск. *И у стен есть уши; говорить как со стеной*; болг. *И стениите имат уши; говоря на стената*.

В фольклорных текстах, в частности в плаче невесты, четко обозначаются антропоморфные соотношения: *стена* ~ отец и *стена* ~ мать:

*Ты моя надежда, стена каменна (отец),
ты моя заступница, вековечная печальница (мать).*

В разговорной речи встречается ассоциация жена ~ стена, присутствующая в часто употребляемом выражении: *Жена – не стена, можно и подвинуть*.

Уверенность в защите и опоре представлены в русском языке в номинации ‘сподвижника’ (*стена* ~ друг/сподвижник): *Вот моя стена!* (ср. русск. *моя правая рука*; болг. *дясна ръка на някого*).

На основе защитной семантики *стена* употребляется в русской лингвокультуре при иллюстрации кулачного боя и сражений как обозначение каждой половины участников – *стена на стену; идти, становится стеной; стоять стеной*, а в болгарском языке – *жива стена* как квалификация ‘плотной людской массы’.

Печь ~ человек

Восприятие *печи* как родного и близкого человека, прежде всего матери, отражено в пословицах и фразеологизмах русского языка. Русскую печь нередко

называют *матушкой-кормилицей*. Например: *Печь нам мать родная; Печке скажешь – стена поймет; Словно у печки погрелся*, а фразеологизм *печки-лавочки* обозначает ‘близость человеческих отношений, что-либо привычное и родное’.

В народной магии, заговорах встречается образ *печь ~ мать*:

*Ахти мати - белая печь!
Не знаешь ты себе ни скорби,
ни болезни, ни щипоты, ни ломоты...*
[Афанасьев 1994: 30].

Черты характера человека, отраженные в русских пословицах, также соотносятся с печью. Например, про опытного человека говорили: *Он из семи печей хлеба едал*; о заядлом лгуне: *Врал – черт с печки упал*; о хвастуне: *В кои-то веки удалось коту с печки спрыгнуть, и то лапки отшиб*; о слабом и безвольном человеке отзывались: *Всем бит, и о печку бит, разве только печкой не бит*; о никчемном человеке судили: *сам на печке, нос в горшечке, а язык на речке; Петр в печке пек печенье, да перепек всю выпечку*.

Подпол ~ человек

В модели дома как оппозиция *чердаку* используется подземное, холодное помещение – *подвал, подпол, погреб, подполье*. Лексема *подвал* снабжена отрицательной коннотацией и связана с „низом” жизни. Обычно в подвалах находят себе приют бездомные, нищие, поэтому подвал ассоциируется с асоциальными элементами общества. Однако на основе семы скрытости (в подвале хранят подальше от глаз припасы и др. предметы) развивается переносное употребление – *подполье* как реализация ассоциативной связи *подпол ~ бойцы*, при этом происходит

изменение направления коннотации в положительную сторону (ср. *партизанское подполье*).

Двор ~ человек

Уподобление *двор ~ человек* прослеживается в русском языке в значении ‘государь страны с семьей, высшее правление’ (*царский двор, императорский двор*).

Обряд очищения, *омовения* человека нередко соотносят с проведением очистительного ритуала дома, в частности очищения дверей, ворот, углов дома, где по мифологическим поверьям обитают нечистые духи. В период ряда календарных и семейных праздников или в случае массовых болезней дверь (ворота) обмывали святой водой, окуривали травами, обметали углы дома ветками вербы.

3. Структурные элементы дома ~ части тела человека

Дом уподобляется человеческому телу, организму, где его конструкты соотносятся с частями тела человека: *крыша, чердак* – это голова; *окна* – глаза; *очаг* – сердце дома; *фасад, наличники* – лицо, *дверь* – уста, рот; *стены* – тело, фигура; а порядок в доме ассоциируется с психологическим и душевным состоянием человека.

Крыша, чердак, потолок ~ голова

Защитную функцию и обеспечение целостности строения выполняет *крыша, кров* (болг. *покрив, стряха*) как завершение центральной оси строения (ср. голова). Вершина крыши ассоциируется с «венцом» головы или виртуальным завершением внутричеловеческой оси. А *дымоход* очень напоминает возможность отхода

человеческого духа после смерти. Ассоциативная связь *крыша* ~ *голова человека*, человек прослеживается в жаргонных выражениях *рвать крышу* ‘сердиться, злиться’; *снести крышу* ‘произвести сильное впечатление, свести с ума кого-либо’; *чистить крышу* ‘объяснять, разьяснять кому-либо что-либо’. Выражения *крыша едет / поехала* (*переехала, съезжает / съехала, ползет, течет / потекла, протекла*) у кого; *поехать крышей*; *крышу сорвало / срывает* у кого; *крыша не в порядке* у кого; *крыша дымит / дымится* (*свистит*) у кого; *крыша в пути* у кого; *крыша адрес поменяла* употребляются в русском языке как обозначение человека, у которого не все в порядке с головой.

Сочетание *выше крыши* (ср. выше головы не прыгнешь), то есть расположение над крышей как верхней пространственной границей модели, обозначает превышение возможностей человека. Кроме того, в современной русской разговорной речи *крышей* называют человека или организацию, которые обладают властью, деньгами и оказывают покровительство на определенных условиях (*держат крышу; быть крышей*).

Верхнее помещение под крышей дома носит название *чердак*. В модели человека *чердак* (болг. *таван, таванска стая*) также соотносится с головой, поэтому слово часто используется в значении ‘голова, здравый смысл, разум’ (Ср. русск. *у кого-либо не варит чердак / чердак заклинило; с чердаком не все в порядке; у кого-либо болит / дымит чердак*), а также в значении насильственного действия по отношению к человеку (Ср. *свернуть чердак* кому ‘свести кого-либо с ума’; *смазать чердак* кому ‘ударить кого-либо по голове’).

В болгарском языке *таван* соотносится с человеческой памятью / забвением. Обычно чердак болгары связывают с хранением множества разнообразных, часто

уже ненужных вещей (ср. русские обычно используют для этой цели *балкон* или *подвал*), поэтому человек просто не помнит, что где находится: болг. *на тавана в кошницата* ‘неизвестно где’.

Потолок (болг. *таван*) уподобляется в модели человека голове, точнее уровню ее основания. *Потолок* в структуре дома определяет верхний внутренний предел, выше которого подняться невозможно. В наивной картине он обычно соответствует пределу человеческих возможностей и располагается на линии подбородка (Ср. *сыт по горло до подбородка*). ФЕ *достичь потолка* означает ‘достичь наибольшей возможной нормы, предела чего-либо’ или *под потолок подошло* в значении ‘охмелел’ (ср. болг. *над тавана ми е* ‘не под силу’; *нисък му е таванът* ‘его способности невелики’, *това му е таванът* ‘толкова са му силите, способностите’).

В болгарском языке *потолок* является границей разного рода эмоций человека: радости, гнева - *скачам до тавана*; *крещя, викам до тавана*.

Фасад ~ лицо

Фасад является лицом дома, обращенным к внешнему миру. Как человек воспринимается по внешнему облику, так и дом начинается с фасада. Н.В.Гоголь сравнил фасады домов в городе с книгами, по которым можно многое узнать об эпохе, стране и людях, в них проживающих. В поэме «Мертвые души» через описание облика дома писатель создается образ России.

Выражения *вделать в фасад* кому ‘ударить кого-либо по лицу’; *наводит фасад* ‘причесываться’ свидетельствуют о соотносительной связи фасада дома с человеком и его лицом.

Дверь ~ рот, уста

В Библии встречается метафорическое значение *дверь* ~ *уста*. Например: ...*чтобы Бог отверз нам дверь для слова* (Колоссянам 4:3); ...*от лежащей на лоне твоём стереги двери уст твоих* (Ветхий Завет, кн. Михей 7:5). Дверь ассоциируется со связью пространств, входом в духовный мир. Как двери открывается Богу человеческое сердце. В Книге от Иоанна читаем: *Итак, опять Иисус сказал им: истинно, истинно говорю вам, что Я дверь овцам...; Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет* (10: 7, 9). По аналогии современное видение двери связано с выходом в виртуальное пространство.

Уподобление *дверь* ~ *рот* используется в народной медицине и заговорах. Например, при лечении верхнего зуба использовали щепку с верхней балки дверного косяка, а при лечении нижнего - щепку, срезанную с порога [см. Славянская мифология URL].

Окна ~ глаза, очи

Наличники, ставни, полотенца ~ обрамление глаз

Своего рода визитной карточкой дома выступают расположенные на *фасаде* дома *окна, наличники, ставни, полотенца*. В функциональном плане выделяются следующие соотношения: *окна* ~ *глаза*; *наличники, ставни, полотенца* ~ *обрамление глаз*.

Перцепцию и функцию самореализации осуществляют *окна* (ср. *глаза, око*). Символика окна как *глаза дома, его всевидящего ока*

Наличники. Полотенце.
Ставни

связана с видимостью и обзором примыкающей к дому территории. Устойчивое сочетание *проглядеть все окна* (ср. *проглядеть все глаза*) ‘долго ждать кого-либо, глядя в окна’ [СРГК 4, 177] связано с длительным сидением у окна и напряженным процессом смотрения.

Возможность обзора обуславливает своевременную информацию об опасности, а следовательно, обеспечивает защищенность дома и его обитателей. Традиционно окна украшались растительным или животным орнаментом, имеющим магический смысл.

Каждый хозяин дома заботится о *наличниках*, которые не только украшали фасад (лицо) дома, но и оберегали его. (На ставнях, полотенцах и наличниках обычно устанавливались обереги от влияния злых сил). Само слово *наличник*, то есть «находящийся на лице», обозначает накладную планку на окне. Наличники выделяют дом среди остальных домов, делают его непохожим на дома соседей. По резным *наличникам*, обрамляющим оконный проем, *полотенцу* над окном, *ставням*, как по адресу, узнавали хозяина дома. Так, образ *окна* сливается с образом *дома ~ человека*.

Стена ~ фигура, тело

В народных выражениях выделяется характеристика фигуры, тела женщины по ассоциации со стенами дома: русск. *Стенами не уже и платьем не хуже* (против кого) – так говорят ‘о полной, крепкой, здоровой, красивой женщине’, сравнивая ее с другой.

Очаг, печь ~ сердце

В пространственной модели дома русск. *очаг (печь)* – болг. *огнище* является его центром, средостением, то есть *сердцем*. Огонь в очаге собирает вокруг себя всех членов

семьи (русск. *у очага, у семейного очага, семейный очаг*; болг. *край огъня; край огнище; семейно огнище*).

Лестница, ступени ~ стадии, состояния человека

Образ перехода из одного состояния в другое сохраняется в устойчивых метафорах с компонентом *лестница*: русск. *подниматься / подняться вверх по лестнице; лестница успеха; иерархическая лестница; служебная лестница* как ‘ряд должностей от низших к более высоким’; *лестница наук* как ‘иерархия основных наук при их классификации, которая отображает переход от простых и общих явлений к сложным и частным’ (ср. болг. *стълбица на успеха, стълбица на живота, житейска стълбица, научна стълбица, социална стълба, служебна / професионална стълба* и др.). Наличие в доме двух лестниц (*парадная лестница, черная лестница*) может служить знаком социального разграничения входящих (Ср. болг. *главен вход, черен вход*).

Восхождение осуществляется по *ступеням / ступенькам* (болг. *стъпало*) как конструктивным элементам лестницы, которые соотносятся со стадиями жизни и состояниями человека. В библейском видении первые три ступени - это добродетели: вера, надежда и любовь (Кор.13:13). Образ *ступени* как этапа отражен в следующих стертых метафорах: русск. *ступени культуры, ступени развития, ступень на пути чего; подняться на более высокую ступень; находиться на какой ступени развития* (ср. болг. *стъпала на служебната стълба; преминавам, преодолявам това стъпало; най-високо стъпало; стъпало по стъпало; едно стъпало надолу / нагоре* и др.).

Порядок в доме ~ психическое состояние человека

Порядок в доме олицетворяет порядок духовный, формирующий быт и бытие человека, а модель дома соотносится с моделью мироустройства.

Важность и значение концепта *дом* для русского человека подчеркивается соотношением *без дома* и *безумие*. Но не только отсутствие дома влияет на психическое и психологическое состояние человека, но и к умственному расстройству может привести отсутствие кого-либо из домашних: ср. русск. *не все дома* ‘не все в порядке с головой’ или *недостроенность, непорядок в доме*: ср. русск. *крыша едет, крыша поехала, с чердаком не все в порядке*. По мнению А.К.Байбурина, без дома человек просто „лишается своей доли”, счастья [Байбурин 1993: 154].

Порядок в доме необходим (русск. *Порядок в доме есть - хозяину честь; Горе тому, кто непорядком живет в дому*; болг. *Нашето гардже е винаги най-хубаво, нашата къща е най-подредена*). Первый свод морально-этических норм поведения, житейских правил и наставлений под названием *Домострой* появляется в России в XVI в. как обобщение более ранних поучений. Он оперирует понятием *дом* как обозначением некоего единого хозяйственного и психологического целого, члены которого находятся в отношениях господства – подчинения. Его основой было беспрекословное подчинение хозяину и строгие меры наказания за непослушание (ср. русск. поговорки *Всякий дом хозяином держится; Дом стоит хозяином; Без хозяина дом – сирота; Порядок в доме есть - хозяину честь*). В то же время хозяйка именовалась „сударыней дома”, на ней лежала забота о домашнем очаге, ведение хозяйства и воспитание детей. В современном русском языке слово

домострой употребляется с явно выраженной иронической, отрицательной коннотацией.

Модель дома, а следовательно и порядок в нем, формируется в соответствии с пространственной моделью мира и человека: *верх – голова, низ – ноги*. Нарушение установленного порядка приводит к сумбуру, беспорядку, путанице, хаосу. Например: русск. *Весь дом вверх дном; дом вверх дном; чердак переехал в подвал у кого*; болг. *Вдигам / вдигна къщата на главата си*.

Умелое ведение хозяйства и поддержание порядка в доме – дело нелегкое, требующее совместных усилий - об этом свидетельствуют ФЕ русск. *Дом вести, не лапти плести; Дом вести – не бородой (не возжжой) трясти; Жить домком – не ломать хлеб ломком (а резать ломтем); Дом невелик, да стоять (лежать) не велит* и болг. *Къща с инат се не върти; въртя къща*.

2.8. Дом как элемент метрическо-эталонной сферы

Дом как элемент материального мира, имеющий важное значение в жизни человека, участвует в структурировании мира и становится значимым компонентом метрическо-эталонной сферы. Дом обладает характеристиками особого эталонного знака, выступающего средством репрезентации в языке эмпирической деятельности человека.

Важную роль дом играет в организации пространственной и временной регламентации знаний о мире. Для мифологического восприятия мира характерна нерасчлененность, которая проявляется, в частности, как слитное восприятие пространства и времени. По мнению В.Н.Топорова, в мифопоэтическом хронотопе время сгущается и становится формой пространства (его

четвертым измерением), а пространство наделяется внутренне-интенсивными свойствами времени и «темпорализуется» [Топоров 2004: 59-60]. Таким образом, описание пространства предполагает и квалификацию времени, то есть пространственно-временному континууму дается определение «здесь-теперь» или «теперь-здесь». Указанная модель сохраняется в ряде случаев функционирования стертой метафоры в русском и болгарском языках.

Языковой материал демонстрирует, что организация пространственно-временного континуума в русском языке осуществляется посредством символизации конструктивных элементов дома, а в болгарском языке в указанную концептуализацию включается и сам *дом*. В последнем случае наблюдается нарушение синкретизма времени и пространства как формы упорядочения мира, а метафорическое обозначение соотносится только с квалификацией пространственных отношений. Можно предположить, что подобные единицы относятся к более поздним языковым образованиям. *Дом* как мера пространства в болгарском языке находит отражение во ФЕ с семантикой близости: *къща до къща* 'рядом, близко'.

Важную роль в качестве символов метрической сферы в русском и болгарском языках выполняют конструктивные элементы дома: *ворота, дверь, двор, стена, порог* и болг. *врата, праг*. Они используются для обозначения близкого пространства и близкого времени. Например, в значении 'пространственно-временной близости' употребляются ФЕ с указанными выше компонентами: русск. *у ворот; у порога; на пороге; стоять в пороге; споткнуться на пороге; на дворе; стучаться в дверь*; болг. *на вратата е; чука, тропа на вратата; на прага; стои на прага; пред прага*.

Пространственно-временная расчлененность при концептуализации мира с помощью конструктивных

элементов *дома* (русск. *стена, дверь* и болг. *врата*) отражается в русском и болгарском языках. В качестве обозначения пространственной близости функционируют фразеологизмы: русск. *стена в стену; дверь в дверь*; болг. *врата във врата; врата срещу врата; през една врата*.

В русском и болгарском языках есть примеры, где конструктивные элементы дома (русск. *печка, порог* и болг. *врата, праг*) служат обозначением начала, точки отсчета в системе координат: русск. *танцевать от печки; от печки; с порога да в карьер; с порога; поставить во главу угла*; болг. *още от вратата; от прага*.

Максимумом вертикальной проекции в пространственной модели дома выступают русск. *потолок, крыша* и болг. *таван* (русск. *до потолка, достичь потолка; прыгать до потолка; выше крыши не прыгнешь*; болг. *креця, викам до тавана; над тавана му е; нисък му е таванът; скачам до тавана*). Соответственно минимум связан с лексемами русск. *порог* и болг. *праг* (русск. *стоять над порогом; порог бедности*; болг. *учен до прага, а умен до века; праг на бедност*).

Дом и его конструкты являются отображением большого количества: русск. *Дом - полная чаша; С плеч да в печь; Словно в печь: сколько ни вали, все ничего нет*; болг. *Къщата му като пълна чаша; прелива ми през прага*.

Значительная важность феномена *дом* в болгарской культуре способствует формированию семантики мерила, образца. Как эталон *дом* выступает, например, в болгарской пословице: *Гледай ума му, съди за дома му*.

Дом представляется феноменом русской и болгарской лингвокультур и находится на стыке духовного и предметного, пространственного и временного кодов культуры. Дом копирует модель Вселенной и в то же время

относится к антропологическим явлениям, в силу своей рукотворности и принадлежности человеку, энергетической насыщенности, которой питают жилище его обитатели, а также уподоблению человеку в своей структурной организации.

Культурная семантика дома и его конструктов формируется как наложение различных культурных пластов, уходя своими корнями в мифологическое видения мира, языческие и христианские представления и ритуалы. Особенности историко-культурного развития *дома* обуславливают тесную взаимосвязь перцептивно-когнитивного образа и культурной составляющей концепта, которые выступают неотъемлемыми компонентами его структуры.

Наблюдения над материалом лексикографических источников подтверждают концептуальную значимость *дома* в русском и болгарском языковом сознании и фиксируют соответствие в основных параметрах концепта. В семантическом пространстве *дома* находят отражение аналогии: дом ~ Вселенная, дом ~ Родина, дом ~ храм, дом ~ хозяйство, дом ~ род, дом ~ семья и дом ~ человек. Специфика представления в болгарском языке значения Родины связана с синекдохическими образованиями (конструкт дома: *кът, стряха, огнище* ~ дом ~ Родина).

Общая символика дома сочетается с символическими функциями конструктивных элементов дома. В русской и болгарской лингвокультурах фиксируются несоответствия в развитии культурной семантики различных конструктов дома (ср. русск. *печь* – болг. *огнище*), а также в символической их активности. Например, меньшая фразеологическая активность наблюдается в болгарском языке в компонентах *покрив, таван, порта* по сравнению с русскими *крыша, чердак, ворота*, и наоборот, культурной насыщенностью отличаются в болгарском языке

компоненты *вратичка, керемида, (задан) двор*, незначительность или отсутствие культурной семантики которых фиксируется в русской лингвокультуре. В силу бóльшей структурированности внутренней организации русского дома, отмечается отсутствие в болгарской лингвокультуре символизации ряда конструктов (русск. *красный угол, печь, внутренние помещения*).

Дом как средство связи с внешним миром реализует культурную семантику своих конструктов на основе оппозиции *свой - чужой*, которая представляется в вертикальном членении пространства посредством русск. *порог, потолок, крыша, подпол* и болг. *таван, праг, покрив*, а в горизонтальном - русск. *забор, двор, стена, окно, дверь, угол, печь* и болг. *стена, врата, вратичка, прозорец*.

Анализ экцерпированного фразеологического материала позволяет установить различие в организации пространственно-временного континуума, транслируемого домом и его конструктами как элементами метрическо-эталонной сферы в русской и болгарской лингвокультурах. В русском языковом сознании в концептуализации участвуют конструктивные элементы дома, а в болгарском – наряду с конструктами, используется и сам *дом*. При разрушении мифологического синкретизма болгарская метафора осуществляет пространственную квалификацию.

Глава 3

Архитектурная метафора в рамках современной лингвокультурной ситуации

Язык народа есть его дух,
а дух народа есть его язык –
трудно представить себе
что-либо более тождественное.
В. фон Гумбольдт

3.1. Артефакт как элемент культуры

Термин *артефакт* (от лат. *artefactum* ‘искусственно сделанное’) заимствуется гуманитарной наукой из археологии. Он обозначает искусственно созданный (то есть рукотворный) предмет (объект), имеющий в культуре знаковое или символическое содержание в отличие от предметов природы. Иными словами, культурный артефакт представляет собой «интерпретативное воплощение какой-либо формы культуры в конкретном материальном продукте, поведенческом акте, социальной структуре, информационном сообщении или оценочном суждении» [Культурология 1998: 32-34].

Деятельность человека непременно предполагает контакт с природой и нацелена на установление определенного баланса во взаимоотношениях с ней. Одной из сторон подобного взаимодействия становятся утилитарные цели и создание необходимых для обеспечения жизни человека предметов. В то же время производственная деятельность человека как процесс

овеществления труда находит свое отражение в сознании. А.Байбурин отмечает, что технология изготовления разного рода вещей долгое время относилась к области сакрального знания. А мастера, занимающиеся изготовлением тех или иных предметов / объектов, находились как бы над основной массой людей, поскольку они „не только владели особым языком, но и контролировали каналы связи между миром человека и миром природы, являясь своеобразными посредниками” [Байбурин 1993: 153]. Таким образом осуществляется закладывание мировоззренческих основ. Э.Ильенков усматривает в фетишизме «самую грубую, самую первобытную и дикую форму идеализма» [Ильенков 2009: 56]. В результате происходит постепенная идеализация артефактов и их символизация в лингвокультуре, при этом подчеркивается связь с традицией и укрепляется их культурная значимость. Ученые объясняют этот процесс особенностями психики человека, неспособной разграничивать две категории явлений – естественно-природные и рукотворные свойства вещей. По аналогии поклонения природе начинается поклонение артефактам. Наделение таких предметов магической силой помогало человеку защитить себя и справиться с могущественными силами природы.

Исследователями неоднократно подчеркивается включенность артефактов в ментальные структуры и опосредованность действий человека артефактами [Luria 1928; Выготский 1982; Коул 1997 и др.]. Американский антрополог Л.Уайт, например, считает важным свойством артефакта его опосредующую функцию. Автор видит в мире символов “не последовательность разрозненных эпизодов, но ... континуум, уходящий обеими сторонами в бесконечность - от вечности к вечности” [White 1942: 372 цит. по Коул 1997: 144].

Двойственность сущности артефакта лежит в основе

разного рода их классификаций: деление на материальные и концептуальные (Р.Д'Андрад), материальные и идеальные (Э.Ильенков). Создавая предметы / объекты по аналогии с миром природы своим трудом и для себя, человек непременно помещает их в сферу идеального. Э.Ильенков пишет: “Мир вещей создан человеком и для человека, и, следовательно, предметы, в которых овеществлены формы человеческой деятельности ... есть условие существования сознания” [Шуенков 1977: 44]. Таким образом артефакт становится не просто элементом культуры, а схемой ее представления в коллективном сознании народа. Идеальная или концептуальная сторона артефактов проявляется на уровне сознания человека и заключается в участии рукотворных объектов в процессах структуризации, концептуализации мира.

Эволюция артефактов отражена в трехуровневой классификации американского философа М.Вартовского [1988]. В соответствии с ней, артефакты воспринимаются как объективизация человеческих потребностей и намерений, уже насыщенных когнитивным и культурным содержанием. Первый уровень артефактов, которые автор называет первичными, относится непосредственно к используемым в производстве (топоры, дубины, иглы, чаши и др.). К артефактам второго уровня (так называемые вторичные артефакты) относятся репрезентации первичных артефактов и способы их использования. В эту группу включаются стандартные способы достижения чего-либо, различные виды культурных схем и моделей. На третьем уровне располагаются третичные артефакты, или артефакты-посредники между человеком и окружающим его культурным миром. Такого рода артефакты составляют относительно автономный воображаемый мир.

В связи с исследуемым в монографии объектом, на наш взгляд, действенным является деление рукотворных

предметов и объектов на материальные, когнитивные (или концептуальные) и духовные (см. Рис. 3).

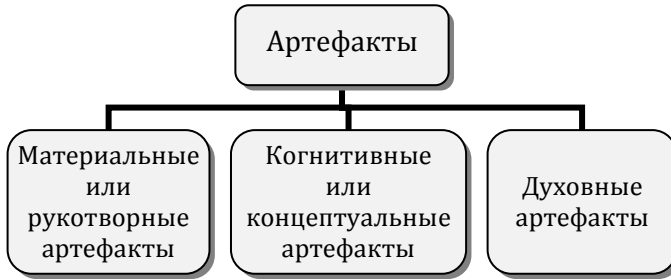

Рис. 3. Классификация артефактов

К материальным артефактам, в противовес предметам и объектам мира природы, относятся предметы и вещи, техника и орудия труда, одежда и хозяйственная утварь, жилище и дороги, созданные человеком, то есть рукотворные артефакты. Последние как овеществленная деятельность человека находят отражение в коллективном сознании и представляют собой культурные схемы и модели, необходимые для структуризации окружающей действительности. Указанные артефакты, участвующие в концептуализации мира, относятся к когнитивным или концептуальным.

Духовные артефакты формируют мировоззрение человека, как продукты духовного труда или «коллективного разума» они представляют собой различные феномены духовной жизни общества, к которым принадлежат в том числе научные теории и суеверия, произведения искусства и фольклора - все то, что характеризуется в качестве духовной стороны жизни общества.

Дом как рукотворный объект, то есть материальный артефакт является одновременно и когнитивным артефактом, выступающим концептуальной структурой в организации накопленного знания, а в силу мировоззренческой и эмоциональной значимости примыкает к духовным артефактам.

3.2. Архитектурная метафора как составная часть артефактной метафоры

Р. Келлер справедливо отмечает, что концептуальная система человека – „это не зеркало мира, а зеркало того, как мы с ним взаимодействуем” [Keller 1998: 27]. А деятельность языка в этом процессе является проявлением национального своеобразия народа. Хочется привести незабываемую цитату классика лингвокультурологии В. фон Гумбольдта: „Языки всегда имеют национальную форму, являясь непосредственно и собственно национальным творением” [Гумбольдт 1984: 70]. Конструирование мира оказывается обусловленным не только структурой языка и дискурса, психологическими особенностями языковой личности, прагматико-эпистемическими условиями, но и определяется социокультурным фактором – развитием культуры и общества в рамках определенной ЛКС.

В данной главе используется методика представления метафорической картины одного народа на фоне другого, что позволяет маркировать национальную специфику русской метафорики на современном этапе. В ряде случаев мы прибегаем к помощи абстрактной идеальной модели структурирования (*tertium comparationis*), необходимой в качестве доступного основания для сопоставления языковой представленности русской и болгарской метафор.

Ведущая роль в экспликации сложного взаимодействия между сознанием, языком и культурой

отводится исследователями этнокультурному сопоставлению, направленному на выявление универсального и специфичного в политических метафориках различных этнических общностей [Будаев 2011: 139-151]. Методика параллельного сопоставления в последнее время становится довольно распространенной и представляет собой детальное описание одной выбранной сферы-источника метафорической экспансии на материале различных языков. Таким образом описываются медицинская метафора на материале польского и русского, латышского и русского языков [Шмелева 2001; Муране 2001]; криминальная метафора в британской и российской прессе [Будаев 2011]; милитарная метафора в российских и американских текстах, в русском и латышском, в русском и болгарском языках [Шудегова 2002; Муране 2002; Цонева 2012-а]; спортивная, игровая, театральная метафоры в русском и американском, в русском и болгарском политических дискурсах [Шехтман 2004; Чернякова 2007; Стоянова 2006; Цонева 2011, 2012-а]; гастрономическая (кулинарная) метафора на материале русского и французского языков, русского и болгарского языков, а также немецкого языка [Дормидонтова 2011; Цонева 2007, 2008, 2012а; Стоянова 2012-а; Люболинская 2007]; метафоры времени и пространства на материале французского и болгарского языков [Ботева 2009] и др. Указанная методика помогает как разграничить различие, так и выявить сходство, существующие в единстве, между сравниваемыми М-моделями в рамках той или иной ЛКС.

В первой главе были определены метафоры, характеризующиеся активностью в рамках ЛКС (2000-2012 гг.) в России. К таковым можно отнести и метафорическую модель, сферой источником которой выступают различного рода артефакты. В данной главе рассматриваются в качестве сферы-источника процесса метафоризации материальные

артефакты как одна из составляющих культуры. Значимость указанных артефактов несомненна, но еще с большей силой она проявляется при коммуникативном контакте представителей различных лингвокультур. Таким образом, сферой-источником Артефактной метафоры выступает искусственный, создаваемый человеком мир предметов и объектов, с помощью которых осуществляется концептуализация окружающей действительности.

В качестве основных понятийных источников указанной метафоры можно выделить следующие:

- М-модель ‘Общество ~ архитектурные артефакты’, объединяющая две субмодели: *строительную* метафору как аналогию общества и процесса созидания, метафору *дома (жилища)* как аналогию общества и здания, жилища;
- М-модель ‘Общество ~ бытовые артефакты’, в которой выделяется *кулинарная, текстильная и хозяйственно-бытовая* метафоры;
- М-модель ‘Общество ~ технические артефакты’, включающая метафору *производства* как аналогию развития общества с процессом создания техники и метафору *механизма* как аналогию общества и результатов производственной деятельности человека.

Схематично структура Артефактной метафоры представлена на Рис. 4.

Исследования различных видов артефактной метафоры в современной науке являются, на наш взгляд, фрагментарными [см. Легурска 1985; Керимов 2005; Дормидонтова 2011; Цонева 2012-а] и не дают полного представления о специфике языкового отображения уровня осознания артефактов в процессе концептуализации современной реальности.

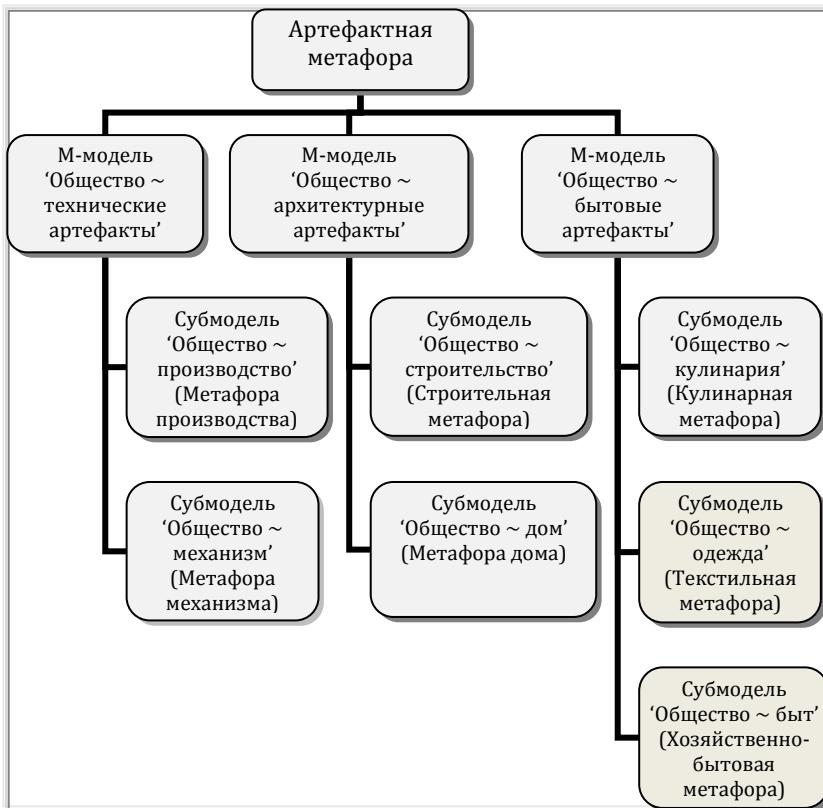

Рис. 4. Основные составляющие Артефактной метафоры

В рамках данной главы мы остановимся на рассмотрении архитектурных артефактов (понятийных областей – строительство и дом) как сферы-источника метафоризации и представления современной ЛКС на материале российского и болгарского медиадискурсов.

Дом как творение человека, в отличие от любого другого артефакта является условием человеческой жизни человека, он не просто помогает и служит человеку как

механизм, инструмент или предмет быта, он защищает, воспитывает и изменяет человека, является орудием познания человека себя самого и окружающего мира.

3.3. Строительная метафора

В связи с исследованиями профессионального дискурса в метафорике широко используются термины: *метафора строительства*, *архитектурная метафора* и др., указывающие на тип профессионального дискурса, то есть объектом исследования становятся метафоры, функционирующие, в данном случае, в строительном или архитектурном дискурсе [см. Симоненко 2009; Муртазина 2011 и др.]. В монографии термин *строительная метафора* или *метафора строительства* используется как указание на обозначение сферы-источника метафорической экспансии при функционировании в медиадискурсе. По указанной аналогии употребляются и названия других видов метафор (ср. *метафора дома* [Чудинов 2001], *артефактная метафора*, *архитектурная метафора* [Керимов 2005]).

Современная ЛКС регламентирует место М-модели общество ~ *строительство* и ее роль в русской и болгарской лингвокультурах. Наблюдения показывают, что в современном российском и болгарском медиадискурсе наблюдается процесс обновления строительной метафоры.

Строительная метафора уходит своими корнями в глубокое прошлое. Она представляется одной из базовых М-моделей, действующих на разных этапах развития национально-культурных общностей. Это особый род производственно-хозяйственной деятельности человека по освоению внешнего мира, связанный с созданием основных символов культуры, посредством которых происходит связь человека с окружающим его миром. А.К.Байбуурин даже

квалифицирует процесс строительства как акт рождения, при котором родовспомогательную функцию выполняли мастера-строители [Байбурин 1993: 161]. Аналогия с процессом строительства и его результатом служит источником формирования одной из возможных концепций человеческого бытия [Муртазина 2011].

Если обратиться к истории, то можно заметить, что к образам строительства прибегают философы уже в античном мире. Например, Аристотель в своих трудах часто использует метафору строительства и ваяния [см. Аристотель 1976: 200-201].

Христианское восприятие строительной метафоры связано с тенденцией *разбрасывать* и *собирать* камни (Екклесиаст 3: 5). Метафора строительства лежит в основе Притч Иисуса о строительстве дома – дом на камне и дом на песке (Мф. 7: 24-27; Лк. 6: 47-49), а также о незаконченной башне (Лк 14: 25-35), отражающих основные духовные приоритеты человека. Дом, построенный на песке, воспринимается как символ нестабильности, как нечто не имеющее будущего, зыбкое и ненадежное во всех отношениях.

Особой вехой становления строительной метафоры является развитие философской мысли в XIX веке, в частности формирование материалистических идей К.Маркса и Ф.Энгельса. Н.Д.Арутюнова пишет, что „со времен Маркса стало принято представлять себе общество как некоторое здание, строение (Aufbau). Эта метафора позволяет выделять в обществе базис (фундамент), различные структуры (инфраструктуры, надстройки), несущие опоры, блоки, иерархические лестницы” [Арутюнова 1990-б: 14-15]. В марксистском учении утверждается восприятие общественно-экономической формации как *здания / строения*, в структуре которого выделяется *базис* как основа строения (то есть фундамент

здания), и *надстройка* как вторичная, дополнительная структура, обусловленная данным базисом.

Понимание реформирования, изменения общества в русской ментальности имеет определенную специфику. Б.А.Успенский отмечает, что в России, в отличие от Европы, никогда не осуществляется продолжение дела и традиций предшествующих поколений, а при реформировании происходит полное уничтожение чего-либо, а затем на расчищенном месте осуществляется процесс строительства. Автор пишет: „Реформа имеет целью не частичное улучшение конкретной сферы государственной практики, а конечное преобразование всей системы”, то есть реформа в русском понимании ассоциируется с началом, а не с продолжением, что характерно для западно-европейской культуры [Успенский 1994: 334]. Возможно поэтому реформы в России носят столь кардинальный характер, что осложняет их проведение и замедляет развитие страны. В этой связи метафора разрушения тесно переплетается с метафорой созидания. Указанная тенденция становится основополагающей в концептуализации мира в XX столетии. Она не идет в разрез с эсхатологической мифологией: акт разрушения - созидания по сути – это акт *переименования* или *реноминации*. Б.А.Успенский указывает на тот факт, что мифолого-эсхатологическая модель культуры как система взрывов и катастроф, перерывы между которыми заполняются стагнацией, противостоит идее прогресса как постоянного и непрерывного улучшения [Успенский 1994: 336].

В XX веке об обществе часто говорят в терминах *строительства* и *разрушения*. Причем в советскую эпоху указанная антиномия представляет собой единое целое. В Интернационале (официальном гимне РСФСР, а затем с 1918 года до конца 1943 года и СССР) в русском переводе с

французского (слова Э.Потье, музыка П.Дегейтера) присутствует единая метафора разрушения и строительства:

*Весь мир насилья мы **разрушим**
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир **построим** ...*
(Интернационал)

Интернационал являлся гимном коммунистических партий и социалистических движений всего мира, в том числе и в Болгарии. В Болгарии этот гимн впервые исполняется через десять лет после его создания в 1897 году. Любопытным фактом представляется то, что в 1977 году в Болгарии в селе Драганово воздвигнут памятник Интернационалу (он стоит по сей день), который является единственным в своем роде памятником песне. В болгарском тексте активность проявляет метафора разрушения, о каком-либо созидании вообще не идет речи.

*Нека без милост, без пощада,
да **сринем** старий, гнилий строй!
Светът на нас се днес надява,
напред в решителния бой!...*

*...Но стига толкова търпение,
ний старий свят ще **разрушим**.*

Описание политических фигур на сцене истории осуществляется как квалификация лидеров в качестве созидателей и/или разрушителей. Идею подобной классификации предлагает Б.А.Успенский, увидевший «двойной свет» в идеале государственной власти – разрушение старого и созидание нового. Оценивая деятельность российских императоров Ивана IV, Петра I, Павла, Александра I, автор отмечает общую тенденцию: «Свою деятельность они рассматривают как направленную не на улучшение исторически сложившегося порядка, а на

разрушение его, полное и всеконечное уничтожение и создание на новом месте ... и на новых основаниях нового и прекрасного мира». Более того, для Петра I метафора разрушения и созидания становится буквальной программой его правления [Успенский 1994: 334].

В сознании человека слово *разрушитель* воспринимается с резко негативной окраской, а *созидатель* - с позитивной. Но это при условии, если абстрагироваться от объекта созидания / разрушения, а учитывать общий настрой деятельности. Указанную коннотацию может вполне диаметрально поменять намеса объекта. Это еще раз доказывает действие в модели мира антиномии *созидание – разрушение* как взаимодополняющих и взаимосвязанных процессов. Ср. например, как оценивает строительство в историческом центре Санкт-Петербурга высотной доминанты общественно-делового района «Охта-центр» В.Матвиенко:

...это ведь не разрушение, это созидание. ... Небоскреб – это же строительство, причем строительство нового. То есть чистое созидание. Прогресс (Независимая газета 07.10.2009)).

Развивая идеи Б.А.Успенского, А.П.Чудинов классифицирует верховную власть в XX веке как разрушители, продолжатели и усовершенствователи. Автор отмечает, что к числу разрушителей в России причисляют В.Ленина, И.Сталина, Б.Ельцина и др. В группу созидателей входят "продолжатели" дел предшественников (Н.Хрущев, Л.Брежнев) и так называемые "усовершенствователи" - Ю.Андропов, М.Горбачев, производящие "ремонт" системы [см. подр. Чудинов 2001]. Интересно, что орудием „разрушителей” и „продолжателей” является *строительная* метафора (в частности, метафора разрушения и метафора созидания), а „усовершенствователи” успешно орудуют как

метафорой строительства, так и метафорой *дома* как объекта строительства.

В XX веке ассоциация общества с процессом строительства здания или зданием присутствует не только в социологии и экономике, но и широко утверждается в обыденном сознании [Арутюнова 1990-б: 15]. Все чаще указанная модель общественной структуры появляется в произведениях художественной литературы (Б.Пастернак, М.Цветаева, А.Платонов и др.). Строительная метафора насквозь пронизывает повесть А.Платонова «Котлован» - события повести соотносятся с реализацией грандиозного плана социалистического строительства в период индустриализации и коллективизации в 20-30-х гг. XX столетия. В городе строительство "будущего неподвижного счастья" связано с *возведением единого общепролетарского дома*, а в деревне строительство социализма предполагает создание колхозов и ликвидацию кулачества.

В советский период намечаются пути *социалистического строительства*, утверждается программа *построения экономического фундамента социалистического общества* (первый пятилетний план 1929-1932 гг.), активно идет *мирное строительство*, *строительство материально-технической базы социализма*, *строительство отношений*, широкое распространение получают молодежные *социалистические стройки*. В 50-х годах XX столетия рождается пропогандистское клише *великие стройки коммунизма* как обозначение наиболее крупных и значимых для народного хозяйства строительных проектов в СССР. Важной вехой является и моральный кодекс *строителя коммунизма* как свод принципов в программе КПСС (1961).

В эпоху застоя Л.И.Брежнев (70-80 гг. XX века) происходит *укрепление позиций социализма*, осуществляется *строительство развитого социализма и коммунизма*,

которое охватывает различные сферы: *хозяйственное, школьное строительство, строительство вооруженных сил* и даже *строительство человека*. Более того, строительную метафору исследователи [Anderson URL; Крепцова 2011 и др.] считают принадлежностью тоталитарного периода и связывают снижение ее активности с процессом демократизации общества, когда она уступает место метафоре *дома*, построенной на осознании близкой и родной сферы жизни. С другой стороны, метафора строительства декларирует необходимость перемен в обществе или в отдельных его сферах.

Новое прочтение и развитие строительная метафора получает в конце XX века, когда в обществе назревает необходимость перемен. Политика реформ М. С. Горбачева «на закате социализма» получает название *перестройка* и представляет собой особый исторический этап строительства государства. В период перестройки появляется необходимость в субъекте реформирования, поэтому заметно активизируется фрейм ‘*деятели / строители*’: появляются метафоры *архитектор перестройки, прорабы перестройки*, под руководством которых реализуются новые идеи и строительные проекты, осуществляются те или иные мероприятия.

Например: *Недавний трагический опыт с быстрыми, суетливыми попытками горбачевских горе-прорабов перестройки поскорее перевести ось власти от КПСС в Советы привел к краху государства и разрушению вертикальной оси власти (Известия 23.02.2012); Он появился с легкой руки Раисы Максимовны Горбачевой, супруги архитектора перестройки, первого и последнего президента СССР Михаила Горбачева (Вечерний Петербург 07.03.2012).*

Дальнейшее развитие метафоры строительства происходит в последующий период 90-х годов, но с

уклоном в сторону объекта строительства, когда в России начинается *возведение общего европейского дома* и укрепления «русской избы» [Чудинов 2008: 87-88].

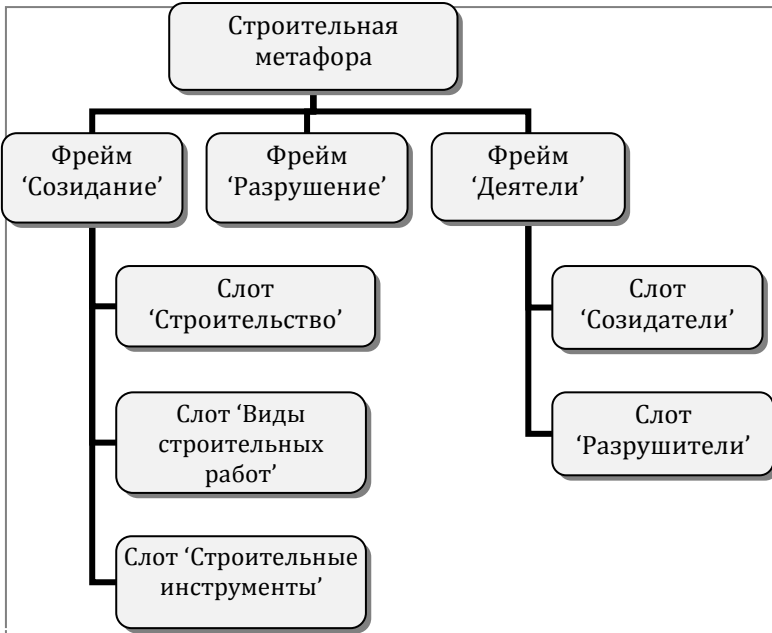

Рис. 5. Рубрикация сферы-источника метафоры строительства

Рассмотрим роль строительной метафоры в процессе концептуализации общественно-политической действительности в рамках современной ЛКС в российском и болгарском медиадискурсе. В М-модели «мир / общество ~ строительство» и «человек ~ строительство» можно выделить три основных фрейма: «Созидание», «Разрушение» и «Деятели (созидатели / разрушители)». Схематично субмодель «Строительство» представлена на Рисунке 5.

Фрейм 1. 'Созидание'

Слот 1. 'Строительство'

В условиях современной ЛКС строительная метафора ориентируется на созидательный вектор в определенных сферах общественно-политической, экономической, культурной жизни страны (*строительство финансовой системы; созидание общества и социальной сферы; строительство вооруженных сил, партийной структуры, инфраструктуры, новых экономических институтов, социальной сети, полиции, киноискусства, межличностных отношений; сооружение инфраструктуры и др.*) и переносится на уровень развития международных отношений (*строительство отношений, мира, экономического союза, структуры безопасности, международного бизнеса; созидание единой Европы и др.*). Россией взят «Курс на стабильность и созидание» (МК 23.02.2008).

Например: русск. *И рецепты «строительства» по всему периметру упомянутых здесь проблем (да и многих других) противоречат друг другу* (Известия 13.08.2012); *Среди острейших проблем государственного строительства Владимир Путин отметил казнокрадство, чиновничью коррупцию, а также финансовые махинации, достигшие угрожающего масштаба* (Независимая газета 18.02.2008); *Одной из важнейших задач военного строительства на современном этапе является повышение боеготовности стратегических ядерных сил* (Росбалт 20.11.2007); *В следующий период - при президентстве Дмитрия Медведева, когда сам Путин возглавит правительство, - начнется строительство «инновационной армии»* (Независимая газета 20.02.2008); *Участники оборонного саммита - а это главнокомандующие видами вооруженных сил, командующие родами войск, военными округами и флотами, начальники главных и центральных управлений Минобороны и Генштаба - должны определить приоритеты строительства силовой компоненты государства на перспективу* (СМИ.ру

21.11.2007); «Для укрепления национальной безопасности в целом необходима новая стратегия **строительства вооруженных сил до 2020 года**» - В.Путин (Газета.ру 08.02.2008); "Насколько я понимаю, речь идет о том, что Немцов предпочитает логику **строительства новой партийной структуры**", - считает Бадковский. По словам политолога, "выход экс-лидера правых сил из СПС - это его попытка утвердить себя в качестве одного из возможных лидеров новой партии" (Страна.Ру 12.02.2008); Например, лидером в области **строительства** электронного государства сегодня является Эстония. Это связано с тем, что она перестала быть частью большой империи, и ей пришлось все госуправление **возводить** с нуля (Независимая газета 04.12.2012); И тогда люди своими силами начинают **сооружать** вокруг себя удобную им инфраструктуру выживания (Независимая газета 23.03.2010); Но в России также нет консенсуса по поводу того, что именно РПЦ должна **созидать** общую для всех граждан **платформу** (Независимая газета 06.09.2012); ...в 2009 год край вошел с нулевым госдолгом, а в 2011-м казна стала «бюджетом **созидания**» (МК 21.11.2012) и др.

В болгарском медиадискурсе осуществляется **строительство новой Болгарии**. Однако из лексико-семантической группы (болг. *строя, построявам, градя, изграждам, зидам, съзиждам, иззиждам, издигам, правя, създавам, творя, сътворявам, устройвам* др.) наиболее активным в метафорическом осмыслении действительности, как показывает собранный нами материал, является глагол *градя - изграждам*. (Ср. Среди ЛСГ русск. *строить, устраивать, возводить, воздвигать, сооружать, зиждить, созидать, делать* и др. в метафоризации, в основном, участвуют *строить, созидать*).

Строительную метафору использует в качестве лозунга и своей партийной программы правящая в Болгарии политическая партия ГЕРБ (болг. *Граждани за европейско развитие на България*, сокращенно *ГЕРБ*).

Например: болг. *ГЕРБ влиза в надпреварата със слогана „Градим България“* (Политика 09.09.2011).

България *строит капитализм, новую жизнь, новую нацию*. Строительство охватывает отрасль экономики, партийную и социальную сферы, систему ценностей и международных отношений. Перед страной как членом ЕС стоят важные задачи построения демократической государственности и европейской общности.

Например: болг. *Всички сме български граждани, а именно културно-историческото наследство е инструмент за изграждане на самосъзнание* едновременно на български и на европейски граждани - Игнатов (Дума 31.01.2011); *Не така очевидни като мотиви, но не по-малко впечатляващи са и стрелите отляво, обявяващи кончината на европейския социален модел, на социалната демокрация като формула за изграждане на справедлива демократична национална държавност и европейска общност* (Дума 04.08.2011, бр. 177); *Новото поколение учени "мисли" онлайн....е да поставим идеята за изграждане на българско общество и икономика на знанието* (Дума 01.07.2011); *Новият основен закон налага изграждане на държавно управление въз основа на разделение на властите* (Дума 12.07.2011, бр. 157); *Все пак юристът призна, че не го бива в партийните интриги, защото не може да мрази, не плува в подобни води и по-скоро е работил за партията си на юридическото поприще, а не в партийното строителство* (Труд 29.04.2012).

Метафора строительства ставит и частные задачи, такие как: русск. *строительство сети архивов, электронного управления, дистанционной связи, научно-исследовательского потенциала, футбольной команды, игры, сайта, ток-шоу* и др. Метафорическое осмысление в данном случае становится ресурсом создания новых терминов (ср. *градостроительство, сайтостроительство*).

Например: русск. *По словам создателей ресурса, сайтостроительство* отняло у них полтора года жизни (Новые известия 18.06.2004); *И чего, спрашивается, было огород городить – соорудить вариант ток-шоу «Судите сами» для бедных?* (Независимая газета 19.10.2007).

Метафора созидания в российском медиадискурсе выступает как конструктивный (*созидать новое, новую жизнь, российскую государственность, киберстену и др.*), но и деструктивный механизм (*созидать проблемы, провокации*).

В сфере международной политики на первый план выдвигается *строительство Европы*. Россия и Болгария осуществляют *строительство отношений* с рядом государств. Россия продолжает *союзное строительство* в рамках СНГ и ведет *строительство Евразийского союза*.

Например: русск. *На церемонии закрытия (сессии Совета Баренцева/Евроарктического региона – Е.С.) глава российского МИДа Сергей Лавров получил деревянный молоток - символ председательства в СБЕР. Принимая молоток от финского коллеги Илкки Канервы, г-н Лавров подчеркнул важность сохранения преемственности в работе СБЕР, "действительно направленной на **строительство новой Европы без разделительных линий**" (Время новостей 16.11.2007); Он принимает участие в международном форуме "**Строительство востока Европы**" (Время новостей 08.11.2007); Так, в декабре 2007 года состоялось очередное заседание Высшего Госсовета Союзного государства, позволившее определить ключевые направления дальнейшей работы по развитию двустороннего (российско-беларусского – Е.С.) интеграционного взаимодействия и **союзного строительства** (www.rian.ru 28.01.2008); Выступивший вскоре после премьеры министр иностранных дел Японии Масахико Комура (Masahiko Komura) сообщил собравшимся, что "нынешний год должен стать знаменательным в **строительстве российско-японских отношений**" (www.rian.ru 07.02.2008); В России, похоже, тоже идея **строительства Евразийского союза** существует лишь на словах (Независимая газета 07.08.2012); В лидеры Германии выдвинулся человек послевоенного поколения ..., с новыми идеями и взглядами насчет того, как **сооружать** в дальнейшем **объединенную Европу** (Независимая газета 02.02.2001).*

Например: болг. *Правителството на Станишев например огласи като свой външнополитически приоритет изграждането на добросъседски отношения между София и Москва* (Дума 15.10.2011, бр. 235); *Жан Моне твърдеше, че изграждането на Европа става благодарение на кризите* (Дума 31.03.2011).

Метафора в българском медиадискурсе декларирует переход в строительстве взаимоотношений на новый виток, новую стадию развития.

Например: болг. *...изграждане на международни отношения на свършено друга фаза* (Дума 23.06.2011); *Частната собственост – това е изграждане на партньорство* (Дума 08.12.2010).

Слот 2. 'Виды строительных работ'

Метафора строительства в русском языке включает в себя различные виды строительных работ (*подпиливание, пиление, цементирование, сколачивание, встраивание, вколачивание, капитальный ремонт, радикальная перестройка, реконструкция, реставрация, перестраивание* и др.), которые вносят в метафору дополнительные семантические оттенки. А здание Болгарии требует ремонта, достраивания, переделывания, надстраивания, бетонирования, побелки (точнее окончания побелки) и реставрации (*доизграждане, надстрояване, бетонирание, преустройство, доизмазване, ремонт, реставриране*). Причем высказываются мысли, что для болгарской действительности идея *перестройки* общества оказывается неприемлемой.

Например: болг. *Перестройката, пишете в изданието, е самолет без писта за кацане в българските условия. На кой самолет лети, на кой "ще се качи" държавата ни?* - проф. Иванов (Дума 20.09.2011).

Процесс строительства в обоих дискурсах имеет две стороны: с одной стороны, идет строительство нового здания, а с другой – происходит реконструкция и ремонт старого. Кроме того, метафора строительных работ в болгарском медиатексте указывают на завершающий этап строительства, процесс строительных работ находится на финальной стадии (*доизграждане, надстройкаване, доизмазване*).

Например: русск. *Так же естественно, что новая верховная власть, точнее, ее придворные интеллектуалы, стремятся использовать новую моду для судорожного подведения хоть каких-то опорных идеологических конструкций под политику авторитарной реставрации* (Независимая газета 08.09.2001); *Необходимо крупномасштабное обновление - капитальный ремонт всей системы государственной власти* (Независимая газета 25.03.2003); *С беспристрастной методичностью они вколачивают в сознание связь: «власть - стабильность, порядок», «оппозиция - революция, хаос», оставляют за нами формальное право выбирать* (Московский комсомолец 06.04.2012); *24 марта во время своей поездки по Северному Кавказу президент заявил, что силовой блок надо реформировать, но предложения изменений должны исходить от самих "силовики" и никаких радикальных перестроек делать не стоит* (Время новостей 20.04.2004); *Кроме того, всем также стало понятно, что как раз государство и может не считаться с законом: что оно, опираясь на спецслужбы, прокуратуру и суд - которые уже встроены в "вертикаль власти" и, следовательно, послушны ее воле - могут без особых юридических изощрений разорить любую фирму и забрать ее у ее владельца* (NEWSru.com 2.08.2004).

Например: болг. *Любопитно е също как елитният 17-членен отбор на еврозоната ще успее да се движи с единна и висока скорост, след като дотук 3+2 държави имат спешна нужда от генерален ремонт!* (Дума 19.11.2011, бр. 265); *Но времето след революцията не е започване съвсем отначало. Напротив, то е продължение и доизграждане на всичко, което само привидно изглежда, че е разрушено и отпратено в историята* (Дума 09.11.2011, бр. 256); *Никъде в литературата и практиката не е*

казано, че връщането назад в по старо общество е революция. Нарича се **реставрация** (Дума 09.11.2011, бр. 256); Ясно е, че подобни процеси засягат цялостното "**преустройство**" на българската духовна сфера, подложена на деформации и "пренагласяне", залята от вълните на комерсиализма и графоманството - И.Христов (Дума 12.03.2011, бр. 58); ЕС **надстройва** горяща къща (Дума 14.12.2011, бр. 286); Ние сме надеждна граница на ЕС и още днес Европа може да ни приеме в Шенген. Имаме само една сграда да **доизмажем** и се надявам до края на месеца това да стане. С тези обяснения Борисов скастри австрийска журналистка, която изказа предположението, че сме най-корумпираната страна в ЕС и попита как България ще отговори на критериите за Шенген и ще опровергае твърдението (Дума 03.02.2011, бр. 28).

Некоторые виды строительных работ приобретают явно вредительский характер и направлены на расшатывание государственных устоев (*подпиливание, пиление*).

Например: русск. ...а потом - долгая работа по **подпиливанию** опор российской энергосистемы (Правда.РУ 14.01.2004); Политик Александр Починков, бывший федеральный министр, тоже был остер на выражения: Государство должно предоставлять возможности - получить образование, хорошую работу. А сейчас оно, как с пенсионной реформой, например, лезет в карман будущих поколений. Это государство не созидания, а **пиления**, оно «вроде бы» создает обр. науку, экономику. Но все «вроде бы» (МК 01.11.2012).

В болгарском медиадискурсе собранные примеры метафоры общестроительной деятельности демонстрируют тенденцию к стагнации (*бетонирам, бетонира се*). Подобное значение фиксируется в русской метафоре на основе глагола *цементировать*. Указанная метафора подчеркивает прочное утверждение чего-либо или кого-либо в стране и характеризуется в большинстве случаев пейоративной коннотацией.

Например: болг. *Освен всичко друго, тези числа показват колко абсурдни са прогнозите на Симеон Дянков. ... Ако финансовата му политика продължава и през следващите години, нашата изостаналост ще се **бетонира** още по-солидно, а дистанцията между България и другите европейски страни ще се увеличи* (Дума 03.12.2010, бр. 279); *Чрез новия десетгодишен договор за газа България **бетонира** газовия монопол на Русия. Това заявиха от „Движение България на гражданите” (ДБГ) на извънредна пресконференция в централата на партията (www.pik.bg 30.11.2012); Без активна политика в тези области не е възможно ускорено догонващо развитие на България. И ние се **бетонираме** на последното място в ЕС за десетилетия напред* (Дума 16.06.2011, бр. 135); *Предстоящите президентски и местни избори са важен рубеж. Ако ГЕРБ ги спечели, то тази партия ще се **бетонира** във властта поне още за две години, до следващите парламентарни избори* (Дума 22.09.2011, бр. 217); *Фискалният съюз прави невъзможно ускореното догонващо икономическо развитие на по-бедните страни, като нашата. ... Това ще **бетонира** сегашния разнороден икономически и социален състав на ЕС, който е една от важните причини за настоящите му проблеми* (Дума 09.03.2012, бр. 58).

Например: руск. *Но, следва веками так называемого московского вектора, у Януковича появляется шанс **зацементировать** свое правление* (Независимая газета 02.06.2010). *Конечно, у России всегда есть запасной вариант – **цементировать** единство вокруг себя газом, нефтью и трубой* (Независимая газета 05.03.2007); *Кроме того, единоссам необходимо **цементировать** элиты – особенно в регионах с непопулярными губернаторами или откровенными «хромыми утками»* (Независимая газета 03.11.2011); *Премьер хорошо умеет балансировать, **цементировать**, достигать стабильности, однако не любит выводить систему из равновесия* (Независимая газета 04.10.2010); *... и прокуратуре в этом отводил особую роль: она должна была **цементировать** правовые устои державы* (Независимая газета 16.05.2000).

Слот 3. 'Строительные инструменты'

В слоте отмечается подверженность метафоризации в российском и болгарском медиадискурсе группы инструментов для работы по дереву (ср. русск. *топор* и болг. *брадва*, *секира*). В древности и в Средние века *топор* у разных народов является самым распространенным видом оружия. Как правило, он традиционно используется как орудие труда и символ угрозы.

В современном медиадискурсе на материале и русского, и болгарского языков *топор* (болг. *секира*, *брадва*) выступает инструментом сокращения, урезания возможностей и свобод. Лексемы *секира*, как обозначение популярного на Руси в X-XI вв. древкового оружия, и *бердыш*, русский тип секиры с длинным лезвием в XV-XVIII в., сейчас являются историзмами и принадлежностью пассивного фонда. Функционирование слова *секира* в русском языке значительно ограничено стилистическими рамками (имеет традиционно поэтическое, риторическое употребление), в следствие чего не подвергается метафоризации.

Например: русск. *Любопытно, что под **топор** сокращений попала и помощь США России* (Независимая газета 16.02.2011); *Ведь не карательный же орган Рособрнадзор. «Поймите, – возвала Любовь Глебова к ректорам, – наш новый инструментарий – не **топор**, который создан для разрушения»* (Независимая газета 03.02.2009); ***Топором** по легким Ставрополя* (Независимая газета 15.01.2007).

Например: болг. *МФ готви нова **секира** за медицинските услуги* (Дума 13.10.2010); *Финансова **секира** грози болниците още от февруари* (Дума 15.02.2011); *Самият транспортен министър Цветков вчера се опита да заобиколи темата със съкращенията, като нарече предстоящата социална **брадва** оптимизация* (Дума 16.12.2010); *Страните от ЕС готвят **секира** за майките* (Дума 07.12.2010) *Бойко Борисов отново*

отсече, че съдебната система си е виновна, все едно е нещо отделно от всичко останало... (Дума 21. Юли 2011, бр. 165).

В русском языке с *топором* связывается финитная символика – обозначается начало или конец военных баталий, уничтожения чего-либо или кого-либо (ср. стертые метафоры: *топор войны; зарыть, закопать топор войны; точить топор* и метафора тоталитарной эпохи: *топор сталинских репрессий*). Указанные метафорические сочетания уходят своими корнями в индейский ритуал прекращения военных действий. Под *топором войны* обычно подразумевается *томагавк* – вид оружия для ближнего боя или метания, ставший всемирным культурным символом. Соответствующая болгарская стертая метафора связана именно с этим видом холодного оружия (болг. *томахавка*) как разновидностью топора (Ср. болг. *томахавката на войната, да извадим томахавката на войната, да заровим томахавката* означают соответственно ‘возможность решения проблем военным или мирным путем’).

Например: русск. *Топор газовой войны* после избрания Виктора Януковича, как выясняется, так и *не* был *зарыт* (Независимая газета 18.08.2011); *В такой деликатный момент американцы занесли дипломатический топор над проектируемой трубой* (Независимая газета 18.03.2005); *А две оппозиционные фракции, это 24 депутата, игнорируют лишь законотворческий процесс. Но они же весьма активны, когда в зале находятся телекамеры, перед которыми можно сделать политические заявления, вплоть до «призвания к топору»* (Независимая газета 01.03.2004); *США и Россия закопают топор холодной войны* (Независимая газета 01.04.2009).

болг. *Също така и в Лондон не са сигурни, че Ирландската републиканска армия и нейните крила и фракции са заровили завинаги "томахавката"* (Дума 04.10.2010, бр. 227); *Заровиха ли стачната томахавка в мините?* (Дума 14.07.2011, бр. 159); *И така, томахавката на студената война отново е извадена, и*

*то не заради някаква си 24-милионна Северна Корея, а заради Китайската народна република - кошмара на американските политици и военни (Дума 18.04.2011, бр. 89); Затуй данъчната **томахавка** беше заровена и на нейно място се появи осигурителната - работещите пенсионери да плащат осигуровки върху общата сума от заплатата и пенсията си, а не само върху заплатата, както е сега (Труд 22.03.2010).*

Фрейм 2. 'Разрушение'

Современная метафора разрушения в русском языке является наследием периода *развала* Советского Союза. В рамках современной ЛКС России указанная метафора не осознается частью процесса строительства (разрушить и построить), а скорее соотносится с этапом преодоления наследия прошлого, ликвидации последствий *разрушенной России*. Сам процесс разрушения воспринимается как остановленный или приостановленный.

Например: русск. Путин **приостановил** эти **разрушительные** процессы еще в первый президентский срок. Или хотя бы замедлил (Известия 13.08.2012); *Поскольку Россия – это не **обломок** и даже не "ядро" СССР и не воскресшая из праха Российская империя. Это новое государство, родившееся в августе 91-го. У него другие задачи, другие идеалы, другие возможности, другие союзники и противники. Соответственно этим реалиям и нужно было бы **строить** новые институты новой России (Независимая газета 12.11.2004); Мы поняли, что не нужно больше ничего **разрушать**, и так уже все **разрушено**, пришло время **созидания** (МК 24.07.2012).*

Однако все еще приходится строить на руинах прошлого - таким образом проходят процессы партийного и международного строительства в России.

Например: русск. *Но если у него получится, это будет интересно, потому что тогда произойдет резкий раскол КППФ и, возможно, **на обломках** этой старой партии появится что-то вразумительное (Независимая газета 30.04.2004);... надо договориться о том, как можно было бы об этом*

договариватся, как запустить процесс мирных переговоров на развалинах, оставшихся после идеологического побоища (Независимая газета 29.04.2003); Теперь настал период созидания на руинах армии и флота новых боеспособных и эффективных Вооруженных сил РФ (Независимая газета 19.10.2010).

В современной Болгарии, как показывает метафорический материал, процессы разрушения и созидания осуществляются параллельно. Более того, получает распространение так называемая теория *созидательного разрушения*.

Например: болг. *Неплатежеспособността на "Кремиковци" и изграждането на МИП са монументални процеси на **разрушение** и **съзидание**. Те обясняват стопанските развития на 2009 г. и придават смисъл на икономическата скука. И в двата случая има процеси на **съзидание** и **разрушение** (Дневник 06.01.2010); А икономическа теория - за **съзидателното разрушение** (creative distruction) на Йозеф Шумпетер, за начина, по който предприемачите с нови и по-добри идеи изместват монополисти от пазара. Този процес води до ръст на икономиката и нови иновации (Дневник 29.05.2009); Румънският евродепутат Йоан Енчу също заяви, че днешното развитие задълбочава разделението на европейските граждани на две класи и **разрушава** духа на европейската солидарност (Дневник 22.09.2011); От друга страна - никоя институция, която и да е в България, не може да слуша превантивно. Това не е разрешено по конституция, така се **разрушава** държавата, а не се изгражда. Така слушаше режимът на Тодор Живков – И.Костов, лидер на ДСБ (Дневник 11.01.2011).*

Метафора разрушения охватывает основные сферы жизни Болгарии: экономику, государственность, партийную систему и духовность.

Например: болг. *Просто дясната мисъл изпълзя отново изпод **икономическите руини** и се опита да ни убеди, че тя е невинна като монахиня за кризата, че причините не са системни, а съвсем случайни (Дума 19.09.2011); Но фронт срещу статуквото е невъзможен, защото нито БСП прилича на*

гарант за почтено управление, нито Ивайло Калфин - на достоверен и принципен воин на демокрацията, а и поради поведението на "един-два-процентните" партии, които имат малко повече от 18 месеца да работят върху собствените си **руини** (ДСБ, РЗС, ЕНП и т.н.) и затова "те ще си намерят някой сантиметър под голямата тента на ГЕРБ, за да чакат по-добри времена" – според политолога Владимир Шопов (Дневник 27.10.2011); **Мафията се консолидира, а българската държавност е в руини** (Дневник 08.04.2008); **Държава в разруха, без индустрия и със съсипано селско стопанство, държава, която унижава интелектуалния си потенциал, държава, превърната в задния двор на Европа!** (Дума 11. Август 2011, бр. 183); **Тенденциозно се разрушават традиционните ценности на отделните страни и народи, формиран през вековете. Рушат се духовните устои на личността**, за да се култивира войнстващ индивидуализъм, фокусиран най-вече върху материалните потребности и хедонизма, нравствената деградация на човека (Дума 30.04.2011, бр. 98); **А ГЕРБ действат новаторски и рушат всичко до основи. Това е "приемствеността на новия век"** (Дума 12.11.2010, бр.261).

Как следствие разрушителного процесса българская метафора фиксирует изменение внешнего облика страны и ее имиджа на международной арене.

Например: болг. **Защо рушим лицето си** (Дневник 06.11.2008); **"България търпи щети, защото не работи съдебната власт. Този сигнал разрушава доверието на Европейския съюз към България"**, - Н.Михайлова (Дневник 13.10.2009); **САЩ са решени да подпомогнат правителството на България и българския народ да се бори с организираната престъпност, която руши имиджа на България по света и задушва икономическия растеж и развитието на демокрацията** (Сега 21.03.2005).

В качестве вида сознательного разрушения (уничтожения) можно рассматривать такую строительную операцию, как **демонтаж** (болг. **демантиране**).

Например: русск. **Свою лепту в полный демонтаж сформированной Асланом Абашидзе системы спешат внести все**

центральные грузинские ведомства (Независимая газета 14.05.2004).

Например: болг. *Както и преди сме прогнозирали, правителството на ГЕРБ продължава с политиката си за **демантиране** на основните споразумения на предишния кабинет с Русия в енергийната сфера* (Дума 06.01.2012, 4).

Ученые утверждают, что в природе процессы разрушения и созидания находятся в определенной гармонии, они взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом. Проблемы современной государственности связаны именно с нарушением установленного баланса и необходимостью восстановления диспропорции в политике, особо ощущаемой в периоды реформирования страны.

Например: русск. *Достижение гармонии между **разрушением** и **созиданием** - а также создание эффективного механизма регулирования баланса между ними - позволит России воспрянуть и вернуться в ряд ведущих мировых держав. И произойти это может за 5-10 лет, а может, и быстрее* (Время новостей 21.03.2007); *...но инновации означают не только **созидание**, но и **разрушение**. Инновации **разрушают** рынки, отрасли и профессии, они меняют направление денежных потоков....* (МК 0303.2010).

Фрейм 3. 'Деятели'

Слот 1. 'Созидатели'

В рамках современной ЛКС России в метафорическом представлении деятелей актуализируется слот строителей-созидателей. К ним относятся продолжатели дела перестройки 80-х годов: *архитектор, прораб, строитель (архитектор перестройки, прораб перестройки)*, но актуализирующие сему *нового строителя*. Появляются метафоры: *прорабы новостройки, прорабы модернизации,*

архитекторы перезагрузки, реставраторы страны и истории, главный конструктор партийной системы и др.

Например: русск. *Из «прорабов перестройки» в прорабы новостройки* (FreeLance Bureau 11.04.2012); *«Я не автор идеи, я прораб, который осуществил вашу идею»* - В.Путин (Комсомольская правда 01.06.2011); *Архитектор «перезагрузки» станет новым послом США в Москве* (Комсомольская правда 29 май 2011); *Но опубликованные ими статьи на фоне выступлений и текстов самого президента недвусмысленно разоблачили «прорабов модернизации»* (Независимая газета 15.12.2009); *Причем бессмысленность эту, судя по всему, признал даже «главный конструктор» российской партийной системы – первый заместитель руководителя кремлевской администрации Владислав Сурков* (Независимая газета 27.07.2009); *Но Путин завершил этот процесс, и имидж Путина? ...это имидж не разрушителя, революционера, как у Ельцина, а имидж реставратора* (Независимая газета 23.05.2007).

В болгарской литературе отмечается специфичное отношение к строителю. Образ строителя как человека из народа создает поэт и журналист Пеньо Пенев в стихотворении „Аз, един от народа” - построенное должно служить века: *"Безсмъртно нека остане навеки построеното тук от мен"*. В современном болгарском медиадискурсе также появляются образы строителей и архитекторов (болг. *строител, архитект*), которым предстоит обустройство новой, современной Болгарии и Европы.

Например: болг. *Мнозина от нас още си спомнят напористото поведение на тогавашните опозиционери - брадати, дългокоси и много шумни люде, заредени с ентузиазма на строители на съвременна България* (Дума 04.01.2005); *Думата толерантност може да се прочете и като молба за прошка. Прошка, която европейският политически елит, който така обърка нещата, иска от гражданите в цяла Европа, които се почувстваха изолирани, загърбени и често гневни. Този гняв рядко тревожеше архитектите на Европа и затова те не забелязаха промяната на политическите реалности в зората на XXI век и това, че*

всеки, който държи мобилен телефон, държи в ръцете си и частица от политическата власт (Дневник 21.01.2007).

Слот 2. 'Разрушители'

Для русской метафоры указанный слот является наследием прошлых ЛКС. К разрушителям причисляют *разрушителей старого, СССР, союзного государства, государственности, железного занавеса, России.*

Например: русск. *КПРФ готова к союзам, но не с **разрушителями** России* (Независимая газета 21.11.2002); *20 лет назад **разрушители** Союза самозвано объявили себя «демократами», испачкав это великое слово* (Независимая газета 19.08.2011); *О Ельцине можно говорить как о **решительном разрушителе** всех прежних принципов и стереотипов, сделавшем невозможным возврат в прошлое* (Независимая газета 04.04.2011); *Раньше парламент был **разрушителем** государства. Но сейчас на смену этой его негативной роли приходит другая - не менее негативная* (МК 14.02.2000); *Суть проблемы в том, что **разрушители** плановой системы управления экономикой, подняв флаг свободного рынка, безоглядно ринулись в торговлю, а правильнее сказать - в спекуляцию имуществом, созданным государством* (МК 29.03.2012).

Однако метафора разрушителя в российском медиадискурсе постепенно становится принадлежностью спортивной жизни страны и все чаще употребляется в текстах спортивной тематики, квалифицируя игроков, срывающих, или точнее «разрушающих», атаки противника в качестве *разрушителей* и *атакующих разрушителей*.

Например: русск. *В ЦСКА в свое время в этой зоне у меня играли одновременно Хохлов и Радимов - ярко выраженные организаторы, а не **разрушители**. Они оборонялись, прямо скажем, плохо* (Независимая газета 03.06.2012); ***Разрушители традиций*** (Спорт-экспресс 24.09.2012); *Он игрок атакующий, но при этом главный разрушитель «МЮ»!* (Советский спорт

29.05.2010); *Трудно было определить его функцию на поле – атакующий разрушитель?* (Советский спорт 24.03.2009).

В болгарской метафорической картине в рамках современной ЛКС более активным (по сравнению с русской) во фрейме ‘Деятели’ представляется слот ‘Разрушители’. В категорию разрушителей попадают как отдельные личности, так и партии, организации.

Например: болг. *Дали ГЕРБ ще се утвърди като реформатор или **разрушител** ще зависи и от това дали ще успее да привлече мненията и енергията на формации и неформални групи вътре в засегнатите съсловия, които са против статуквото и също искат реформа* (Дневник 02.01.2011); *"Инфосис" - креативният **разрушител*** (Дневник 22.08.2005); *Въпросът е имал ли е (или има ли сега) изградена стратегия и тактика Костов за победа на общ десен кандидат със СДС без чужда помощ - разбирай на Бойко Борисов, или изначално си е давал сметка за сегашния развой на сагата, но е участвал в спектакъла, за да не бъде осъден като **разрушител** на прословутото дясно обединение?* (Дневник 07.07.2006); *В разградения двор на българската духовност шетат шарлатани, отцеподавци, мошеници, псевдоинтелигенти и **разрушители** с подковани ботуши* (Дума 30.04.2011); *Призоваваме всички български интелектуалци, общественици и граждани на активна съпротива срещу действията на министъра-**разрушител**", е призивът на документа* (Дума 10.11.2010, бр.259); *Освен всичко друго, тези числа показват колко абсурдни са прогнозите на Симеон Дянков. Това е цената, която България ще плати за престоя на този прищълец - **разрушител** в София. Българският народ трябва да знае това!* – И.Игнатов, член-кор. на БАН (Дума 03.12.2010, бр. 279).

Обобщенную схему рубрикации сферы-источника метафоры строительства в российском и болгарском медиадискурсах можно представить в виде таблицы (см. Таблица 1). В таблице выделены несоответствия в русской и болгарской метафорических картинах.

В российском медиатексте	В болгарском медиатексте
Фрейм 1. Созидание	
<p>строительство востока Европы, России; союзное строительство; строительство Евразийского союза; государственное строительство; строительство отношений, мира, структуры безопасности; строительство партийной структуры, финансовой системы, вооруженных сил, инфраструктуры, экономических институтов, социальной сети, полиции, футбольной команды, межличностных отношений; выстраивать суверенную демократию; сооружать объединенную Европу, инфраструктуру, ток-шоу; созидать общую платформу, жизнь</p>	<p>изграждане на Европа; изграждане на европейска общност; градим България; изграждане на отношения, на общество, на икономика, на държавност; партийно строителство; изграждане на самосъзнание</p>
Виды строительных работ	
<p>подпиливание, сколачивание, встраивание, вколачивание, цементирование, радикальная перестройка перестраивание, капитальный ремонт, реконструкция, реставрация</p>	<p>ремонт, доизграждане, реставриране, преустройство, бетониране, надстройкаване, надстройкава, перестройка</p>
Строительные инструменты	
топор	секира , брадва, томахавка
Фрейм 2. Разрушение	
<p>разрушение, на обломках, на развалинах, на руинах, демонтаж</p>	<p>разрушение, разрушавам, руша, руини, демонтиране, съзидателно разрушение</p>
Фрейм 3. Деятели	
<p>прораб, архитектор, реставратор, главный конструктор, разрушитель</p>	<p>строител, архитект, разрушитель</p>

Таблица 1. Представление сферы-источника 'Строительство' метафорической экспансии

3.4. Метафора дома как объекта строительства

3.4.1. Становление и развитие метафоры дома как объекта строительства

Метафора дома как способ концептуализации действительности не является новой. Метафорическая модель связана с архетипическими представлениями человека и является хорошо структурированной и упорядоченной основой когнитивного сознания представителей болгарской и русской лингвокультур. Метафора дома - это традиционный для славянской культуры источник формирования метафоры. Как отмечает А.К.Байбурин, жилище для славянских народов – это не просто материальный объект, а это „один из ключевых символов культуры”, с которым соотнесены все важнейшие категории картины мира у человека [Байбурин 1983: 3]. Его становление происходит в рамках мифологического видения человека, соприкасаясь с языческим ритуалом, и обогащается христианскими представлениями и обрядами. Вследствие чего перцептивно-когнитивный образ и культурная составляющая концепта оказываются взаимосвязанными компонентами его структуры. Концептуальное отображение *дома* находится на стыке материального и духовного, временного и пространственного кодов [Нидерле 1956; Цивьян 1978; Байбурин 1983; Топоров 1984; Никитина, Кукушкина 2000; Чудинов 2001 и др.].

Важной вехой становления указанной метафоры является развитие философской мысли в XIX веке, в частности формирование материалистических идей К.Маркса и Ф.Энгельса. С тех пор общество воспринимается как здание со своим фундаментом или базисом и надстройкой (Об этом уже шла речь выше).

Метафора активно развивается в контексте реформирования страны, *перестройки* М. С. Горбачева, в конце XX века. В метафоре *дома* как объекта строительства актуализируется идея переделывания старого здания-общества.

Например: *Он* (М.С.Горбачев – Е.С.) *пытался отремонтировать здание устаревшей политики* (Комсомольская правда 05.06.1991).

Объект, подвергающийся перестройке, в эту эпоху представлен широким вариативным рядом: это не только *здание, дом, но и храм, казармы, тюрьма, дурдом, бастионы, пирамиды, башни*, а также изрядно обветшалый и совсем не пригодный для жилья – *сарай*. Например: *Дядя Миша перестраивал сарай* (Независимая газета 08.04.2011). В основе указанной метафоры лежит популярное в эпоху перестройки стихотворение Г.Григорьева о том, как *«Дядя Миша перестраивал сарай»* и уверял при этом, что фундамент этого сооружения *«еще четыре века простоит»*. Завершалась поэма словами, очень важными для понимания русской ментальности:

*Мы с дружком сидим по-тихому, бухаем.
В этом ихнем деле наше дело – край.
Все равно сарай останется сараем,
Как он там ни перестраивай – сарай.*

О.П.Ермакова отмечает, что значения в метафорических употреблениях данного периода семантически варьируются, и, «рождаясь в политических контекстах», они «не несут никаких политических смыслов» [Ермакова 2000: 49]. В них происходит актуализация универсальной модели дома, в соответствии с которой проявляются ассоциации: *дом – общество, этажи – уровни, а лестница – иерархия*.

В последнее десятилетие XX века в российском медиадискурсе фиксируется метафора *Россия – наш дом*, получившая популярность благодаря всероссийскому общественно-политическому движению „Наш дом – Россия” (1985), которое возглавил В.С.Черномырдин. А.П.Чудинов отмечает при этом активизацию образов *хозяев дома, квартирантов и бомжей*, а также динамику слотов ‘Конструкция здания’ (*фундамент, стены, крыша, дверь* и др.) и ‘Внутренняя планировка дома’ (*отдельные или коммунальные квартиры, кухня, коридоры, лестницы, просторные комнаты или тесные каморки*) [см.Чудинов 2001].

ЛКС регламентирует место М-модели дома и ее роль в той или иной лингвокультуре на определенном временном отрезке ее развития. Более того, присутствие указанной метафоры свидетельствует о стабильности развития общества. Однако надо отметить, что популярность и активность метафоры ‘дом’ в русском и болгарском медиатексте не является идентичной. Некоторые исследователи вообще не выделяют указанной метафоры как базовой М-модели в болгарском медиадискурсе на современном этапе [Цонева 2002; Аврамова 2006].

Следует подчеркнуть, что понятийная сфера ‘дом’ обладает всеми необходимыми условиями для метафорической экспансии в обоих дискурсах, но использование указанной сферы в качестве источника метафоризации неодинаково в русской и болгарской лингвокультурах.

3.4.2. Метафора *дома* как объекта строительства в рамках современной лингвокультурной ситуации

Метафора *дома* как объекта строительства представляется составной частью Архитектурной

метафоры. М-модель общество ~ дом и человек ~ дом состоит из двух основных фреймов: 'Дом / сооружение' и 'Обитатели дома'. Слотовая структура первого фрейма связана с типами зданий, конструкцией здания, его внешней и внутренней структурой (фундамент, стены, крыша, окна, двери и т.д., включая внутренние помещения и предметы домашнего быта), а также с порядком в доме. Схематично метафору дома как объекта строительства можно представить следующим образом (см. Рис.6).

Фрейм 1. 'Дом / сооружение'

Современная метафора дома базируется на традиционных марксистских понятиях *базиса* и *надстройки*, на возникших в XX веке экономических и политических *блоках*, на последующих метафорах *Белого дома* и *берлинской стены*, где последняя воплотила идею разделения и противостояния между Востоком и Западом.

С конца XX столетия и в русском, и в болгарском языках она находит отражение в идее *общеευропейского* и *общего дома*, где метафора *сооружения* / *дома* сливается воедино с метафорой *созидания*.

Например: русск. *Все больше европейцев разочаровываются в своем общем доме* (Российская Газета 30.10.2004).

болг. *Очевидно марксизмът изглежда в очите на тези хора неспособен да съюзява и организира, че дори е пречка за създаването на "общия европейски дом", както ще го нарече по-късно Горбачов* (Дума 9.11.2011, бр. 256); *Не е ли точно това демокрацията - толерантност и взаимно уважение към възгледите на другите, с които живеем в общия си дом, в България, а и в Европа, и в света?* (Дума 25.01.2011, бр. 20); *На тази интелигентна публика разчитам, за да се поддържа огънят на публичните спорове. Особено когато от тях зависи какъв избор може да направи една малка и традиционно*

зависима нация като българската, когато нейният *общ дом* - Европа, е пред разпад... (Дума 19.11.2011, бр. 265).

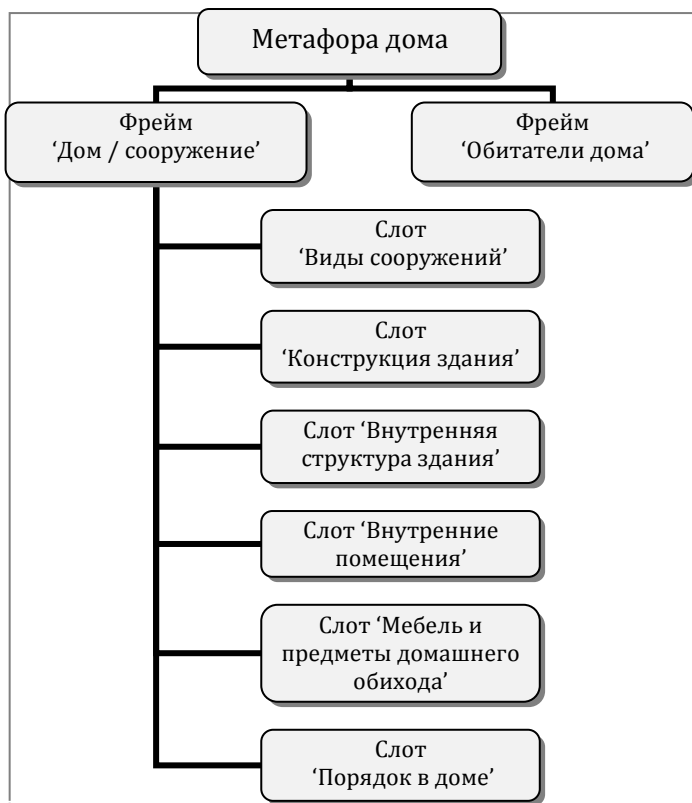

Рис. 6. Метафора дома как объекта строительства

Одновременно с метафорой *общего дома* продолжает развиваться метафора *Россия – наш дом*, а в болгарской лингвокультуре, соответственно: *Болгария – наш дом*. В российском медиадискурсе в ней отмечается широкая сеть ассоциаций: *край ~ наш дом, город ~ наш дом, администрация ~ наш дом* и др., а в болгарском -

актуализируется традиционная ассоциативная связь *наш дом ~ Земля*.

Например: болг. *Затова сме длъжни, като биолог ви казвам, да пазим околната среда, да милеем за своя общ дом, да живеем и дълго, и щастливо* (Дума 15.07.2011, бр. 160); ... *по-добра защита на нашия единствен дом - Земята* (Дума 26.09.2011); *Ако човек научи малко повече за културата на исляма, то той ще разбере, че тези понятия са несъвместими. Ние живеем в дом, където има достатъчно място за всички* (Дума 11.08.2011, бр. 183).

Символично в болгарской лингвокультуре название популярного в настоящее время в Болгарии телевизионного сериала *Стеклянный дом* („Стъклен дом”, 2010 г.), снятого по роману В.Штеревой и возродившего традиции болгарского киноискусства. В метафоре на первый план выступает ассоциация прозрачности, которая позволяет нам стать свидетелями семейной драмы. На примере одной семьи представляется жизнь *дома* под названием Болгария. В русской литературе и кинематографе подобная связь семьи и страны освещается неоднократно. Свидетельством тому являются вышедшие на экраны фильмы «Московская сага» (2004, реж. Д.Барщевский), «Вера. Надежда. Любовь» (2009, реж. А.Рудаков) и др., рассказывающие об истории России на примере нескольких поколений одной семьи. Немаловажную нагрузку несет сам дом как артефакт, олицетворяя семью и Россию.

Строительство *дома* новой России – это процесс длительный и многогранный, в котором отражается сема совместности и преемственности действий.

Например: русск. *Борис Ельцин, будучи президентом, расчистил площадку от обломков советского строя, Владимир Путин заложил фундамент, построил стены и крышу, - сказал Барщевский журналистам в кулуарах съезда Ассоциации юристов России. - Но в таком здании жить пока не очень комфортно и нужно еще провести коммуникации, сделать*

отделку. Этим и займется Медведев. Надеюсь, что в этом доме окна не будут заложены кирпичом и останутся открытыми (Росбалт 29.01.2008); Барцевский: *Путин построил дом, Медведев должен его отделать* (Росбалт 29.01.2008).

Постепенно здание России в медиадискурсе становится двухэтажным, обнажая противоречия жильцов на его этажах и демонстрируя расслоение общества на бедных и богатых, на власть имущих и неимущих и др. (Например: *Двухэтажная Россия* (Московский комсомолец 09.04.2012)).

Для номинации здания Болгарии используются лексемы *дом* и *къща* (*финансова, търговска къща; къщата ни*) с перевесом в сторону *дома* (*наш, нов, достоен, собствен, общ, европейски* и др. *дом*). Надстраивание еще одного этажа к зданию страны характерно и для болгарского медиадискурса, но оно символизирует уход от решения проблем, попытку скрыться от ежедневных забот по наведению порядка на нижних этажах.

Например: болг. *ЕС надстройва горяща къща* (Дума 14. Декември 2011, бр. 286); *Другото, което се запомни от решенията на Европейския съвет, е превръщането на Европейския съюз в съюз на ограниченията и наказанията. Т.е. в дългосрочен план това решение може и да изиграе своята роля, но сега е все едно къщата ти да гори, а ти вместо да гасиш пожара, да подписваш договор за надстрояване на още един етаж. Имаме нужда обаче да локализираме пожара като бързо ограничим възможностите на финансовите пазари да диктуват условията* (Дума 14.11.2011, бр. 286).

В начале XXI века метафора *дома / сооружения* распадается на отдельные метафоры учреждения, реализуемые в разных тематически ориентированных текстах медиадискурса (тексты экономической, спортивной, культурной направленности). Это своего рода развитие существующих ранее моделей: *дом пионеров, дом культуры, издательский дом* и др. Таким образом, в

русском медиадискурсе утверждаются терминологические сочетания: *дом футбола, танца, дружбы, прессы, милосердия, фотографии, правительства; гастрономический дом, цифровой дом, дом марочных коньяков* и др., а в болгарском: *културен дом, творчески дом на музиката, търговски дом, дом на киното, дом на архитекта, дом на пенсионера, старчески дом, туристически дом, дом на лекаря, студентски дом, социален дом, синдикален дом, почивен дом, ловен дом* и др.

Например: русск. *В Анапе планируют построить дом милосердия* (Анапа.инфо 11.04.2012); *Сегодня в Доме футбола прошла жеребьевка, которая и определила хозяина поля. Матч пройдет на Центральном стадионе в Екатеринбурге 9 мая, начало - 15:00 мск.* (ИТАР-ТАСС 12.04.2012); *В октябре 2009 года галерея и аукционный дом провели благотворительный аукцион "Художник в детской" в пользу Фонда Дениса Мацуева "Новые имена"* (РИА Новости 12.04.2012); *В Великом Новгороде действует Дом музыки, названный в его честь (в честь Рахманинова – Е.С.)* (РИА Новости 12.04.2012); *Завтра, в четверг, во владимирском Доме прессы пройдет пресс-конференция представителей правоохранительных органов на тему подростковой преступности (Комсомольская правда во Владимире 11.04.12); В столице в тестовом режиме начал работать интернет-портал Дома Москвы* (ТВ Центр 10.04.2012); *Россия вступает в эру цифрового дома* (Intertat.Ru 27.12.2004); *Известный парижский гастрономический дом Retrossian, имевший во времена Советского Союза исключительное право на продажу нашей икры в западных странах, был представлен только продукцией предприятий по искусственному разведению осетровых, главным образом из Китая* (Независимая газета 12.07.2010).

Например: болг. *Изданието ще се проведе на 27 и 28 април, съобщиха организаторите от Младешкия дом в града* (Дневник 23.04.2012); *Двамата бяха гости на районната конференция на социалистите в Културния дом в Красно село* (Дневник 21.04.2012); *"Дойче веле": Германия се превръща в старчески дом на ЕС* (Дневник 02.01.2012); *Подпалиха къщата на*

науката, а избират тапети - чл.-кор. Дамян Дамянов (председател на Съюза на учените в България) (Дума, бр. 13, 17.01.2011) и др.

Слот 1. 'Виды сооружений'

В слоте 'Виды сооружений' популярными представляются следующие наименования: русск. *здание, дом, изба, пирамида, башня, палатка*, а также названия домов животных – *норка, соты*, и болг. *къща, дом, сграда, пантеон, крепост, кула, миша дупка* и др.

Например: русск. *Вашингтон также отказался от романтизма в политике - сократил финансирование проектов по строительству "здания демократии", которое не продвинулось дальше фундамента, так как работавшие по этим проектам американцы часто совершенно не чувствовали, что такое российское общество, а некоторые из программ встречали открыто враждебное отношение (ИноСМИ.Ру 24.05.2004); Люди приветствуют сколачивание **пирамиды** советского типа. Ведь она привычна и органична для России (Независимая газета 31.08.2004); Разумеется, последнее обстоятельство крайне неприятно: получается, что в пробирной **палатке** "цивилизованного мира" есть неполадки (СМИ.ру 20.10.2001); *Евтушенко оставили без **норки** (Московский комсомолец 29.12.2004); Нам надо стремиться вырастить в многоэтажных **сотах** окраин свою среду, свою легенду, свой мир - марьинский-перовский-бутовский (Московский комсомолец 08.04.2012); Как раз Глазьев выполняет заказ одной из **башен** Кремля (Правда.РУ 10.02.2004); Но Конституционный суд – не та **изба**, в которой позволено сорить (Независимая газета 03.12.2009); Депутаты-единороссы не хотят выносить сор из **избы** на радость оппозиции (Независимая газета 21.10.2011).**

Например: болг. *Една неизмазана **сграда** ни дели от Шенген (Дума 03.02.2011, бр. 28); Ние се разделихме с "иконите" на СИВ, Варшавския договор и братските социалистически страни, но стряскащата тишина на самотата и празнотата на пустеещите стени в новия ни **пантеон** ни ужаси (Дума 12.12.2011, бр. 284); При Станишев влязохме в ЕС. Само че да*

членуваши в клуб, в който участва ББ, не е никакво удоволствие. Затова евронизацията си създава **крепост** вътре в ЕС, в която ще се вземат истинските решения (Дума 24.03.2011, бр. 68); **Строим Кулата на свободата - животът ни угасва в нея** (Дума 29.04.2011); **Затова нашенецът не вярва на никого и за нищо на света, а интелигенцията се е скрила в миша дупка, с потайното очакване "да отмени бурята", за да реши накъде да тръгне** (Дума, бр. 109, 14.05.2011).

Слот 2. 'Конструкция здания'

В начале XXI века, когда все еще продолжается период строительства *новой России* и ее государственности, происходит активизация отдельных слотов метафоры дома. Все больше внимания уделяется конструкции здания, его отдельным частям.

На первый план выходит необходимость укрепления *основы, фундамента* здания.

Например: русск. *Особенно характерно это было для стран СНГ, где быстро выяснилось, что состязательная демократия не работает, если общество не имеет привычек к полноценному самоуправлению. То есть начинать надо с фундамента, а не крыши - с создания среднего класса* (www.rian.ru 22.10.2007). Большое значение для крепости здания имеют опоры и подпорки: *Реальное общественное мнение не опора, а лишь подпорка* - Ю.Левада, социолог, руководитель "Левада-Центр" (Московские Новости 18.02.2005); *Своеобразная опора такой «пирамиды» - уже созданный центр общественных процедур «Бизнес против коррупции», который занимается вопросами безопасности бизнеса* (Независимая газета 26.07.2012).

В болгарской метафоре также подчеркивается необходимость крепкой основы здания, ведь сооружение легко рушится, если его *основа, фундамент* (болг. *темел, фундамент, основи*) непрочные.

Например: болг. *Имунната система на българското "политическо" се оказа слаба, а институционалният темел* -

*твърде крехък (Дневник 10.10.2001); Управленският проект на Симеон Сакскобургготски до този момент се коментира най-често в контекста на ефектите, които оказва върху политическата и икономическата система на България. Дали защото "не му е дошло времето", или по принцип липсва чувствителност към темата "трети сектор", от вниманието на анализаторите убягна един много съществен въпрос: ще зададе ли този проект някакви параметри на гражданско общество, или напротив - допълнително ще осуети полагането на **фундамента** му и ще размие рамките, в които то би могло да функционира (Дневник 10.10.2001).*

В русийском медиадискурсе продължава да остава актуална метафора *крыши*, соотносимая с образом защищенности здания от внешнего влияния.

Например: *Бизнес вынужден искать **крышу** у различных петербургских чиновников или "друзей молодости", причем эта **крыша** регулярно повышает свои аппетиты (Независимая газета 27.09.2005); Украинский президент примерно год тому назад инициировал процесс слияния, однако этот вопрос изначально вызывал множество споров и ссор среди десятка партий, объединенных сейчас **под крышей** пропрезидентского блока (Независимая газета 20.02.2008); Правозащитная "**крыша**". При поддержке псевдообщественников антикоррупционная борьба превращается в пародию на саму себя (Независимая газета 22.12.2011).*

На основе указанной метафоры в языке появляется слово *крышевать*, в значении 'выполнять функцию крыши, защищать'.

Например: русск. *В сегодняшней России главная функция президента - **крышевать** чиновничество, захватившее все командные высоты в экономике и, так или иначе, все крупнейшие российские компании (Газета.ru 15.09.2006); ...однако, не мешает милиционерам "**крышевать**" этнические преступные группировки и покрывать нелегальную миграцию (Независимая газета 14.03.2005).*

В болгарском медиадискурсе, наряду с традиционной семьей защиты в восприятии *крыши*, развивается метафора *общей крыши*, в основе которой лежит ассоциация объединения в одном общем доме.

Например: болг. *Който изпитва дискомфорт да защитава идеите на НДСВ, може да намери "покрив" в друга политическа сила*, - коментира говорителят на партията Станимир Илчев (Дневник 30.10.2007); *Близо един милион останаха без покрив* (Дневник 19.12.2010) и *Софийско лятно бизнес училище ще събере студенти, наука и бизнес под един покрив* (Дневник 23.04.2012); *"Айвън ще се радва да притежава всички добивни и търговски активи под един покрив"*, заяви неназован представител на компанията пред "Файненшъл таймс" (Дневник 04.05.2010); *За тези 10 държави членството в Европейския съюз бе желано в продължение на много години. На първо място, членството означава да живеем заедно в мир под общ покрив. Участието в ЕС, което за тях е съвсем отскоро, ще донесе големи икономически предимства - общ пазар от почти 460 милиона души предлага големи шансове* (Дневник 18.12.2005).

В современном медиадискурсе немаловажное значение имеет *фасад* (болг. *фасада*) здания, представляющий наружную, лицевую сторону здания, по которой складывается первое впечатление о нем. Метафорическое осмысление фасада здания в политическом дискурсе идет в двух направлениях: во-первых, необходимость укрепления и отделявания (украшения) фасада как источника первого впечатления, и во-вторых, обманчивость внешнего облика, за которым скрываются пороки современного общества.

Например: русск. *Калининградскую область воспринимают как парадный фасад России в Европе. И если данный фасад скорее напоминает глухой облупившийся забор, это исключительно проблема самой России.* (Независимая газета 08.07.2011); *Как показывает практика реформ, в других сферах российской действительности меняется только фасад, начинка остается*

прежней (Независимая газета 27.06.2011); *Лишь господство на большей части планеты этой цивилизации заставляет властную касту государства российского прибегать к симуляции демократического фасада* (Независимая газета 06.04.2012); *На фасаде, для Запада, оставляют все черты демократии, но внутри этой конструкции появится множество способов избежать демократических норм. Весьма вероятно, что Януковичу это удастся* (Независимая газета 02.06.2010).

Например: болг. *И самите лидери на тези режими като че ли повярваха на ролята си на гаранти на стабилността, зад чиято фасада се трупаша остри социално-икономически проблеми.* (Дума 27.02.2011).

В обоих медиадискурсах формируется метафора *фасадной демократии*, которая воспринимается как маска современной жизни.

Например: русск. *Фасадная демократизация для стран СНГ* (Независимая газета 27.06.2011).

болг. *Митът за силната (здравата) ръка - Периодично появяващ се в публичното пространство мит, чернец силата си от дефицита на справедливост, вялото правораздаване, неравнопоставеност пред законите, както и от това, че жадуваните "демокрация" и "свободен пазар", изродени в ерзац форми - "фасадна демокрация", "псевдопазар", се обърнаха срещу гражданите* (Дума 17.01.2012).

Заметное движение наблюдается в метафоре *окна и двери*. Как известно, в древних славянских домах окон не было. Их функцию выполняли небольшие отверстия в стенах, служившие связью с внешним миром, поэтому современное метафорическое осмысление *окна* (как и *двери*) основывается на их пограничном положении своего и чужого мира и связи этих миров.

Метафора *окна* как возможности открыться внешнему миру утверждается в русском языке в начале XIX века (*прорубить окно в Европу*), когда реформы русского

императора Петра I положили начало взаимодействию России и Запада. Политики XXI века, в свою очередь, стремятся сделать эти контакты стабильнее и шире, поэтому в российском медиадискурсе развивается метафорическое осмысление открытости страны *открытое окно*. Кроме того, в русском языке часто в этой метафоре (вместо *окна*) употребляется *дверь* и даже *ворота*.

Например: русск. *Демократическая партия России придумала лозунг для своей избирательной кампании: "Россию - в Евросоюз". "Петр Первый прорубил **окно** в Европу, а мы откроем **ворота**", - А.Богданов (Время новостей 20.08.2007); В частности, мы должны дать понять честным российским компаниям, что для них открыты **двери** на наши рынки (BSCRussian.com 01.03.2008); Но в таком здании жить пока не очень комфортно и нужно еще провести коммуникации, сделать отделку. Этим и займется Медведев. Надеюсь, что в этом доме **окна** не будут заложены кирпичом и останутся **открытыми** - Барщевский (Росбалт 29.01.2008); – Да, они часто общаются. Митрополит ни перед кем не закрывает **двери**. Он ко всем прислушивается, но его не все слушают (Независимая газета 01.12.2010).*

В болгарском медиадискурсе в метафоре *окна* сема связи с внешним миром также умышленно дополняется семьей открытости и находит выражение в метафоре *открытого окна*.

Например: болг. *И на трето, но не последно място по значение, широкоят ботевски поглед на всестранно развита личност, на книжовник, революционер и общественик "Дума" става **широк прозорец** към тогавашна Европа (Дума 09.06.2011); Столицата ни е **отворен прозорец** към ЕС и света, а Перник е само на 24 км от него (Дума 08.01.2012); Всеки език е един **отворен прозорец** към света. Но защо затваряме нашия **прозорец** дори за себе си? Защо не знаем добре родния си език, не го пазим, не го тачим като нещо свято? (Дума 28.09.2010); Дари ни с щедрата си човешка обич и разбирање, с творческата необходимост "**да отворим прозорец**" към нови пространства, да осмисляме по дълбок, но и красив начин живота" (Дума 03.02.2011).*

На основе традиционных представлений об *окне* как связи с внешним миром и обозримости внутренней территории, в российских массмедиа формируется новое метафорическое значение: *окно – возможность*.

Например: русск. *Представил свою программу основной кандидат в президенты, представил программу действующий президент. Это масштабные и долгосрочные планы. Однако, как известно, именно в первые месяцы после выборов открывается **окно политических возможностей** для проведения важных преобразований – Э.Набиуллина, глава Минэкономразвития (Время новостей 27.02.2008); *Формулировка осторожная, но оставляющая **окно** для преодоления внутривосточного кризиса* (Вести.Ru 27.07.2007).*

Указанное значение фиксируется и в болгарском языке.

Например: болг. *Към България има естествен и непрекъснато нарастващ интерес от страна на чуждестранни инвеститори. Те добре осъзнават, че страната е **отворен прозорец към нови възможности**, че е в период на интензивно развитие* (Дневник 28.07.2005); *Във връзка със започващата среща на върха на ОССЕ за всички влизаци в тази организация държави се открива нелош "**прозорец на възможности**"* (Дума 30.11.2010).

Причем в указанном значении метафора *окна* в болгарском медиатексте переключается с метафорой *коридора* как соединительной артерии.

Например: болг. *Друга цел на шефа на УЕФА е да премахне и зимния трансферен **прозорец*** (Политика 06.02.2009); *Докато трансферният **прозорец** в Русия отвори, хора от Ростов ще наблюдават изкъсо изявите на бързака от село Ключ* (Дума 30.09.2011); *Докладчикът по темата в ЕП оспори плановете на България за какво да бъдат предназначени останалите 120 млн. евро от компенсациите, които ще бъдат отпуснати за т.нар. "**неядрен прозорец**"* (Дневник 03.03.2010).

Ср. Южен газ *коридор*, по който синьото гориво ще стига от богатите на залежи страни до ЕС, където търсенето е голямо

(Дневник 26.04.2012); ...към 15 октомври тази година трябва да се отпуши "един затпен от десетки години европейски коридор" за леки автомобили, визирайки регионалния преход "Маказа" (Дневник 29.07.2011).

В българском медиадискурсе метафорическое осмысление окна как возможности трансформируется в метафору *дверь* (болг. *врата*) – *возможность*.

Например: болг. *Този сертификат ще отвори врата при кандидатстване по европейски проекти и програми* (Политика 08.10.2007); *Смятам, че вратата не трябва да се затваря и на България първо трябва да бъде даден шанс да развие алтернативни енергийни източници и тогава да затваря блоковете, но да видим дали при гласуването тази клауза ще бъде одобрена*", коментира Ламбсдорф един от основните акценти в доклада на Ван Орден (netinfo.bg 15.12.2005).

Не менее актуальной в русском языке оказывается значимость метафоры *единого окна*, которая переключается с идеей *общего дома*.

Например: русск. *Считаю весьма своевременной идеей создание Агентства по привлечению инвестиций. Такой орган-интегратор сможет с учетом инвестиционной стратегии в регионах разработать комплексный план инвестиционного развития России и сформировать на этой основе полноценную систему общероссийского единого окна*, - президент Башкирии Муртаза Рахимов (СМИ.ru 12.10.2007); *Потом, в Минске, мы говорили с Владимиром Владимировичем о решении вопроса открытия "единых окон", через которые будет идти качественный, количественный, ценовой, весь контроль экспорта из Молдовы и импорта в Россию нашей винодельческой продукции* (www.rian.ru 22.05.2007); ... *Евросоюзу стало легче - реализован "принцип одного окна": один продавец - один покупатель* (НТВ.ru 14.05.2007).

На международной арене, ради блага общего европейского дома, Россия и европейские страны пытаются вести политику *открытых дверей, единого окна, заложить основы диалога, сформулировать платформу, сделать*

проходы в шенгенской стене и др. Но все еще оставшееся недоверие (*стена*) Запада к России проявляется в недопущении ее в общий дом: Россия продолжает оставаться на *пороге европейского дома* или *перед закрытой дверью*. *Кремлевская стена* все еще отделяет Россию от остального мира, несмотря на *открытые двери и окна*.

Например: русск. *Однако эти выгоды могут и таить опасность для США в том, что Россия, скрывшись за каменной стеной успешной экономики, останется в стороне от других западных ценностей.* (ИноСМИ.Ru 24.05.2004); *Европа возводит стены от нелегальных иммигрантов* (Независимая газета 21.12.2012); *В Европе с нами торгуют, у нас покупают энергоресурсы, но дальше порога "европейского дома" не пускают* (Независимая газета 14.11.2005); *Поэтому российские атомщики заинтересованы в том, чтобы болгарская дверь в ЕС не захлопнулась* (Независимая газета 07.04.2011); *"Росатом" застрял перед болгарской дверью* (Независимая газета 07.04.2011).

Закрытыми остаются внутренние структуры России (*политическая система на замке*), что является несомненным тормозом развития страны.

Например: русск. *В этой ситуации – когда граница политической системы «на замке» – оказалось неизбежным разрастание внесистемной части политического спектра* (Независимая газета 10.07.2012).

Несмотря на то, что Болгария является членом ЕС, ее положение отличается от статуса других европейских стран, поэтому в болгарском медиадискурсе фиксируется метафора *закрытой двери* и *стука в дверь* как предварительного действия перед входом куда-либо. Проблемы в стране воздвигают прочную и высокую *стену* социального неравенства.

Например: болг. *Силно показателно е, че такава малка страна чука на врата на еврозоната по време на най-тежката*

финансова, икономическа и социална криза (Политика 16.06.2010); *А за нас **вратата** на засега отворения европейски дом все още седи затворена* (Дума - 15.05.2011); *За по-зрелите избиратели толерантността прави примиряването с току-що завършилото разширение на ЕС по-поносимо и смислаемо. Освен това оставя **отворена вратата** за бъдещи членове, без обаче да им обещава нищо* (Дневник 21.01.2007); *Светът е разделен на бедни и богати. Кой и кога ще разруши тази **стена**?* (Дума 08.07.2010, бр. 154).

Сказанное выше является причиной широкого распространения в болгарском медиатексте метафоры *ключа и замка* (болг. *ключалка*). Замок и ключи к нему считаются жизненно важными принадлежностями любого дома. Поиск *ключа* необходим как выход из положения и возможность осуществления того или иного действия (ср. русск. *ключ к успеху, ключ к решению проблем*).

Например: болг. *Президентът на Световната банка коментира, че заемите от управляваната от него институция не са просто кредити, а "начин да се напасне **ключ** към една **ключалка на врата**"* (Политика 10.08.2010); *Кризата ни научи на пластичност, дори на шпагат, защото клиентите от своя страна се научиха да я използват като **ключ**, с който да манипулират агенциите* (Дневник 01.09.2011).

На основе семантики лексемы *ключ* как решения проблемы в болгарском медиадискурсе появляется метафора *договор до ключ* (букв. *договор под ключ*) как окончательный и полный варианта договора (ср. русск. *ремонт под ключ, строительство или объект под ключ*).

Например: болг. *Можем да имаме т.нар. **договор до ключ** (ЕРС договор – engineering, procurement, construction) или компанията може да сметне, че сама ще си изгради съоръжението най-добре и да си купи отделно панели, стойки, кабели, инвертори и т.н.* (Дневник 02.05.2011); ***Договорът до ключ** се сключва, когато инвеститорът може да си позволи тази цена и банката прецени, че ЕРС компанията е достатъчно компетентна и*

оценява като поносими административния и финансовия риск (Дневник 02.05.2011).

Пограничную символику дома (свое-чужое), наряду с *окном* и *дверью*, *воротами* (болг. *прозорец*, *врата*), несет в себе и *порог* (болг. *праг*). Устойчивая метафора в русском и болгарском языках отражает временной (*на пороге чего* – ср. болг. *на прага*), пространственный предел (*за порогом*) или пространственно-временную локализацию (*у порога*, *с порога* – ср. болг. *(стои, чака) на прага*; *пред прага на смъртта*, *пред прага на живота*, *прекращавам прага*).

Реализация современной метафоры *порога* в медиадискурсе осуществляется, главным образом, в пространственно-временном аспекте.

Например: русск. *Если так, то это может означать, что власть поворачивается лицом к весьма недовольному ей обществу и что мы на пороге весьма значимых новаций* (Независимая газета 27.06.2012); *Как выяснили западные исследователи, наши граждане на пороге кризиса ведут себя не так, как европейцы или азиаты. Те складывают деньги в «кубышку», чтобы оставить заначку на «черный день»* (Комсомольская правда 02.07.2012); *При этом Зюганов дал оценку экономическим воззрениям основного противника. «Я внимательно прочитал третью статью Путина о новой экономике, но ничего нового там не увидел», – иронизировал он. И добавил, что «это старая либеральная каша, которая поставила мир на грань финансово-экономического кризиса, его новой волны, которая уже подошла к порогу России»* (Независимая газета 01.02.2012); *Единороссы с порога все эти идеи отвергли – как бы по объективным основаниям* (Независимая газета 01.06.2012).

болг. *Според информационните агенции Египет е на прага на гражданска война* (Дума 03.02.2011); *Ние сме на прага на когнитивна революция* (Дума 08.12.2010); *Защо майките и бащите ни, близките ни се завръщат вечер вкъщи - съкрушени, останали без работа и препитание, изправени пред прага на неизвестността?* (Дума 16.12.2011). ОИСП: *Европа е на прага*

*на нова рецесия. Европейските икономики се намират **пред прага** на нова рецесия заради дълговата криза в еврозоната, разкламала доверието в единната валута и европроекта (Дневник <http://www.dnevnik.bg>)*

Кроме того, акцентируется внимание на семе предельности, максимальной или минимальной границе объекта. Указанная пороговая маркированность характерна как для русской, так и для болгарской метафор.

*Например: русск. Стоимость бензина Аи-95 на заправках под брендом ТНК в Москве достигла 30 рублей за литр - цены, которая считается психологическим **порогом** для потребителей (Интерфакс 03.07.2012); Мэр Москвы Сергей Собянин предлагает установить законодательную возможность кандидату в столичные градоначальники идти самовыдвижением на выборы, а также снизить процентный **порог** «муниципального фильтра» (Независимая газета 01.06.2012); Снижение **порога** для регистрации партий может привести во власть националистов (Независимая газета 24.01.2012); Два месяца, прошедшие с момента инаугурации, - срок небольшой, но в масштабах ускоряющегося политического кризиса достаточный, чтобы пройти еще один **пороговый** рубеж (Ведомости 03.07.2012); У нас 10,3% не смогли набрать **пороговый** балл и 24,71% сдали математику от **порогового** балла до 49 баллов (ADVIS.ru 04.07.2012).*

*Например: болг. Туристическият брани отказа да вдигне осигурителния **праг** (Дума 04.10.2011); 41% от децата в 9 класа под критичния нисък **праг** на знания (Дума 07.12.2010). Годината 1989 вече е само **праг** на разделение между надеждата преди и мизерията, в която живеем (Дума 13.11.2011).*

Однако в болгарском языке фиксируется не только метафорическое значение - *порог* как предел, но и подчеркивается пространственная локализация объекта *под* или *над* этим пределом.

*Например: болг. Близо 25% от българите живеят **под** въпросния **праг**, като немотията сред безработните продължава да*

*нараства главоломно (Дума 10.09.2010); За втори пореден месец инфлацията остава **над прага** от 2 процента, който Европейската централна банка (ЕЦБ) определя като средно равнище, а това ще усложни задачата на банката при определянето на паричната ѝ политика на фона на влошаващата се икономическа конюнктура (Дума 14.10.2011).*

В славянской традиции неотъемлемой частью дома всегда воспринимается *двор*, оформляющий единое целое с жилищем человека. Отсюда и совпадение семантической наполненности лексем *дом* и *двор*, как обозначения семьи, близкого окружения. Эмоциональная насыщенность *двора* обусловлена тем, что по сути, двор замыкает свое пространство. В этимологии *двора* прослеживается связь с дверью, воротами (др.-инд. *dvaram* ‘ворота’, др.-перс. *duvaraya-maiy* ‘у моих ворот’ [ЭСФ]). С пространственной границей тесно связана и временная. В современной русской метафоре обыгрывается именно временное значение *на дворе* ‘сегодня, сейчас’, а в болгарской – отношения своего и государственного.

Например: русск. *Вот такие нынче в России **на дворе** протесты* (Независимая газета 12.12.2011); *Время **на дворе** предвыборное, в центре внимания – политические лидеры* (Независимая газета 02.03.2012); *Но поскольку **на дворе** выборы, все пытаются строить некие инсинуации* (Независимая газета 13.10.2011); *Желающих познакомиться с темой подробнее автор отсылает к недавней истории блока "Родина": "Всех этих глазевых-рогозиных Владимир Владимирович лично вывел в новейший **политический дворик** - погулять у собственной ноги; один сорвался раньше времени (WPS - Мониторинг СМИ 24.03.2004); Тайны кремлевского **двора*** (Независимая газета 04.10.2011).

Например: болг. Слави Бинев: *Борисов ползва общината като **бащин двор*** (Атака 16.05.2007); *И си представете само как с цялата си сборна свита от Капки, гаджета и Деници гаджеви, навелишоповци и прочие, щеше да слага тоя общодържавен ред в **общодържавния двор!*** (Дума 25.01.2012, бр. 20); *Винаги съм се интересувал **от своя двор**, а не от двора на съседа. Това е моя*

максима за толкова много години. – Ст. Данаилов (Дума 17.09.2011, бр. 213).

Актуальной и распространенной в российском и болгарском медиадискурсах является метафора *заднего двора* (русск. *задний двор, задворки*; болг. *заден двор*). В силу того, что задняя часть двора / дома невидима для человеческих глаз, она воспринимается как второй план, нечто несущественное, второстепенное, на которое не стоит обращать много внимания. Болгарская метафора актуализирует именно эту ассоциативную связь. Такими нерешенными, отошедшими на второй план вопросами предстают в болгарском обществе проблемы сферы культуры (кино, литература) и сельского хозяйства.

Например: болг. *Вижте, културата вече е задният двор на държавата* (Дума 03.07.2011); *Ако думите му не са предизборен ход, би трябвало от тях да се разбира, че модернизацията на въоръжените ни сили е в задния двор на политиката на ГЕРБ* (Дума 16.09.2011, бр. 212) *Селското стопанство отиде в задния двор на икономиката* (Дума 24.10.2010); *А киното отново е в задния двор* (Дума 11.10.2010).

Наряду с ассоциацией невидимости, в болгарской медийной метафоре реализуется и ассоциация удаленности *заднего двора*. В связи с этим решение проблем откладывается на неопределенное время.

Например: болг. *Поради това България географски е задният двор на Европа, а в социално отношение е НЛО* (Дума 15.11.2011, бр. 261); *Държава в разруха, без индустрия и със съсипано селско стопанство, държава, която унижава интелектуалния си потенциал, държава, превърната в задния двор на Европа!* (Дума 11.08.2011, бр. 183); *Но ако ние искаме да не бъдем заден двор на света, нека държавата да помисли, че най-сериозната инвестиция са младите хора и образованието. И да не гледа как да си сече сама клона, на който седи. А просто да огледа нещата* – О.Галенова (Дума 21.05.2011, бр.115).

Пространственная удаленность становится основой ассоциативной связи формирования и функционирования русской метафоры *задворок*.

Например: русск. *Войсковая ПВО вновь оказалась где-то на задворках* (Независимая газета 18.11.2011); *Мне также хорошо известно, что, живя на задворках общества, некоторые цыгане прибегают к преступной деятельности* (Независимая газета 30.09.2010); *С одной стороны, Свиридов уверен, что Россия в плане развития альтернативной энергетики «не на задворках», но при этом признает, что с учетом субсидий в традиционную энергетику ВИЭ «остаются неконкурентоспособными»* (Независимая газета 31.05.2010); *Также губернатору удалось ликвидировать реальную оппозицию, а тех, кто мог бы ему составить конкуренцию, Чуб задвинул на задворки политической сцены* (Независимая газета 24.05.2010); *В то время как страна оказалась на задворках современной цивилизации, посетовал председатель "Яблока", "вместо укрепления государственности происходит ее разложение", чему способствует ликвидация разделения властей и назначение губернаторов* (Независимая газета 16.12.2004).

Метафора *заднего двора* в российском медиатексте акцентирует внимание на нелегальном, непрямом, нечистом входе в здание российского общества. Ср. болг. *влизам / вляза през задната врата*.

Например: русск. *Подход к власти с заднего двора* (Независимая газета 21.06.2011).

Метафора *заднего двора* неустроенностью и нерешенными проблемами перекликается в болгарском медиатексте с метафорой *разграден двор*, которая по декодированию образа является еще более прозрачной и явно делает акцент на разрушенность и неналаженность быта страны.

Например: болг. *В разграждения двор на нашите политически нрави се появиха хора с непомерна амбиция за ръководни роли в*

области, за които нямат нито професионални, нито морални качества (Дума 30.10.2011); *И все пак някъде там, в ъгъла на разграденния двор на България, понякога скромно проблесва нейното героично минало и достойно съвремие* (Дума 30.04.2011, бр. 98).

Особенности градостроительства в России обуславливают оформление различного типа дворов: замыкающих пространство (*петербургские колодцы*) или проходных дворов (имеющих сквозной проход). Это приводит к возникновению метафоры *проходного двора*, активно функционирующей в современном медиатексте. Подобная метафора отсутствует в болгарском языке.

Например: русск. *Россия не должна быть "проходным двором"* (Независимая газета 15.10.2004); *"Ядерный погреб" России стал проходным двором* (Независимая газета 20.10.2003); *Хотя эксперт не отрицает и некоторых проблем – тех самых, с которыми столкнулись страны Шенгенской зоны, когда то или иное государство оказывается «проходным двором» для внешних мигрантов* (Независимая газета 05.10.2011); *Союзное небо – проходной двор* (Независимая газета 02.08.2012).

В русском языке фиксируется метафорическое осмысление таких факультативных элементов дома, как *навес и лаз* (*денежный навес; лазейки в законодательстве / в законе; законодательные / юридические лазейки; лазейки для коррупции*). Метафора *лазейки* в российском медиадискурсе перекликается с традиционной метафорой *дверцы* (болг. *вратичка*) болгарском языке. Ср. русск. *лазейки в законе; лазейки для коррупции* и болг. *вратичка в закона; законова вратичка; търся, намирам вратичка; вратичка за корупция*. В обоих случаях акцентируется внимание на неофициальном, обходном пути или действии, на нелегальной возможности. Причем *лазейка* в русском языке обозначает ‘небольшое отверстие, узкий проход или дырку в заборе’, а болг. *вратичка* – небольшую дверцу.

Например: русск. *На первый взгляд все, что делали Гайдар, Чубайс, чрезвычайно похоже на действия немецкого реформатора: ликвидация денежного навеса, свободное ценообразование, валютная реформа...* (Независимая газета 28.05.2003); *Законодательные лазейки для игорного бизнеса скоро закроют* (Независимая газета 15.03.2011); *И наконец, последняя тщательно охраняемая лазейка: открытые нормы. Норма закона может быть конкретной, однозначно трактуемой и применяемой в режиме прямого действия* (Независимая газета 27.03.2012); *Основная идея реформы заключается в том, чтобы исправить «конструктивные недостатки» европейских договоров, замуровать все лазейки, позволяющие странам ЕС попирать его правила и нормы в отношении допустимого бюджетного дефицита и общего объема госдолга* (Независимая газета 27.03.2012).

Слот 3. 'Внутренняя структура здания'

Большое внимание в медиадискурсе уделяется усилению вертикали власти, что воплощается в метафорических образах внутренней организации здания. В русском языке частотны метафоры: *коридоры власти, коридоры движения, силовые блоки, ступени политической лестницы, социальная лестница, ступени карьеры, политический лифт, карьерный этаж, этажи общества, инвестиционная площадка* и др.

В болгарском языке метафоризации подвергаются следующие элементы внутренней структуры здания: *коридор, этаж, стълба, ъгъл, таван* (ср. *социална стълба, стълбицата на властта, стълба на политиката, карьерна стълба, икономическата стълба, коридори на властта, високи етажи на властта, високите етажи в партийната и държавната йерархия, икономически этаж, етажи на властта, таван на спонсорството, в преддверието на ЕС, мухлясал ъгъл на съвременния свят*).

В последнее время в данном слоте активизируются термины *этаж*, *нижний этаж*, *верхний этаж*. В российском медиадискурсе появляется метафора *двухэтажного строения* России, в котором противопоставляются верхний и нижний этажи. Таким образом, с помощью указанной метафоры, подчеркивается разделение народа и власти, расслоение народа в России. Многоэтажная метафора является явным отголоском тоталитарной *вертикальной* метафоры.

Например: русск. *Наша страна живет на два этажа: в верхнем решают, в нижнем только узнают о решениях. Верхнему этажу можно все, а нижнему запрещено даже возмущаться, а то зачислят в ненавистники России* (Московский комсомолец 09.04.2012); *Если ты будешь надувать, то и тебя обманут. Так и существуем: один этаж обманывает другой и наоборот* (Московский комсомолец 09.04.2012); *На этом примере видно, как неформальные институты и правила поддерживают друг друга, заражая все ветви власти и этажи общества.* (Независимая газета 16.04.2012); *Для откатов и взяток в медицине создана система, при которой деньги получают на нижних этажах, а затем передают выше не по связанному напрямую с продажами каналом. В такой многоэтажной системе все доверяют друг другу и друг друга обычно не сдают* (Независимая газета 01.11.2011).

Наряду с метафорическим образом *верхних этажей* государственной власти и партийной системы, в болгарском медиадискурсе наблюдается употребление метафоры *надстраивания этажа* в качестве ухода от решения проблем на нижних этажах дома.

Например: болг. *Новият раздел ще се отнася само за хората по високите етажи на властта* (Дума 25.02. 2005); *Жълтурчина е обхванала цялата държава. По всички етажи, във всички посоки* (Черноморски фар, Бургас 08.06.2012); *Трябва да се ремонтира цялата съдебна система и да няма корупция по високите етажи* (24 часа 08.06.2012); *Но вътре във властта - и то на високите етажи в партийната и държавната*

йерархия, както свидетелстват спомени на тогавашни ръководители (напр. Л. Левчев в "Панихида за мъртвото време"), се предприемат стъпки за промяна поне в отделни елементи на модела, а след това и на същността на държавата, обществото и системата (Дума 09.11.2011, бр. 256); Какво правеше президентът Плевнелиев в Бургас? Казват, че се явявал нещо като преводач там, понеже само той знаел английски и превеждал на другите си колеги от **висшия етаж на властта** (Дума 24.06.2012, бр. 170); Другото, което се запомни от решенията на Европейския съвет, е превръщането на Европейския съюз в съюз на ограниченията и наказанията. Т.е. в дългосрочен план това решение може и да изиграе своята роля, но сега е все едно **къщата** ти да гори, а ти вместо да гасиш пожара, да подписваш договор за **надстройкаване на още един етаж** (Дума 14.11.2011, бр. 286); Никъде в решението на парламента или в друг нормативен акт няма определение за "**висок**" етаж, нито за "**средните**", "**ниските**" или "**първите**" **етажи на властта**" (Дневник 04.10.2012).

Для **росийского** и **болгарского** **медиадискурса** характерна метафора **коридора** как **связующего звена** и **пространства движения**: **миграционный** (**миграционен**), **правительственный** (**правителствен**), **общеевропейский** (**общеевропейски**), **транспортный** (**трансевропейски**), **сухопутный** (**сухопътен**), **транспортный** (**транспортен**), **зеленый** (**зелен**), **гуманитарный** (**хуманитарен**), **валютный** (**валутен**), **воздушный** (**въздушен**), **европейский** (**европейски**), **морской** (**морски**), **транзитный** (**транзитен**), **термоядерный** (**термоядрен**), **новый** (**нов**), **экспортный** (**експортен**), **свободный** (**свободен**), **экологический** (**екологичен**), **цивилизационный** (**цивилизационен**), **путевой**, **пассажирский** (**пътен**), **газовый** (**газов**, **газопреносен**), **энергетический** (**енергиен**), **балканский** (**балкански**), **зимний** (**зимен**), **экспортный** (**коридор за износ**), **железнодорожный** (**жп коридор**), **стартовый** (**стартов**), **двойной** (**двоен**) и др. **коридоры** (**коридори**).

В болгарском языке *коридор* как спортивный термин употребляется в значении 'спортивной дорожки' (болг. *първи коридор, втори коридор*). Специфика метафорического осмысления *коридора* в болгарском языке представлена сочетанием: *линия-коридор*, а в русском языке – *ценовой коридор*, в котором реализуется сема ограничения, предельности.

Например: болг. *Основното действие и до днес се развива по пешеходната линия-коридор, свързващ станция на метрото с Централна гара в белгийската столица* (Дума 21.12. 2011, бр. 292)

русс. *При этом он отказался комментировать величину ценового коридора и возможный объем интервенций* (Независимая газета 21.09.2007).

Особенности употребления метафоры *коридора* в русском языке связаны с регламентацией пространства не только в ширину, но и в высоту.

Например: русск. *Участники торгов также обратили внимание на новости из Китая, где власти решили расширить коридор колебаний курса национальной валюты с 0,5% до 1% относительно курса, установленного...* (РИА Новости); *Пока "Матч" футболоят по высоким коридорам - точной даты принятия решения никто назвать не может* (Вести.Ru 13.04.2012).

Метафору *коридоры власти* вполне можно считать интернациональной. В российском и болгарском медиадискурсах она утверждается в период перестройки. При всей специфике функционирования лексемы *коридор* в болгарском языке, *коридоры власти* активно используются в медиатекстах как обозначение внутренних закономерностей и внутренней жизни правительства; ступеней иерархии власти. Образ *коридора* появляется в болгарском документальном кино («Коридор №8», 2008 г.)

как связь между балканскими народами в условиях объединенной Европы, как «путь без пути».

В современной ЛКС Болгарии метафора *коридоры власти* получает расширение и уточнение, становясь обозначением движения денег в структурах власти.

Например: Ср. русск. *В коридорах власти самого разного уровня с недавних пор снуют чрезвычайно юные и активные карьеристы* (Независимая газета 9.08.2005).

Ср. болг. *Авторът въвежда читателя в коридорите на властта на парите, във тайните вътрешни стаи на научните лаборатории, зад здраво залостените врати на залите, в които заседават бордовете на директорите на големите корпорации* (Дума, бр. 104, 09.05.2011).

Нередкими в российском медиадискурсе являются метафоры, указывающие на отсутствие *коридора* как артерии связи.

Например: русск. *Калининград без коридора* (Инопресса 29.05.2002).

Слот 4. 'Внутренние помещения'

Из помещений в структуре дома, выделяемых по функциональному принципу, в формировании метафоры в русском языке участвуют *кухня, спальня, гостиная и кабинет*. А в болгарском – *кабинет, кухня и килер* (русск. *кладовка*).

С *кухней* в русской и болгарской культурах традиционно связывается скрытая от чужих глаз содержательная сторона дома, хорошо известная только его обитателям. В традиционном русском жилище – *избе*, функцию помещения, где происходит приготовление пищи, выполняет отделенный от остального пространства дома так называемый печной *бабий кут* (угол). В богатых усадьбах

XVIII – XIX вв. *кухня* вообще находится вне жилого дома в отдельной постройке.

Однако не всегда в русской лингвокультуре кухонное помещение оказывается удаленным и скрытым. Например, в эпоху реформирования Петра I, *кухня* причисляется к парадным помещениям и становится центром общения семьи. Подобную функцию выполняет *кухня* и в советский период развития России: в коммунальных квартирах (коммуналках) в сталинскую эпоху она является местом коммуникативных столкновений и совместного времяпрепровождения, а в хрущевках (в так называемых малогабаритных отдельных квартирах в однотипных домах эпохи Н.С.Хрущева и Л.И.Брежнева) *кухня* превращается в «гостиную» советской интеллигенции как место сбора и обмена информацией, место духовного общения. Подобная вынужденная, обусловленная эпохой, функциональная роль кухни не оказывает существенного влияния на процесс метафоризации.

В рамках современной ЛКС осмысливается сема 'скрытности, удаленности помещения от посторонних глаз'.

Например: русск. *Валентина Ивановна на многие вопросы отвечала весьма уклончиво и обтекаемо. Хотя кому как не ей должна быть хорошо знакома вся губернаторская кухня* (Комсомольская правда в Санкт-Петербурге 13.04.2012); *На лекции Анастасия расскажет о внутренней кухне event-менеджмента, о том, как совместить в одном мероприятии практическую пользу и развлечение и добиться наибольшего эффекта от события* (Московские новости 22.06.2012); *Огромная общая фотография на фасаде театра очень точно передаёт суть отношений за кулисами, на творческой кухне "Современника": сразу видно - одна большая семья, и понятно, кто здесь хозяйка* (Первый канал 21.06.2012); *- Китайцы возлагают на меня большие надежды, - рассказал о внутренней кухне команды Станислав. - Буду бороться в России за попадание в первую пятерку* (Российская газета - Волга-Кама 22.06.2012).

В болгарском языке метафорическое осмысление *кухни* приводит к формированию семы 'скрытая, закулисная сторона какой-либо деятельности, махинации, интриги, неблагоприятные дела' [см. Аврамова 2007: 164].

Например: болг. *Тя* (Кунева – Е.С.) *отказа да коментира въпроса с думите: "Не мога да ви кажа какво е станало в **кухнята** на преговорите, тя затова е **кухня**"* (Дневник 22.07.2009); *"Ако утре кажа, че оттеглям подкрепата си за ГЕРБ, това ще бъде много интересно и пикантно, но политиката не е **кухня**, за да търсим пикантерията, а е сериозна и отговорна държавническа работа"* - каза Сидеров (Дневник 26.02.2011).

Еще большее проявление семы завуалированности, скрытности и потайности наблюдается в болгарском медиадискурсе при осмыслении такого помещения, как *килер* (русс. *кладовка*).

Например: болг. *В момента по всичко личи, че българските избиратели не се колебаят в европейския си избор ... Тук обаче съгласие по целите няма просто защото досега дремещите конфликти бяха решавани на парче или просто държани в политическия **килер**, вместо да се мислят и разглеждат в дългосрочна перспектива* (Дневник 06.07.2005); *Бедни аутсайдери в **килера** на Европа* (Дума 28.08.2010, бр. 198); *"Това, че някой е шушукал в някой **килер** с някого, не е политическо решение"* - отбеляза Цеков (Дневник 17.12.2002).

К семантике скрытости в метафорическом осмыслении слова *килер* в современных медиатекстах добавляется и сема нечистоты как проявление залежалости давно неиспользуемых, ненужных вещей.

Например: болг. *Иначе, ако продължим да играем по дудука на Вежди, нищо чудно някой ден да се озовем в **мръсния килер** на Европа с красивите лакардии за онова, което е било и какви сме били* (Дума 28.08.2010, бр. 198); *Така, второ, България ще може да позакрепи хронично боледуващите си отношения със съседна Македония, като ги премести от **нехигиеничния килер** на*

историческите спорове в далеч по-здравословната атмосфера на европейското сътрудничество (Дневник 27.06.2007).

Функциональное предназначение *спальни, гостиной, кладовки и кабинета* как основы метафорического переноса реализуется в следующих русских метафорах: *спальный район, спальный квартал, спальня под открытым небом, кабинет министров, театральная гостиная, творческая гостиная, кладовка истории, сырьевая кладовка* и др.

Например: русск. **Кабинет министров**: *опять 25 (АиФ 14.05.2008); "Творческая гостиная" для детей откроется в Н.Новгороде 15 ноября (МК 11.11.2011) Резкое увеличение выручки от реализации природных ресурсов за рубежом в последнее время делает надежду на развитие экспорта наукоемких технологий все более призрачной, а перспективу навсегда остаться "большой сырьевой кладовкой" все более реальной, так как "неожиданный" доход не слишком стимулирует правительство к развитию реального конкурентоспособного сектора экономики (Независимая газета 25.08.2000).*

В болгарском языке сходное с русским метафорическое значение характерно для *кабинета*.

Например: *Но най-добре беше и той да мълчи. Или поне в никакъв случай да не казва: "Предишното правителство също не даваше мотиви за промените в кабинета"* (Труд 21.04.2012).

Слот 5. 'Мебель и предметы домашнего обихода'

В слоте 'Мебель и предметы домашнего обихода' источником метафорической экспансии являются названия мебели: русск. *кресло, стол, шкаф* (ср. *за столом переговоров, круглый стол, президентское кресло (губернаторское, премьерское, прокурорское, министерское* и др. *государственное кресло), насиженное кресло, скелеты в шкафу*); болг. *кресло, гардероб, маса, долап* (ср. *министерски кресла, кръгла маса, скелет в гардероба, като*

мишка в долап и др.). Большинство указанных метафор находятся в списке стертых (устойчивых) метафор.

Например: русск. *Неожиданно появившиеся по итогам переписи миллионы горожан, до того времени скромно стоявшие "скелетами в шкафу" московской системы городской экономики и власти, безгласно вопрошают: "Юрьмихалыч! Мы для вас существуем, или как? Или где?"* (Правда.РУ 16.04.2003); *Может, теперь, когда региональных начальников ждет большая ротация и многие уступят **насиженные кресла** кремлевским назначенцам, губернаторы наконец-то начнут "работать по специальности"?* (Независимая газета 18.10.2004); *Ограничения коснулись и самих кандидатов – в отличие от прошлых выборов теперь претенденты на **президентское кресло** не могут использовать в агитации фотографии или съемки, где они в компании с чиновниками других государств* (Независимая газета 27.07.2011); *Мы не гоняемся за **премьерским креслом**, мы преследуем важные для нас вещи и интересы наших избирателей",* - заключил Ару (ИА REGNUM 01.04.2005); *Все должно решаться за **столом** переговоров* (Независимая газета 25.07.2012); *Участники **круглого стола**, прошедшего 19 июля, – члены РСПП, представители федеральных министерств и ведомств, деловых ассоциаций и экспертного сообщества – вынесли проект резолюции, направленной как в правительство, так и всем заинтересованным сторонам* (Независимая газета 23.07.2012).

Например: болг. *Разпределението на **министерските кресла** между БСП и ДПС е 13:5* (Сега, 24.07.2005); *В края на миналата седмица новият закон бе разгледан на **кръгла маса** в парламента* (Дневник 28.02.2012); *Първият **скелет** в гардероба* (Дневник 08.07.2009); *Тогава президентът, след като загуби от премиера, би могъл най-малкото да консолидира около себе си деснолибералните сили, тоест да създаде реална, а не виртуална партия. И да не изчезне от политиката, оставайки в историята само като онзи, който е **затоплял креслото на своя патрон*** (Политика 16.09.2011).

Современная метафора в российском медиадискурсе актуализирует устаревшее значение слова *стол*, вызывая к культурной коннотации и устанавливая ассоциативную

связь: *стол - престол*. В культовой культуре слово имеет связь с божеством и является предметом особого почитания. А на Руси IX-XIII вв. *столом* называли княжеский престол, высшую, данную Богом власть. В древнерусской культуре существовал "очередной" или "лествичный" порядок наследования власти, т.к. князья продвигались по лестнице от стола к столу по старшинству. Город, в котором находится княжеский стол, соответственно, называется *стольным*. Вплоть до 1917 года *столом* в России именуется структурная часть государственных учреждений, а затем учреждение, занимающееся определенным родом канцелярских дел (например, позднее *адресный стол, стол справки* и др.).

Например: русск. *Если же претендент на "княжеский стол" угоден Центру, ему помогут закрепить за собой место едва ли не в пожизненное владение путем устранения соперников* (WPS - Мониторинг СМИ 26.12.2001).

Интересной, на наш взгляд, является метафора *стола*, фиксируемая в последнее время в российском медиадискурсе. Очевидно, ее активизация обусловлена процветанием бюрократизма в стране. Само слово *бюрократия* в переводе с французского языка означает *власть стола* (от франц. *biro* – *стол*), поэтому вполне оправданным можно считать выражения чиновников: *это не по твоему столу*, то есть находится 'вне сферы твоей компетенции', *убрать в стол* 'отложить решение какой-либо задачи', *быть/находиться на столе* 'требуется неотлагательного решения'.

Например: русск. *В таком случае, по его словам, не только Израилю, но и Соединенным Штатам и НАТО «станет ясно, что все варианты на столе»* (Независимая газета 14.08.2012); *Могу абсолютно профессионально сказать – все, что там было написано, предположим, по пенсионной реформе, просто положено в стол. И работа начинается заново* - глава

Института современного развития Игорь Юргенс (Независимая газета 07.08.2012).

В болгарском языке во ФЕ с компонентом *долап* (русс. *встроенный шкаф*) акцентируется внимание на семе ‘скрытости’ – (потули се) *като мишка в долап*.

Например: болг. *Де го сега г-н Борисов да се изтъпани геройски и да изкоментира неприятната новина от Брюксел? Няма го никакъв. Потулил се е като мишка в долап* (Дума 23.06.2011, бр. 141).

К предметам домашнего обихода как сфере-источнику метафорической экспансии относятся, например, *постельные принадлежности*, расширяющие в рамках современной ЛКС стертую метафору *тянуть на себя одеяло* в значении ‘думать о себе, о своей выгоде, стараться всеми силами решить дело в свою пользу’.

Например: русск. *Здесь власть тоже пытается раздуться, тянуть на себя одеяло и прочие постельные принадлежности, но постоянно упирается в контроль общества и в необходимость конкуренции за голоса избирателей* (Независимая газета 27.03.2012).

Различие в русском и болгарском языках наблюдается в метафорическом осмыслении таких предметов домашнего обихода, как: русск. *ковер, ковровая дорожка* и болг. *килим* (соответствует русск. *ковер*), *черга* (соответствует русск. *половик*).

Лексема *килим* имеет тюркско-персидское происхождение (турецк. *kilim* ‘ковер, покрывало’). Достоверно известно, что первые ковровые покрытия были созданы мастерами-кочевниками в районе Центральной Азии. Такой ковер (V в. до н.э.), сохранившийся до наших дней, был найден в 1949 году во время раскопок в Пазырикских горах Сибири русским археологом С.Руденко. В Болгарии ткачество известно с I века до н.э., а в период

XVII-XIX вв. искусство ковроделия или *килимарство* достигает своего расцвета. В России производство датируется XVII веком, когда в эпоху Петра I начинается изготовление *шпалер* (так назывались тканые картины, служившие для внутреннего убранства дворцовых помещений).

Словом *килим* в русском языке обозначается ‘безворсовый тканый двусторонний ковер ручной работы’ в искусстве народов Средней Азии, Кавказа, Персии, Турции и Украины; а в Энциклопедическом словаре Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона называют ‘гладкий полосатый ковер, иногда настольное покрывало’ [Брокгауз-Ефрон 1890-1907]. Указанная лексема имеет ограниченное применение и функционирует преимущественно в профессиональном языке. Более распространенным для обозначения тканых покрытий в русском языке является слово *ковер* и *ковровая дорожка* (то есть ковер удлиненной формы). Связь с родоначальницей ковров Персией сохраняется и в слове *палас* (от перс. пелас, татарск. палас, башк. балаҫ) ‘безворсовый ковер, коврик’. Сочетание *персидский ковер* обозначает наиболее известную в мире разновидность ковров ручной работы, тип дорогого и богатого ковра. Его переосмысление привело к образованию *жарг.*, *шутл.-ирон.* названия пола в арестантской камере.

Более дешевым тканым покрытием является русск. *половик* и болг. *черга* как ‘узкая длинная полоса грубой ткани’. В русском слове подчеркивается функциональная направленность *половика* - постилается на пол, болгарская *черга* может использоваться и как покрывало. В зажиточных крестьянских домах (а впоследствии и в городских) полы застилали половиками накануне больших праздников таких, как Пасха и свадьба, а в поминальные дни чистый половик от порога к столу символизировал приглашение домашнего к трапезе.

Если в странах Востока дом начинается там, где расстелен ковер, и ковры, соотносимые с мини-моделью земного рая, были главной и существенной частью обстановки жилища (это и мебель, и обои, и знак достатка), то в России, как и в других странах Европы, ковер не представлял собой предмета первой необходимости, он лишь дополнял обстановку и служил бытовым украшением. В качестве картины его вешают на стену, а для создания тепла и уюта его кладут на пол.

Указанная выше культурно-историческая специфика лежит в основе метафорического употребления лексем. Разноцветная окраска ковра становится толчком к метафорическому осмыслению разнородности проблем и структуры объекта: *Пестрый ковер* «Роскино» (МК 01.11.2012).

Например: русск. *Так что «дискуссионное измерение» СРН является его неотъемлемой чертой, которой дорожат и Россия, и страны НАТО. Лучше открыто и честно говорить о проблемах, а не замечать их под ковер* (Независимая газета 17.03.2008); *Не исключено, что талибы, сознавая, что кончина их заклятого врага ослабляет Северный альянс, попытаются разостлать свой ковер у южных рубежей СНГ, у границы Таджикистана* (Российская Газета 17.09.2001); *По словам президента, в тот момент, когда американские солдаты одерживают победы над противником, политикам непозволительно «выдергивать ковер» из-под их ног* (Независимая газета 24.08.2007).

Например: болг. *За тези години кликата извърши всевъзможни дивотии, а дори и приключи на книга на бърза ръка с прехода. Сякаш е нещо, което можеш да забележиш под протрития килим на времето* (Труд 28.09.2010); *...вражеските самолети направиха бомбен «килим» и хвърлиха 7000 авиобомби* (Дума 22.07.2010); *Подръвването насам-натам на кризисно окъсялата бюджетна черга ражда единствено проблеми* (Дума 12.10.2010); *Балканска черга събра три народа* (Политика 30.09.2011); *Към предконгресната черга* (Дума 07.10.2010).

Понятие *черга* в болгарском языке является более структурированным и обозначает не только ‘коврик, половик как вид тканого покрытия’, но и ‘социальную отнесенность’. Метафорическое осмысление действительности базируется на социальной ассоциации, указывающей на принадлежность к определенному социуму, имеющему определенные профессиональные интересы (болг. *не е от нашата черга, от една черга сме*).

Например: болг. *И започваш да тъсиш начин да се запознаваш с някого "извън твоята черга", за да може да си говорите и за друго, освен за работа* (Дума 03.09.2011, бр. 203); *Такъв живот подсказва, че извън новата политическа класа всички сме от една черга, поради което си позволявам да попитам именно тези мои съвременници дали забелязаха как се извърши техният личен преход от едно гражданско състояние в друго?* (Дума 22.01.2011); *Ако вземем да се притесняваме от отбори от нашата черга, накъде отиваме?* (Дума 02.02.2012); *Естония е държава от нашата черга, а много бързо го въведеха и го направиха и работи перфектно* (Дневник 02.09.2011).

Метафорическое осмысление в рамках современной ЛКС в Болгарии происходит на основе устойчивых образов: *запалвам / запаля чергата на някого* ‘принести несчастье кому-либо, навлечь беду.’

Например: болг. *Гръцката криза е запалила чергата на еврозоната, от което не само може да рухне Евросъюзът, но и да настъпи най-страшната рецесия, съпроводена с експлозия на национализми и на ксенофобия, насочена включително срещу българите* (Дума 15.09.2011); *Ще подпали ли Танушевици и българската черга?* (Новинар 02.03.2001).

Основная функция ковровых изделий соотносится с сохранением целостности напольного покрытия. Кроме того, *красные дорожки* используются при приеме почетных гостей как знак уважения. Подобные покрытия присутствуют при встрече высокопоставленных лиц и

дефиле звезд. В русском языке постепенно устанавливается терминологическая дифференция, разграничивающая торжественную презентацию, дефиле или официальные встречи. Таким образом, в языке закрепляются сочетания *красная дорожка* и *кремлевская дорожка (кремлевка)*, где последнее соотносится с официальными, правительственными кругами. *Кремлевская дорожка*, очевидно, является знаком советской эпохи, когда ковровыми дорожками красного цвета устилали трапы, подъезды, залы и лестницы в главном государственном здании России - Кремле. Хотя традиция устилать дорогу коврами перед дорогими гостями более древняя. Например, обычай существовал на богатых купеческих свадьбах, при венчании царственных особ, когда путь молодых до церкви обязательно устилали красной ковровой дорожкой. Впоследствии, советские ЗАГСы переняли эту традицию, застывая свои скромные помещения ковровыми дорожками непременно красного цвета.

Например: русск. *Напомним, красная ковровая дорожка церемонии открытия Третьего международного кинофестиваля «Северное сияние» развернулась в главном зале Московского вокзала* (Союз кинематографистов РФ 12.11.2012).

Начинается метафорическое переосмысление терминологических сочетаний.

Например: русск. *После перечисления акций и недвижимости, которыми владеет президент России, издание напоминает, что несколько недель назад глава компании "Финансгруп" Олег Шварцман рассказал иностранным журналистам о связях между бизнеса с ФСБ и администрацией президента. Шварцман также говорил о том, что "кремлевские бульдоги сцепились на красной кремлевской дорожке"* (NEWSru.co.il 23.12.2007); *Наутро 9 мая 2012 года изнасилованная накануне молью на красной кремлевской дорожке Россия проснется в путинской у-*

вечности (Форум.мск 24.06.2011); *Кремлевская дорожка. Путь Москвы в ВТО* (Press-uz.info 04.07.2007).

Ряд различий в метафоризации связан с асимметрией стертой метафоры в русском и болгарском языках (ср. устойчивые номинации русск. *красная (ковровая) дорожка* – болг. *червен килим*; русск. *тянуть на себя одеяло* – болг. *дърпам чергата към себе си*).

Например: русск. *Здесь власть тоже пытается раздуться, тянуть на себя одеяло и прочие постельные принадлежности, но постоянно упирается в контроль общества и в необходимость конкуренции за голоса избирателей* (Независимая газета 27.03.2012).

Например: болг. *Червен килим и много светлини отведоха гостите в сърцето на планината* (Дума 24.02.2012); *В старанието си* (Б.Борисов – Е.С.) *с един удар да уцели "два заека" - хем да отмъкне част от "червената черга" и хем някак да извади ДПС от играта* (Дума 20.08.2011); *Ако всяка страна дърпа чергата към себе си, ЕС ще заприлича на орел, рак и щука и съдбата му е предрешена* (Дума 12.04.2011).

Устойчивая метафора в русском языке *вызвать / вызывать на ковер* в значении ‘вызвать подчиненного для выговора, разноса’, а также *идти / пойти на ковер*, по данным фразеологических словарей [<http://www.gramota.ru>], имеет шутливо-ироническую стилистическую окраску и восходит к английскому выражению *to be on the carpet*. По одной из версий, первоначально выражение относилось к слуге, вызванному к хозяину для выговора. По другой версии, в английском языке оборот был связан со спортивной терминологией, из которой перешел в общепотребительную лексику со значением ‘быть на повестке дня, рассматриваться’ либо ‘получить нагоняй, выговор от вышестоящих’. В русском языке закрепилось только второе значение, с которым и связано современное

метафорическое функционирование. Для болгарского языка указанная метафора не характерна.

Например: русск. *Авиапром вызвали на ковер* (Независимая газета 23.08.2006); *Однако депутаты этим не удовлетворились и решили пригласить на парламентский «ковер» самого президента Бакиева* (Независимая газета 13.09.2006).

болг. *Парламентът вика на килима шефката на НЦИОМ* (<http://www.bnews.bg> 02.06.2011)

Слот 6. 'Порядок в доме'

В данном слоте представлены метафоры, связанные с поддержанием и наведением порядка в доме: с одной стороны, это ремонт внутренних помещений, а с другой - ежедневная уборка дома.

Метафора *порядка* в российском медиадискурсе начинает активизироваться в конце XX столетия, незадолго до начала перестройки, когда уже назревает необходимость перемен в обществе. Но если в начале 80-х годов в метафоре актуализируется сема ремонта, то в 90-х годах возникает необходимость создания уюта и порядка в доме как составной части модели *Россия – наш дом*.

Например: русск. *Начинается политика наведения порядка – там, где больше всего беспорядка* (Взгляд.ру 15.08.2012); *Если все это вместе, то и называться должно совсем по-другому: наведение порядка, правового и демократического* (Независимая газета 14.08.2012); *Актуальная задача премьера Медведева – не косметический ремонт «ЕдРо», не чистка и не ребрендинг, а новое позиционирование партии, ставка на отстаивание убеждений, а не на гарантии карьерного роста* (Независимая газета 31.05.2012); *Не станет ли медведевская чистка непереносимым испытанием для «Единой России»?* (Независимая газета 06.06.2012); *После парламентских выборов 2007 года, результаты которых не удовлетворили многих, за*

*изменение Конституции высказался глава КПРФ Геннадий Зюганов: «Я сторонник изменения Конституции, немедленного и основательного ее **ремонта**. Абсолютная власть развращает, кто бы ни сидел в главном государственном кресле» (Независимая газета 17.04.2012).*

В российском и болгарском медиатекстах фиксируются и инструменты наведения порядка (русск. *пылесос, метла*; болг. *метла*). С древних времен *метла* как атрибут домашнего хозяйства наделяется магической силой, используется в ритуальных действиях, народной медицине и фигурирует в табу. В мифологическом сознании славян *метла* воспринимается как атрибут очищения и наведения порядка, ее изгонялись злые духи. В то же время, соприкасаясь с грязью, мусором, *метла* является орудием магии и ассоциируется с демоническим началом (атрибут бабы Яги и др.).

Например: русск. *Политической идеологии, способной объединить всех, не придумано. Медведеву придется выбирать: либо он сохраняет партию-пылесос, либо делает ставку на ценности, но теряет часть электората и партийной элиты* (Независимая газета 31.05.2012); *Антикризисные метлы нижегородского мэра* (Независимая газета 25.11.2008).

Например: болг. *От гербаджийската метла през лятото на 2009 г. единствено Стелиянова остана директор на агенция към МТСП (Дума 15.09.2011, бр. 211); Много бързо видяхме, че тъй наречената синя идея не е изпълнена със съдържание, куха е. Тя се разрази в овладяване на властта, заради размахването на синята метла. От целия държавен сектор и от всички институции бяха изметени тъй наречените "червени боклуци". Без оглед дали това са прекрасни професионалисти, или хора, които са вредили. Същата метла помете здравеопазването, образованието, културата и най-много икономиката. За кратко време България от просперираща социалистическа страна се превърна в едно нищо като държава (Дума 22.05.2012, бр. 118); Госпожата от Кърджали, която с успех прочисти митингите на ДПС от говоренето на турски, с успех се справи с*

*проблемите в ОЦК Кърджали и спаси работниците там, се зае и с българската енергетика. И с такъв апломб от тази трибуна изреди имената на хора, които нямат никакво отношение към кашата, която вие забъркахте, че успя да заблуди и вашия министър-председател, който веднага **яхна метлата** - виновна е тройната коалиция (Дума 05.07.2012, бр.154); На час по лъжичка в медиите се просмукват откъслечни идеи за бъдещи намерения, които следват познатия принцип "всяка **метла мете по своему**" (Дума 25.02.2011, бр. 47).*

В современном российском медиадискурсе метафорическое осмысление *метлы* связано с двумя устойчивыми выражениями: *знать поганой метлой* как крайняя мера, невозможность отмены решения об изгнании, *новая метла по-новому метет* - о новом руководителе, устанавливающем новые порядки. В настоящее время как в русском, так и в болгарском языках все чаще *метла* используется как символ переустройства (русск. *новая метла*, болг. *нова метла*).

Например: русск. *Свой вывод он основывает на материалах проверки Генпрокуратуры. «Есть случаи просто вопиющие», – в сердцах бросил Путин, призвав чиновников выгнать «поганой метлой всех посредников», чтобы они не вставали между гражданами и органами власти (Независимая газета 28.10.2009); Эдхам Акбулатов начал кадровую революцию с верхов. Местная номенклатура после весенних сенсационных увольнений ряда влиятельных начальников мэрии ... ожидала от **новой метлы** более масштабной чистки в рядах муниципальных чиновников (Независимая газета 08.08.2012).*

болг. *Масови уволнения са започнали от два дни в президентството, казаха за ДУМА хора, пострадали от **новата** политическа **метла** (Дума 02.03.2012, бр. 52).*

Кроме того, в болгарском медиадискурсе активизируется образ большой метлы (болг. *голяма метла*) и разыгравшейся метлы как чрезмерной активности и широты перемен (болг. *да развърти метлата, развъртяна*

политическа метла, метлата заигра, чевръсто размахване с метлата). А метафора политическа метла становалиця олицетворением государственной власти.

Например: болг. **Чистката** в президентската администрация е била предимно сред техническия персонал - секретарки, експерти, чистачки и други. Официалното обяснение на **голямата метла** е било това, че вече в сила трябвало да влиза новата структура на администрацията (Дума 02.03.2012, бр. 52); Т.нар. Закон за нивото на компетентност бе нарушен, когато **заигра метлата** на ГЕРБ, която измете опитните експерти от водния сектор (Дума 29.02.2012, бр. 50); Старши треньорът Милен Радуканов не скри разочарованието си от представянето на редица играчи и се закана да **развърти метлата** (Дума 17.12.2010, бр. 291); Защото да говориш за приемственост, докато **въртиш политическата метла** във всяка администрация, е лицемерие (Дума 12.11.2010, бр. 261).

Известная балканская поговорка гласит: *по-добре е да си чист, отколкото сит* (букв. лучше быть чистым, чем сытым). Очевидно поэтому такое большое внимание в болгарском медиатексте отводится проблемам чистоты.

Например: болг. *Сегашният модел на оздравяване на принципа на чистене на задължения не е работещ* - Атанас Тонев, изпълнителен директор на "Прайм спед" АД, бивш генерален директор на БДЖ (Дума 09.11.2011); *...и допълни, че е недопустимо хората да стават жертва на такова чистене на сметки* (Дума 30.01.2011); *Преди всичко не може да има "етническо" почистване на български граждани с вече български имена* (Дума 30.01.2012); Например: болг. *Необходим е основен ремонт на изборния кодекс. Ще се опитат да минат с козметични промени в Изборния кодекс, но е нужен основен ремонт* - Мая Манолова (Дума 27.02.2012); *Ремонт на кабинета* (министри – Е.С.) *ще има* (Дума 24.01.2011).

Фрейм 2. 'Обитатели дома'

Дом и в русском, и в болгарском языках - это не только жилое здание, строение, но и проживающие в нем люди. Обитатели дома делятся на *хозяев* и *квартирантов*. Указанный фрейм оказывается достаточно активным в российском медиадискурсе.

Например: русск. *Конечно, новые <хозяева> планеты - Кремль и Белый дом - не сидели сложа руки, наблюдая за обвальнoй деколонизацией...* (Газета.ru 19.02.2008); *В общем, Михаил Фрадков, отправившись вслед за Сергеем Ивановым на Урал, продемонстрировал, кто в доме хозяин* (Независимая газета 30.11.2005); *Иногда – просто хорошие врачи, иногда – не состоявшиеся как специалисты, но пришедшие «ко двору», нанятые руководством и снимаемые им же в одночасье; они часто меняются вместе со сменой хозяина области* (Независимая газета 01.11.2011); *...встрече заглянул кремлевскому хозяину в глаза и тотчас разглядел его душу* (Инопресса 24.12.2001). *Мы уважаем позицию президента и предлагаем найти ему то место, которое позволит остаться национальным лидером страны. Мы же выбираем себе хозяина в доме? Вот и здесь мы предлагаем выбрать стране хозяина", - постарался логически объяснить массовый порыв г-н Астахов. Хотя о такой форме семейного или политического волеизъявления, как "выборы хозяина в доме", история умалчивает - "Запутинцы"* (Время новостей 16.11.2007); *Многие критически настроенные граждане полагают, что с возвращением прежнего хозяина в Кремль начнется период застоя* (Независимая газета 27.09.2011); *Когда из Кремля спровадили последнего квартиранта? Кто всё же может похвастаться кремлёвской пропиской?* (АиФ 17.06.2009); *Вся Европа - большой дом, населенный жильцами с неустроенной личной жизнью* (Ведомости 26.03.12).

В болгарском медиадискурсе фрейм не находит широкого представления. Метафоризация касается лексем *стопанин*, *домакин* (русск. *хозяин*).

Например: болг. *И това е напълно обяснимо - нормалното личносно развитие на един гост-имигрант, а и на цялото му*

семейство, върви по посока на все по-активното интегриране в обществената атмосфера на държавата **домакин**, която отделният имигрант е избрал за своя втора родина (Дума 30.10.2011); Така нищо чудно "червените" въобще да не **домакинстват** в дома си до края на есенния полусезон (Дума 24.09.2012, бр. 221); "На България ѝ трябва не шериф, а добър **стопанин**. Трябва ѝ знаец, кадърен човек, който да управлява", отсече вчера по БНТ президентът Георги Първанов (Труд 22.12.2010); **Контравотът на ДПС за нов стопанин на "Дондуков" 2 в неделя бе очевиден в смесените райони** (Труд 12.01.2013).

Специфической характеристикой фрейма 'Обитатели дома' в русской лингвокультуре является человек без дома. *Бездомные*, или как их называют с подачи милицейских протоколов – *бомжи*, порожденные эпохой перестройки, становятся массовым явлением российской действительности в конце XX столетия. В начале XXI века начинается истинное „*время бомжей*” (Независимая газета 01.12.2001). По данным на 2002 год, количество бездомных в России превысило 4 миллиона.

Как гласит русская пословица: *от тюрьмы, да от сумы не зарекайся*, человек, действительно, ни от чего в жизни не застрахован. Чтобы привлечь внимание общества к этой проблеме, тема бездомности начинает подниматься в российском кинематографе, литературе, выходить на подмостки театров.

Значимость и масштаб проблемы постепенно превращают эту сферу в источник метафоризации, свидетельствуя о стремлении общества к ее решению. Однако негативная коннотация, культивируемая в СМИ, влияет на особенности процесса формирования метафоры. *Бомж* в массмедиа становится изгоем общества, мерилем уровня жизни, символом бездомности и нищеты, порогом асоциальности.

В СМИ *бомжи* квалифицируются как *дети подземелья* (Независимая газета 15.03.2011), *диверсанты без определенного места жительства* (Независимая газета 23.11.2007), *"романтики" подвалов, чердаков и вокзалов* (Независимая газета 20.01.2003), *существа с бьющим в нос запахом помойки* (Независимая газета 23.08.2007), категория *бывших людей* (Независимая газета 06.06.2002). В последнее время в категорию *бомжа* попадают все отверженные новой России - *бездомные, безработные и больные* (РИА Новости 06.12.2007).

Прежде всего, в метафоре *бомжа* актуализируется сема *отсутствие дома*, к которой постепенно примыкают социальная характеристика и фактор локальности, географической отнесенности.

Например: русск. *Курокрад стал тюремным бомжем* (Независимая газета 19.03.2003); *В России 30 тысяч военных бомжей* (Независимая газета 26.01.2007); *Потому что, извините, бомжей в погонах развелось столько, что дальше некуда* (Независимая газета 02.12.2005); *«Военно-морские бомжи»*, как окрестили подобные семьи офицеров-подводников местные журналисты, до сих пор ответа от президента и чиновников не получили, поэтому ситуация накаляется (Независимая газета 23.03.2011); *Юношев, которого президент Кочарян в сердцах однажды назвал "московским бомжем"*, сделал в последнее время целый ряд весьма ответственных заявлений. Так, по его словам, он сумел ознакомиться с документами, свидетельствующими о "любопытных взаимоотношениях" главаря террористов Наири Унаняна с Министерством национальной безопасности (Независимая газета 19.09.2003).

Метафора *бомжа*, высвечивая сему нищеты, проявляется в *прожиточном минимуме бомжа*, многочисленных *бомж-пакетах* (название еды, чаще всего вермишели, быстрого приготовления в пакетах), *бомж-отелях* и др.

Например: *Вызывает сомнение оправданность методики определения бедных именно по уровню прожиточного минимума, который эксперты очень часто называют «**прожиточным минимумом бомжа**»* (Независимая газета 12.04.2011).

В начале XXI века указанная метафора переносит характеристики бомжа на оказавшуюся в тяжелом положении часть интеллектуального социума, активизируя ассоциативную связь ненужности и отвергнутости. Таким образом рождаются метафоры *театрального* и *интеллектуального бомжа*.

Например: русск. *В Москве прошла Всероссийская режиссерская конференция. Говорили о состоянии режиссуры на периферии, об авторском праве. Скандал первого дня - выступление Клина, который назвал себя **театральным бомжем** и говорил о столичных театральных олигархах* (Независимая газета 16.12.2002); *Картина* (читателей "Советского экрана"- Е.С.) *по годам крутится вокруг одних и тех же процентов: "работников культуры и искусства - 4,7%", зато "учащихся школ и техникумов - 24,8%!" К этим "недоучкам" примыкают "студенты вузов", тоже почти столько же - 20, 4%. Вместе этих **интеллектуальных бомжей**, каковыми их видят создатели "Контекста", получается у "Советского экрана" почти половина аудитории* (Независимая газета 10.07.2003).

Поиск подобия переносится в структуру государственной власти. В медиадискурсе создается и метафора *политического бомжа*, выдвигающая на первый план такие семы, как: беспринципность, лицемерие, приспособленчество и политическую непригодность современных политиков. Реализуя политическую направленность, метафора достигает максимума своей семантики и пейоративной коннотации. В ряде примеров акцент падает на сему 'паразитизма'.

Например: русск. *Удальцов освобожден от всех занимаемых должностей в партии и находится в положении **политического бомжа***» (Независимая газета 28.01.2004); *Знаете, по Думе ходит множество "**бомжей**" в политическом смысле слова - тех, кто непонятно что здесь делает* (Независимая газета 10.04.2003); *Партии создаются вокруг претендентов на власть или претендентов на пост в иерархии власти. Эти партии наиболее слабые, так как в них стекаются толпы разного рода политических неудачников, своего рода **политических бомжей**, готовых в любой момент перебежать куда угодно* (Независимая газета 29.06.2000); *При участии Ильи Максакова и Георгия Ильичева Геннадий Райков: "Мы не станем **парламентскими бомжами**" - Зачем вы вступили в "Единую Россию"?* (Известия 13.01.2004); *В службе таких граждан называют «**бомжами на иномарках**» – все их имущество записано на родственников и это позволяет им избежать судебных санкций* (Новый регион 2, 06.05.2008); *...посмотрев декларацию о доходах Тимошенко, обозвал ее бомжом? Так вся наша власть – такие же «**бомжи**», живущие якобы на иждивении родственников»* (Независимая газета 11.06.2010).

И наконец, как показатель метафорической значимости и как финальный аккорд в оформлении метафоры в медиатекстах появляется выражение **бомж-бомжом** (Независимая газета 03.11.2005). Оно строится по продуктивной в русском языке модели образования устойчивых сочетаний компаративно-тавтологического характера, в которых реализуется максимальная степень качественной оценки (ср. русск. сочетания, типа *дурак дураком, тюфяк тюфяком, бревно бревном* и т.п.).

Еще одним свидетельством продуктивности метафоры служит формирование от лексемы *бомж* производных слов и вторичных значений. Метафорическое осмысление слов *бомжевать* (вести асоциальный образ жизни), *бомжовый* (об образе жизни или внешнем виде людей, похожих на бомжей, а также об отдельных предметах нищенского существования), *прибомжиться* (остановиться у кого-то немного пожить), *бомжатник* (место нищенского

существования, поселение бомжей) происходит с сохранением и реализацией полного семантического спектра основной лексемы.

Слово *бомжатник* по праву может пополнить слотовое содержание сферы-источника метафорической экспансии 'Типы зданий'.

Например: русск. *А вот ушедшему на покой губернатору, к примеру, Рязанской области, а также членам его семьи в случае «острой» нужды предоставляется «жилое помещение». Значит ли это, что глава региона во время исполнения своих обязанностей **бомжевал**, непонятно* (Независимая газета 29.06.2010); *Некогда самые грозные в мире Сухопутные войска превращались в форменный **бомжатник*** (Независимая газета 18.04.2003).

Метафора *бездомного* (болг. *бездомник, бездомница, бездомните, клошар*) в болгарском медиадискурсе отсутствует. Встречаются лишь единичные примеры в текстах спортивной направленности.

Например: болг. *"Армейците" пак **без дом*** (Дума 24.09.2012, бр. 221); *Всъщност на "Овча купел" вече се изиграха изключително много мачове, тъй като там често играе и другият "**бездомен**" столичен отбор - Локомотив* (Дума 24.09.2012, бр. 221).

Обобщение лексического потенциала 'дома' как сферы-источника метафорической экспансии в русском и болгарском медиадискурсах можно представить в виде таблицы (см. Таблица 2). В данной таблице выделены подверженные метафорическому осмыслению номинации понятийной области-источника, которыми различается слотовое наполнение М-модели в русском и болгарском языках.

В российском медиатексте	В болгарском медиатексте
Фрейм 1. Дом/сооружение	
Слот 1. Виды сооружений	
<i>дом, здание, изба, башня, пирамида, палатка; божатник; норка, соты</i>	<i>дом, къща, сграда, кула, пантеон, крепост; миша дупка</i>
Слот 2. Конструкция здания	
<i>фундамент, опора, подпорка, фасад, крыша, окно, рама/рамка, дверь, ворота, стена, ключ, двор, проходной двор, задний двор, задворки, навес, лаз</i>	<i>фундамент, темел, основи, фасада, покрив, стряха, прозорец, рамка, врата, стена, ключ, ключалка, двор, заден двор, разграден двор</i>
Слот 3. Внутренняя структура здания	
<i>коридор, этаж, ступень, лестница, потолок, порог, угол, лифт, перегородка, ниша</i>	<i>коридор, етаж, стълба, таван, праг, ъгъл</i>
Слот 4. Внутренние помещения	
<i>кухня, кабинет, спальня, гостиная, кладовка</i>	<i>кухня, кабинет, килер</i>
Слот 5. Мебель и предметы домашнего обихода	
<i>стол, шкаф, кресло; ковер, ковровая дорожка, одеяло, постельные принадлежности</i>	<i>стол, гардероб, кресло; черга, килим</i>
Слот 6. Порядок в доме	
<i>наведение порядка, чистка, ремонт, пылесос, метла</i>	<i>чистене, почистване, ремонт, метла</i>
Фрейм 2. Обитатели дома	
<i>хозяин (хозяйева), жилец(ы), квартиранты, бож</i>	<i>домакин (домакини), стопанин, господар, бездомен</i>

Таблица 2. Представление сферы-источника 'дом' метафорической экспансии в российском и болгарском медиадискурсах

Архитектурная метафора как составная часть артефактной метафоры использует в качестве сферы-источника понятийные области 'строительство' и 'дом', являющиеся традиционными, понятными и эмоционально значимыми, а также хорошо структурированными в сознании представителей русской и болгарской лингвокультур. На этом основании указанные понятийные области широко используются метафорой для представления объективной реальности в медиадискурсе. Развитие архитектурной метафоры представляется продолжением традиционного восприятия и отображения мира, о чем свидетельствует использование значительного количества мертвых метафор в обоих медиадискурсах.

Собранный метафорический материал демонстрирует, что архитектурная метафора в российском и в болгарском медиадискурсах характеризуется неодинаковой активностью и популярностью в рамках ЛКС (2000-2012 гг.). Анализируемый материал показывает, что несмотря на относительное соответствие компонентов в структуре метафорических моделей (см. Таблица 1, 2), фиксируется частичное расхождение метафорической семантики (ср. русск. *крыша*, *окно* и болг. *покрив*, *прозорец*) в русском и болгарском языках. Сходная ассоциация достигается использованием различных лексем (ср. русск. *окно* – болг. *коридор*, русск. *лазейка* – болг. *вратичка*; русск. *ковер* – болг. *черга*; русск. *топор* – болг. *томахавка*, *секира*; русск. *задворки* – болг. *задан двор* и др.), создающих на уровне метафоры семантическое соответствие.

В силу разноуровневой структуры архитектурной метафоры, фиксируется различие на уровне активности и продуктивности ее субмоделей: строительная метафора и метафора дома. Насколько позволяет судить собранный нами материал, при наличии указанных субмоделей в

российском и болгарском медиадискурсах, метафора дома представляется более активной и продуктивной в российском медиадискурсе.

Субмодель строительства структурируется тремя фреймами (созидание, разрушение и деятели). В указанной субмодели фреймовая структура как отображение концептуальных сфер строительства и строительных работ шире в русской метафоре, а слоты 'строительные инструменты' и 'разрушение' – богаче представлены в болгарской метафоре. Различие в русской и болгарской метафоре созидания / разрушения наблюдается в ее направленности (объекте). Кроме того, метафорическое представление разрушения в российском медиадискурсе носит характер наследия прошлого, а в болгарском – созидательного разрушения.

Субмодель дома представляется более структурированной, в силу архетипичности концепта *дом* для обыденного сознания. Ее формируют два фрейма и семь слотов. Различия в представлении современной ЛКС в медиадискурсах касаются слотовых реализаций, проявляющих неидентичную активность и обновление в болгарском и русском языках (активность русск. *лаз, крыша, этаж, окно, бомж*; болг. *черга, килер, ключалка, ключ, врата*). Несовпадение отмечается и в метафорическом осмыслении терминов (например, *крыша, этаж, ключ, окно, дверь, коридор* и др.), одинаково присутствующих в русской и болгарской М-моделях. Например, в российском медиадискурсе актуализируется защитная функция *крыши*, а в болгарском – защитная и объединяющая; второй *этаж* в российском медиадискурсе понимается как разделение общества, социальное расслоение, а в болгарском – уход от проблем. В русской метафоре *двора* фиксируется сема сквозного прохода (*проходной двор*), а в болгарской – неорганизованности, неустроенности (*разграден двор*).

Заключение

Основываясь на постулатах когнитивной теории, представляющих метафору в качестве продукта сознания и инструмента воздействия на сознание, и стадияльной взаимозависимости языка и культуры, в монографии развивается теория лингвокультурной ситуации как отображения и представления определенного уровня сознания социокультурной общности в рамках того или иного временного среза. Метафора рассматривается в качестве модельного конструкта, организующего информацию в сознании человека, категоризирующего накопленный опыт человека и знания об окружающем мире. Описание метафорической модели достигается посредством фреймо-слотовой методики, представляющей языковое отображение того или иного фрагмента действительности как характеристику определенного этапа развития лингвокультуры.

Лингвокультурная ситуация понимается как детерминируемый пространственно-временными и социокультурными ориентирами срез лингвокультурной среды. Она выступает своего рода моделированием мира в соответствии с установленными культурными нормами и ценностями той или иной лингвокультуры. Лингвокультурная ситуация фиксирует корреляцию между состоянием общества, уровнем развития общественного сознания и его вербальным отображением.

Синкретическим способом концептуализации лингвокультурной ситуации, на наш взгляд, выступает метафора. Как продукт культуры и мыслительной деятельности человека метафора является порождением и

языковым отображением своего времени. С одной стороны, она имплицитно воздействует на сознание человека, а с другой, фиксирование той или иной метафорической модели и типа метафоры в качестве господствующих свидетельствует о состоянии общества и представляет характеристику уровня общественного сознания на определенном этапе его развития.

При универсальности когнитивных моделей в различных лингвокультурах применяются специфические сценарии их реализации, обусловленные особенностями той или иной лингвокультуры. Совмещая в себе абстрактное и конкретное, реальное и гипотетическое, метафора является тем особым когнитивным механизмом, который приводит в движение и во взаимодействие психокогнитивные процессы, эмпирический опыт и культурное наследие народа.

Ментальность, язык и культура народа являются взаимодействующими и взаимообусловленными сущностями. В этой связи метафора выступает своего рода текстом, обеспечивающим исследование ментальной стороны в процессе историко-культурного развития национально-культурной общности, ибо метафора характеризуется универсальностью и выступает когнитивной моделью, подчиняясь общим психокогнитивным законам, и детерминируется национально-культурным мировидением, отражающим как фундаментальные общечеловеческие культурные ценности, так и национально-культурную традицию и специфику развития лингвокультуры.

Лингвокультурная ситуация периода «нулевых» или первого десятилетия XXI века в России и Болгарии характеризуется метафорической насыщенностью. Повышенная метафоричность трактуется исследователями как свидетельство нестабильности развития общества и

повышенной эмоциональности уровня сознания его представителей. Однако анализ метафорического материала демонстрирует зарождение и утверждение тенденций в сторону стабильности. Указанная тенденция проявляется в изменении типа метафор и метафорических моделей. В частности, распространение *архитектурной метафоры* как одного из видов *артефактной метафоры* считается вектором, указывающим на положительные тенденции в развитии общественного сознания. Сферой-источником артефактной метафоры выступают рукотворные артефакты, воспринимаемые в монографии в качестве концептуальных, то есть отражаемых в коллективном сознании в виде культурных схем и участвующих в концептуализации окружающей действительности.

Ассоциативные связи, устанавливаемые метафорой в соизмерении универсума, культурно детерминированы и ориентированы на лингвокультурную компетенцию творца и интерпретатора метафоры. Именно поэтому метафора является не только единицей концептуализации действительности и средством кодирования смысловых значений, но и одним из основных орудий сохранения и межпоколенной трансляции традиционных культурных стереотипов и эталонов национально-культурной общности. В российском и в болгарском медиадискурсах фиксируется тесная связь между живой и мертвой (устойчивой) метафорами, что также является яркой демонстрацией наступающих положительных перемен. Ведь активность *устойчивой* (так называемой мертвой или стертой) *метафоры*, обеспечивающей преемственность и продолжение культурных традиций народа, является бесспорным показателем стабильности общества. В исследуемой лингвокультурной ситуации фиксируется и новое звучание мертвой метафоры как продолжение

развития метафоры на основе традиционного культурного богатства.

Различие основных параметров лингвокультурных ситуаций России и Болгарии обуславливает несовпадение дискурсивных условий развития метафоры. Собранный материал показывает, что метафора *дома* как базовая метафорическая модель является преобладающей и более активной в российском медиадискурсе и неактуальной для современного болгарского медиадискурса.

Различия фиксируются и в действии строительной метафоры. Характерная для русского и болгарского народов тенденция восприятия реформирования с началом, а не с продолжением, обуславливает тесную связь метафоры разрушения с метафорой созидания. Указанная тенденция становится основополагающей в концептуализации мира в медиадискурсе в XX столетии. Она не идет в разрез с эсхатологической мифологией: акт разрушения - созидания по сути – это акт *переименования* или *реноминации*, поэтому во многих случаях метафорические номинации служат реноминацией реалий прошлого.

При универсальности фреймо-слотовой структуры архитектурной метафоры фиксируется неоднозначная реализация ряда фреймо-слотового наполнения в русском и болгарском языках. Так, например, в метафоре строительства в российском медиатексте означает развитие фрейма строительства, а в болгарском – продолжает культивироваться идея созидательного разрушения.

Библиография

Аврамова В. Развитие метафоры в современной русской и болгарской публицистике. // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. Вып. 2. Шумен: УИ "Епископ Константин Преславски", 2006, с. 49-58.

Аврамова В. Лингвокультурология. УИ „Еп.Константин Преславски”, Шумен, 2007, 244 с.

Агеев С. В. О роли фреймов знаний в интерпретации метафорических выражений, 1999. // Интернет ресурсы http://www.amursu.ru/8101/vestnik/7/6_7_99.html

Актуальные проблемы современной лингвистики: учебное пособие. Сост. Л.Чурилина. Изд-во: Флинта; Наука, 2011, 412с.

Алексова К. Криза на кодификацирани норми или промяна в езиковата норма. // Световната криза и икономическото развитие, т.4: Езикът и кризата. Варна: Изд. Наука и икономика – ИУ, 2010, с.15-27.

Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие Флинта, Наука, М., 2010.

Алехина С. Н. Идея Дома в русской философии: Дис... д-ра филос. наук. Курск, 2004.

Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системцентричном подходах к языку // ВЯ, 1993, № 3, с. 15 – 26.

Алферова Ю. В. Метафорическое моделирование конкуренции в российском и британо-американском экономическом дискурсе. // Лингвистика XXI века: материалы федеральной научной конференции. Екатеринбург, сентябрь 2004 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004, с. 16-18.

Андерсон Р. Д. Каузальная сила политической метафоры. // Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006.

Антология исследований культуры. Хрестоматия. / Отв.ред. и сост. Мостова Л.А., СПб, 2001. Интернет ресурс: <http://www.2devochki.ru/41/25381/1.html>

Антонова С. Н. Функционально-игровой аспект становления компьютерного дискурса (На материале английских и русских журнальных статей о компьютерных технологиях): Дис. ... к.ф.н. Тюмень, 2004.

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания. // ВЯ, 1995а, №1, с. 37 - 67.

- Аристотель.* Аристотель Соч. в 4-х т. Т. 1. М., 1976.
- Арнольд И.В.* Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды // Вопросы языкознания. 1991. № 3.
- Арутюнов С. А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.
- Арутюнова Н. Д.* Языковая метафора. // Лингвистика и поэтика. М., 1979.
- Арутюнова Н. Д.* Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры. // Res Philologica. М.-Л.: "Наука", 1990-а.
- Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс. // Теория метафоры. Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д.Арутюновой; Общ. ред. Н.Д.Арутюновой и М.А.Журиной. М.: Прогресс, 1990-6, с. 5 – 32.
- Арутюнова Н. Д.* Дискурс. // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990-в, с.296-297.
- Арутюнова Н. Д.* Время: модели и метафоры. // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999, 896 с.
- Афанасьев А. Н.* Религиозно-языческое значение избы славянина. 1851 // URL <http://www.slavya.ru/trad/home/izba.htm>
- Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 2.
- Бабошина Е. Б.* Человек культуры» как смысл современного образования: монография. Курган, 2006.
- Базылев В. Н.* Политический дискурс в России // Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 15./ Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А.П. Екатеринбург, 2005, с.5-31.
- Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград: Изд-во Наука, 1983.
- Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. / URL: http://svitk.ru/004_book_book/1b/21_bayburin_ritual_v_tdicionnoy_kulture.php
- Балла О.* Власть слова и власть символа // Знание - сила. 1998.
- Баранов А. Н.* Очерк когнитивной теории метафоры. // Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991, с.184-193.
- Баранов А. Н.* Языковые игры времен перестройки (Феномен политического лозунга) // Русистика, 1993. №2.

Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей. // ВЯ, № 2, 2003-а, с. 73 – 94.

Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры и типология метафорических моделей // Диалог 2003-б / URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Baranov.pdf>

Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003 / URL: <http://evartist.narod.ru/text12/09.htm>

Баранов А. Н. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя. / Предисловие редактора к книге Дж.Лакоффа, М.Джонсона „Метафоры, которыми мы живем”. Перевод с англ. М., 2008.

Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Политика как диалог // Журнал "Наука и Жизнь" №3, 1993.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.

Баранов А. Н., Михайлова О. В., Шипова Е. А. Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафорики (взаимоотношение бизнеса и власти, коррупция). М., 2006. // URL: <http://www.indem.ru/PUBLICATION/TrudiFI/metaphors.pdf>

Бельчиков Ю. А. Из наблюдений над русским литературным языком эпохи Великой Отечественной войны // Филологические науки. № 6, 2000.

Бердяев Н. А. О культуре. // Антология культурологической мысли. / Сост. С.П. Мамонтов, А.С. Мамонтов. М.: Изд-во РОУ, 1996, 352 с.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007, 600с.

Бикертон Д. Введение в лингвистическую теорию метафоры // Теория метафоры: Сб: Пер. с англ., нем., фр., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990, с. 284 - 306.

Бирдсли М. Метафорическое сплетение. // Теория метафоры. М., 1990, с. 201 – 218.

Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти. // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

- Блэк М.* Метафора. // Теория метафоры. М., 1990, с. 153 – 174.
- Болдырев Н. Н., Бабина Л. В.* Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке. // ФН, 2001, № 4, с. 79-86.
- Бондаренко С. Б.* Космология и культура. ЛКИ, 2008, 176 с.
- Ботева С. С.* Метафората и връзката пространство – време (с примери от френския и българския език). София: УИ „Св.Кл.Охридски”, 2009, 163с.
- Бромлей Ю. В.* Этнические функции культуры и этнография. М., 1978.
- Брунер Дж.* Психология познания. М., 1977.
- Брунер Дж., Олвер Р., Гринфилд П.* Исследование развития познавательной деятельности. М.: Изд-во "Педагогика", 1971, 392 с.
- Будаев Э. В.* Этнокультурный анализ политической метафоры. // Дискурс, культура, ментальность: коллективная монография / Отв. ред. М. Ю. Олешков. (Серия «Язык и дискурс». Выпуск 3). Нижний Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2011, с. 135 – 152.
- Будаев Э. В.* Сопоставительная политическая метафорология. Нижний Тагил: НТГСПА, 2011, 330 с.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Метафора в педагогическом дискурсе: современные зарубежные исследования // Политическая лингвистика. Выпуск (1)21. Екатеринбург, 2007, с.69-75.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Зарубежная политическая метафорология: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2008, 248 с.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Лингвистическая советология как научное направление. // Политическая лингвистика. 1 (27), 2009, с.25-38.
- Булгакова Л. Н., Захаранко И. В., Красных В. В.* К вопросу формирования коммуникативной компетенции (на материале пособия Булгакова Л. Н., Захаранко И. В., Красных В. В. „Мои друзья падежи. Грамматика в диалогах” // Язык. Сознание. Коммуникация. Сб. статей / Отв. ред. В.В.Красных, А.И.Изотов. Выпуск 27. М.: МАКС пресс, 2004, с.66-72.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Българска митология.* Энциклопедичен справочник. съст. А.Стойнев. С., 1994.
- Вайс Д.* Новояз как историческое явление. // Соцреалистический канон. / Под ред. Х.Гюнтер, Е.Добренко. Санкт-Петербург, 2000.

Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2001.

Васильева Г. М. Ты один мне поддержка и опора...» (размышления об актуальных задачах лингвокультурологии) / URL http://gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_332

Вартофский М. Модели: репрезентация и научное понимание. М.: 1988.

Вежбицкая А. Язык. Сознание. Культура. М., 1997.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001

Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: Автореф. дис. к.ф.н. Екатеринбург, 2002.

Волков А. И., Пугачева М. Г., Ярмолюк С. Ф. Пресса в обществе (1959-2000). Оценки журналистов и социологов. Документы. Выпуск 23, Серия: Библиотека Московской школы политических исследований, 2000.

Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // ФН, 2001, №1, с. 64 – 72.

Воробьев В. В. Лингвокультурология. Теория и методы., М. 1997.

Выготский Л. С. Собр. соч. т.1 – 2. М., 1982; т. 3 - 4, 1984.

Выготский Л. С. Проблема культурного развития ребенка (1928) // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. 1991. № 4, с. 5-18.

Выготский Л. С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Лабиринт, 1999, 352с. / URL: <http://www.pedlib.ru/Books/1/0162/index.shtml>

Выготский Л. С. Психология искусства. СПб.: Азбука, 2000.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.

Габышева Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира: на материале языка и культуры якутов (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 38). М.: Изд-во РГГУ, 2003.

Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое. // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988.

Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: “Языки русской культуры”, 1998.

Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): Автореф. дисс. канд. филол. наук. Волгоград, 2001.

Галкина О. В. Метафора как инструмент познания (На материале терминов-метафор компьютерного интерфейса): Дис. ... к.ф.н. Тверь, 2004.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры (в двух частях). Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.

Гананольская Е. В. Свободное слово или эзопов язык? (фразеология как средство современной политической коммуникации). // Сборник научных трудов "Актуальные проблемы теории коммуникации." СПб., 2004, с. 108 - 112.

Ганзен В. А. Системные описания в психологии. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984, 176 с.

Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: "Новое литературное обозрение", 1996.

Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1995.

Генон Р. Символы священной науки. М., 2002 / URL: <http://lib.rus.ec/b/120953>

Георгиева И. П. Българска народна митология. С.: Изд-во „Наука и изкуство”, 1993, 260с.

Гецов А. Сугестивен потенциал на псевдопозоваването в дискурса на популярната преса. // Сборник научни изследвания в чест на 65-годишнината на проф. д-р Хр. Станева. В.Търново, 2009.

Гецов А. Езикови манипулации в спортната преса. В.Търново, 2000.

Гецов А. Към въпроса за приложимостта на кооперативния принцип в масовата комуникация. // URL: http://georgesg.info/belb/spisanija/proglas/2009.1/Gecov_Anton.html#_ftn7

Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. СПб., 2000, 190 с.

Гольдберг В. Б. Ментальные пространства, отражающие биологическое существование человека // Концепт. Образ. Понятие. Символ: Коллективная монография. / Отв. ред. Е. А Пименов, М. В. Пименова. Кемерово: 2004, с. 6-21.

Гольдберг В.Б. Способы концептуализации в лексике // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им Г.Р.Державина, 2009. С. 97-127.

Головин С. Ю. Словарь практического психолога. Минск, 1998. / URL: <http://www.fidel-kastro.ru/psihology/slpractpsy.htm>

- Голосовкер Я. Э.* Логика Мифа. М.: Наука, 1987.
- Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство:* Сб. в честь Е. С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009, 856 с. (Studia philologica).
- Гудков Д. Б.* Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: МГУ, 2003, с. 141-161.
- Гудков Л. Д.* Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии. М., 1994.
- Гудков Л. Д., Макарова О.В.* Символы границы в русском архитектурно-домоустроительном культурном коде. // Служение слову. Сборник, посвященный 70-летию доц.д-ра А.Николовой. Шумен: УИ «Епископ Константин Преславски», 2012, с.120-129.
- Гудмен Н.* Метафора – работа по совместительству. // Теория метафора. М.: Прогресс, 1990, с.194 – 200.
- Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем. яз. / Под ред. и с предисловием Г.В. Рамишвили. М.: Изд-во “Прогресс”, 1984.
- Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. // Избранные труды. т. 2. М.: ЦГНИИ ИНИОН РАН, 1999. // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Gurev/01.php
- Гусев С. С.* Упорядоченность научной теории и языковая метафора. // Метафора в языке и тексте. М., 1988, с.119-133.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка // URL: <http://slovari.yandex.ru/>
- Даль В. И.* Пословицы русского народа. М.: Художественная литература. 1989.
- Дейк ван Т.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
- Делез Ж.* Логика смысла. М., 1995. / URL: <http://www.philosophy.ru/library/deleuze/logic.html>
- Дементьева С.В.* Роль и значение реминисценций в постижении ценностно-смыслового содержания социальной памяти. Автореферат дисс. канд. философских наук. Томск, 2000.
- Демьянков В. З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода. // ВЯ. №4, М., 1994, с. 17 - 33.
- Демьянков В. З.* Интерпретация политического дискурса в СМИ. // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Уч. Пособие. / Отв. ред. М.Н.Володина. М., 2003, с. 116-133.
- Демьянков В. З.* Парадигма в лингвистике и теории языка // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в

честь Е. С. Кубряковой. / Отв. ред. Н. К. Рябцева. М.: Языки славянских культур, 2009, с. 27 – 37 (Studia philologica).

Демьянков В. З., Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов // Вопросы языкознания. 1997. № 3.

Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988.

Джонсон М., Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990, с. 337-415.

Димитрова С. П. Размисли за описанието на езика в неговата динамика // Русский язык и русская культура в современном обществе. Шумен, 1999, с. 5 - 12.

Димитрова С. П. Лингвистична прагматика. С.: Изд-во ВЕЛЕС, 2009, 239 с.

Димитрова Н., Стоянова Е. Лингвокультурная ситуация в Болгарии в XIX в. // Известия на Съюза на учените. Сливен, Т. III, 2001, с. 108 - 111.

Дискурс, культура, ментальность: коллективная монография / Отв. ред. М. Ю. Олешков. Серия «Язык и дискурс». Выпуск 3. Нижний Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2011, 526с.

Дитрих О. В. Языковые средства в сфере политики: метафора. // Славянское сознание и самосознание: проблема рубежей. Материалы II Параславянских чтений. Красноярск, 1998.

Добрева Е. Театралната метафора в българския печат. // Език и литература, 2009, №3, с. 110 – 134.

Добрева Е. Аспекти на масмедийната „реалност“. В.Търново: Фабер, 2011.

Добрева Е., И. Савова. Текст и дискурс. Терминологичен справочник. Велико Търново: Фабер, 2009, 276с.

Добросклонская Т. Г. Теория и методы медиалингвистики (на материале английского языка). М., 2000.

Добросклонская Т. Г. Язык средств массовой информации: Уч. пособие. М.: КДУ, 2009.

Дормидонтова О.А. Гастрономическая метафора как средство концептуализации мира (на материале русского и французского языков). Автореферат дисс...кфн. Тамбов, 2011.

Дэвидсон Д. Что означают метафоры? // Теория метафоры. М., 1990, с.173 – 193.

Евтимова А. Медийна езикова вакханалия // Медии и обществени комуникации. С.: Изд. УНСС / "Алма комуникация". 2011, № 8. / URL: www.media-journal.info

Едличка А. Теория языковой культуры сегодня // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 20. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М., 1987.

Еременко А. М. «Мировой компьютер» // Человек. №3, 2000.

Ермакова О. П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). 2-е изд. М.: "Языки русской культуры", 2000, с. 32-66.

Ермоленко Г. А. Метафора в языке философии. Дисс. ... кандидата философских наук. Краснодар, 2000. // URL: <http://www.symballon.ru/image/news/archnews.htm#>

Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи. // ВЯ. М., 1964, №6.

Жинкин Н. И. Язык - речь - творчество. (Избранные труды). Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. М.: Лабиринт, 1998, 368 с.

Жоль К. К. Мысль. Слово. Метафора: Проблемы семантики в философском освещении / АН УССР, каф. философии. Киев, 1984.

Залевская А. А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений. // ВЯ, 1999, № 6, с. 31-42.

Залевская А. А. Некоторые проблемы теории понимания текста // Вопросы языкознания. 2002. № 3, с. 62-73.

Занглигер В. Метафора в наиболее употребительных русских пословицах. // Славистични изследвания. Том 7. Сборник, посветен на XII международен конгрес на славистите. София, 2005.

Засурский Я. Н. Медiateкст в контексте конвергенции // Язык современной публицистики: сб. статей / сост. Г.Я. Солганик. М., 2007.

Зевахина Т. С. Метафора мертвая и метафора живая: экспериментальный подход к паремиологии дунганского и китайского языков. // Материалы Международной конференции Диалог, 2002. // URL: <http://www.dialog21.ru/materials/archive.asp?id=7316&y=2002&vol=6077>

Земская Е. А. Введение // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). 2-е изд. М.: "Языки русской культуры", 2000, с.9-31.

Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). 2-е изд. М.: "Языки русской культуры", 2000, с.90-141.

Зинченко В. П. Живые метафоры смысла // Вопросы психологии. М., 2006, №5, с. 100 – 113.

Знаков В. В. Понимание как проблема психологии мышления. // Вопросы психологии. М., 1991, № 1.

Знеполски И. Новая пресса и переход. София, 1997.

Зубкова О. С. Специфика функционирования метафоры в индивидуальном лексиконе (на примере медицинской метафоры в разных видах дискурса). Дисс. канд. филол. наук. Курск, 2006.

Иванов А. В. Сознание и мышление. М., 1994

Иванов В. А. Культурная среда общеобразовательной школы как педагогическое явление: автореф. дисс. ... доктора пед. наук. Тамбов, 2006, 47с.

Иванов В. В. Низшая мифология. // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1988.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянская мифология. // http://www.upelsinka.com/Russian/mifology_slavyane.htm

Ильенков Э. В. Проблема идеального. // Вопросы философии. 1979, № 6, с. 128-140; № 7, с. 145 – 158.

Ильенков Э. В. Диалектика идеального. // Философско-литературный журнал Логос № 1(69), 2009, с. 3-62.

Ионин Л. Г. Социология культуры. М., 2004.

Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994.

Казак М. Ю., Шайдорова Ю. А. Феномен разговорности в языке газеты. М., 2009.

Какорина Е. В. Стилистический облик оппозиционной прессы. // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996.

Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2000.

Карасик В. И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX-XXI вв.: Человек и его дискурс: Сб. науч. трудов. М., 2003.

Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования. // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. / Под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2001, с. 75 – 79.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989.

Караулов Ю. Н. Этнокультурная и языковая ситуация в современной России: лингвистический и культурный плюрализм. Часть 1. // http://www.gramota.ru/mag_arch.html?id=106

Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США: 2000 г. Автореферат дисс...кфн. Екатеринбург, 2003.

Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. М., 1990, с. 33-43.

Керимов Р. Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе. Автореферат дисс. ... кфн. Барнаул, 2005.

Кессиди Ф. От мифа к логосу. Становление греческой философии. СПб., 2003.

Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания, 1994. № 5, с. 126-139.

Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дисс...дфн. в форме науч. докл. М., 2003, 90 с.

Кибрик А. А., Плунзян В. А. Функционализм // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2002, с. 276-339.

Кланицакова А. Ю. Метафора в структуре экономического дискурса: опыт комплексного исследования : Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2003, 181 с.

Клемперер В. ЛТИ: Язык Третьего рейха. М., 1998.

Клименова Ю. И. Интегрированный подход к исследованию метафоры // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. №96. СПб., 2009, с. 201-205.

Климова С. В. Социально-философские аспекты анализа архетипических функций дома // Интернет ресурс: <http://anthropology.ru/ru/texts/klimova/function.html>

Климова С. В. Дом и мир: проблема приватного и публичного. // Эстетика сегодня: состояние, перспективы. Материалы научной конференции. 20-21 октября 1999 г. Тезисы докладов и выступлений. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 1999, 101с.

Клушина Н. И. Мифологизация речевых средств в языке современной газеты. // Русская речь, 1996, кн.5.

Книга символов // URL: <http://www.symbolsbook.ru/>

Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры. // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. М., 2001, № 6.

Кобозева И. М. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ. // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.

Ковалева А. И. Социализация. // Энциклопедия гуманитарных наук. 2004, №1, 139-143.

Ковиова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект). Автореферат дисс... доктора филологических наук, М., 2009.

Колев Н. Българска етнография. // URL http://www.promacedonia.org/nk_etno/nk_6a.htm#2

Колесникова Э. В. Валентная структура слова: лингвистика и философия языка. // Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб, 2003, с.92-96 // URL: http://anthropology.ru/ru/texts/kolesnikova/kompar_22.html

Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. университета, 2000, 326 с.

Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004, 240 с.

Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.

Комлева И. Л. Принципы формирования русской компьютерной терминологии: Дис... к.ф.н. М., 2006.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 1999.

Косарев А. Ф. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость. М.; СПб., 2000. // <http://iformat.ru/ssylka/af-kosarev-filosofiya-mifa>

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб.: «Златоуст», 1999, 320с.

Коул М. Культурные механизмы развития. М., 1994. // URL:http://elib.org.ua/psychology/ua_show_archives.php?subaction=showfull&id=1107368272&archive=1120045935&start_from=&ucat=27&

Коул М. Культурно-историческая психология. М.: Когито-центр, 1997.

Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. ... Монография. М.: Диалог-МГУ, 1998, 352 с.

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002, 284 с.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность М.: ИТДГК «Гнозис», 2003, 373 с.

Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1997. № 3.

Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. М. : Наука, 1986, 156 с.

Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия АН, СЛЯ, т. 58, 1999, №6, с. 3-12.

Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике. Обзор. // Дискурс, речь, речевая деятельность. М., 2000, с. 7 – 25.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004, 560с.

Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики. / Вопросы когнитивной лингвистики. 2004а, №1, с. 6-17.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции языка. Екатеринбург. Омск, 1999.

Культурология. XX век. Энциклопедия. Главный редактор, составитель и автор проекта С.Я. Левит. Т.1. СПб.: Университетская книга; 000 “Алетейя”, 1998, 447 с.

Кулюткин Ю. Н. Психология обучения взрослых. М., 1985.

Кулиев Г. Г. Метафора и научное познание. Баку, 1987.

Куркина Л.В. К истокам славянской социальной терминологии. (Жилище и поселение как единицы социальной организации древних славян). // Славянское языкознание. XIV международный съезд славистов. Охрид 10-16 сентября 2008. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2008, с.322-341.

Кучумова А. С. Красный угол. Положение в пространстве (location) как семантический признак вещи (на материале фольклорных экспедиций СПбГУ 1998 - 2001 г., проводившихся на территории Вологодской области) // URL http://folk.ru/Survey/Reports/2001-2008/kuchumova_krasny_ugol.php

Ладыгина О. М. Культура мифа: Книга для учащихся. М.: Издательство НОУ «Полярная звезда», 2000. - 56с. // Библиотека журнала «Образование в современной школе». Серия «Культурология», Вып. 2.

Лакофф Дж. О порождающей семантике. // Новое в зарубежной лингвистике, вып. X, М., 1981.

Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988.

Лакофф Дж. Метафора и война, 1991.

Лакофф Дж. Когнитивная семантика. // Язык и интеллект. М., 1995.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. // Теория метафоры. М.: "Прогресс", 1990, с.387 – 415.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. Изд. 2. / Предисловие А.Н.Баранова. 2008, 256 с.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Лангаккер Р. В. Модель, основанная на языковом употреблении. // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1997, №4.

Лангаккер Р. В. Природа грамматической валентности // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1998, №5.

Латиня Э. А. Метафора в терминологии микроэлектроники: на материале англ.яз. // Метафора в языке и тексте. М., 1988, с.134-145.

Лассвелл Г. Язык власти. // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006, с. 264-279.

Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: Когнитивно-риторический анализ. Вильнюс, 1995.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-пресс, 1994.

Левин К. Теория поля в социальных науках. С-Пб.: Речь, 2000, 368 с.

Левин Ю. И. Семиотика советских лозунгов // Поэтика. Семиотика: Избр. труды. М., 1998.

Леви-Стросс К. Структура мифов. // Вопросы философии, 1970, № 7, с. 154 – 164.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001, 512с. // <http://culture.niv.ru/doc/anthropology/stross/index.htm>

Легурска П., Сираков А. Образна метафора (върху материал от славянските езици) // Съпоставително езиковедение, 1984, № 5, с. 5 - 13.

Легурска П. Семантичен анализ на вторичните значения на предметните имена, означаващи естествени и изкуствени предмети (оръдия, съдове, мебели, облекло, растения, животни, части на тялото). София, 1985.

Легурска П. Названия артефактов – метафорически характеристики човека в руском и болгарском языках // Болгарская русистика, 1985, № 3, с. 61 - 68.

Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М., 2005.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., Политиздат, 1975, 304с.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Лихачев Д. С. Экология культуры // Заметки о русском. М.: Советская Россия, 1984, с. 47 – 72.

Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Новый мир. №8, 1994, с.3-8.

Личность, культура, этнос. Современная психологическая антропология. / Ред. А.А.Белик. М.: Смысл, 2001, 556с.

Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.

Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Издательство политической литературы, 1991.

Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994.

Лосев А. Ф. Мифология // Большая советская энциклопедия. // <http://gatchina3000.ru/great-soviet-encyclopedia/bse/077/053.htm>

Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура. // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 308. Труды по знаковым системам - 6. Тарту, 1973. – С. 282-303.

Лохова С. К. Игра слов в политическом дискурсе : компьютерный анализ политической метафоры : Автореф. дис... к.ф.н. Москва, 2007.

Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М., 1976.

Люболинская В. Г. Кулинарная метафора в языке политической прессы современной Германии: структура, содержание, функции. Вестник Бурятского государственного университета. № 7, Иркутск, 2007, с.273-277.

Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспент пресс, 1997.

Мазиев Ю. М. К вопросу о понятии мифа в применении к языковой семантике // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. Язык и социальная среда. Воронеж: Изд-во ВГГУ, 2000, с. 51-59.

Маккоби М., Модино Н. О культуре общества и понимании эквивалентности // Исследование развития познавательной деятельности. М.: Педагогика, 1971.

Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М., 1990, с. 358 – 386.

Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга. М.: Академический проект, 2005, 496 с.

Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996.

Маковский М. М. Язык – миф – культура: Символы жизни и жизнь символов // ВЯ., 1997, №1, с.73 – 95.

Максименко Л. А. Космология в культуре: философско-антропологическое осмысление. Дисс. ... доктора философских наук. Омск, 2011, 390 с.

Малиновский Б. Роль мифа в жизни // Малиновский Б. Магия, наука, религия. М., 1998, с. 94 - 108.

Малюга Е.Н. Подходы к изучению вопросительных предложений в англо-американской прессе. М., 2001.

Манлихерова М. Медиите и элит /Взаимни влияния в периода 1995 – 2000/. // URL: http://www.mediaelite.org/gl_2_1_p09.htm

Манн Т. Собрание сочинений, т. 9, М., 1960.

Маранда П. Метаморфные метафоры. // От мифа к литературе. М., 1993.

Маринов Д. Народна вяра и религиозни народни обичаи. БАН, 1994.

Маслов С. Ю. Асимметрия познавательных механизмов и ее следствия // Семиотика и информатика. Вып. 20., М., 1982, с. 3-34.

Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001, 208 с.

Махницкая Е. Ю. Метафора в современном экономическом дискурсе и принципы ее лексикографического описания : Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2003.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: «Восточная литература» РАН, 2000.

Меркулов И. П. Научное познание: когнитивно-эволюционный ракурс. // Научный прогресс: когнитивный и социокультурный аспекты. / Отв. ред.: доктор философских наук И.П.Меркулов М., 1993, 197с.

Меркулов И. П. Когнитивные способности // РАН. Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 2005, 182с.

Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н.Телия. М.: Наука, 1988.

Метева-Русева Е. М. Предизборната реч през призмата на пресата. С., 2005.

Метева-Русева Е. Чуждото слово – начин на употреба от българските вестници. // Международна научна конференция „Състояние и развитие на медиите след промените от 1989 г. в страните

от Централна и Източна Европа“, София, 5-7 декември 2008 г. С., 2009. / URL: <http://bg.mondediplo.com/article426.html>

Миллер Дж. Образы и модели, уподобления и метафора // Теория метафоры. М., 1990, с. 236 – 281.

Минский М. Структура для представления знаний // Психология машинного зрения. М., 1978.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979, 152 с.

Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23., М., 1988.

Милюшев Ф. И. Социальная антропология (курс лекций). М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 1997, 192 с.

Мифология: Большой энциклопедический словарь. / Ред. Е.М. Мелетинский. М.: «Большая Российская энциклопедия», 1998.

Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, т.1, 1991.

Михеев В. А. Язык тоталитарного общества // Вестник АН СССР. № 8, 1991, с. 130-197.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп, 2007.

Моль А. Социодинамика культуры: Пер. с фр. / Предисл. Б.В.Бирюкова. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008, 416 с. // URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/mol_sociodinamika_cult-a.htm

Молчанова Г. Г. Некоторые языковые механизмы вариативной интерпретации действительности (эволюция метафоры – метафоры эволюции?) // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2002, №2

Москвин В. П. Русская метафора: параметры классификации. // Филологические науки. 2000, №2, с. 66 – 74.

Муране С. Н. Лексика военной сферы в постсоветском политическом дискурсе // Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения. СПб., 2001.

Муране С. Н. Лексика медицинской сферы в языке современной российской и латвийской прессы // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 8. Екатеринбург, 2002.

Муртазина Д. А. Метафора строительной лексики в категоризации и репрезентации действительности. Дисс. ...кфн. Казань, 2011, 207 с.

Мюллер М. От слова к вере // Мюллер М., Вундт В. От слова к вере. Миф и религия. М., СПб., 2002.

Найдорф М. Очерки европейского мифотворчества. Одесса: "Друк", 1999. // <http://www.countries.ru/library/mif/mifotv.htm>

Найсер У. Познание и реальность. М., 1981, с. 125 – 137.

Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины. // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. Моск. линг. ун-та. Вып. 426. М.: Изд-во Моск. линг. ун-та, 1996, с. 112-116.

Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.

Никипорец-Такигава Г. Ю. Языковая норма в постсоветской социокультурной ситуации // Язык. Сознание. Коммуникация. Сб. статей / Отв. ред. В.В.Красных, А.И.Изотов. Выпуск 26. М.: МАКС пресс, 2004, с.33-38.

Никитина С. Е., Кукушкина Е. Ю. Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах (опыт тезаурусного описания). М., 2000.

Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М., 1988.

Олешков М. Ю. Ментальность дискурсивно-речевого пространства (на примере фреймов дидактической ситуации) // Дискурс, культура, ментальность: коллективная монография / Отв. ред. М. Ю. Олешков. Серия «Язык и дискурс». Выпуск 3. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2011, с. 92-113.

Опарина Е. О. Исследования метафоры в последней трети XX века. // Лингвистические исследования в конце XX века. Сб. обзоров. М., 2000, с. 65-77.

Опарина Е. О., Сандомирская И. И. Фразеология и коллективная культурная идентичность // Profilowanie w języku i w tekście, Lublin, 1998, с.373-379.

Орлова Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994.

Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М., 1990, с. 68-81.

Ортони Э. Роль сходства в употреблении и метафоре // Теория метафоры. М., 1990, с.219 – 234.

Осипова О. С. Славянское языческое миропонимание (философское исследование). М., 2000.

Отечественная история в терминах и понятиях / Под ред. М.В.Зотовой, 2002. // URL: <http://interpretive.ru/dictionary>

Павиленис Р. И. Проблема смысла: Современный логико-функциональный анализ языка. М., 1983.

Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995.

Падучева Е. В. Метафора и ее родственники. // Сокровенные смыслы: Слово, Текст, Культура. М., 2004.

Панченко Н. Н. Манипулятивность политической рекламы // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации: Сб. науч. тр. Волгоград, 2001, с. 225-230.

Панченко А. М., Смирнов И. П. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и поэзии начала XX века // Труды отдела древнерусской литературы. Древнерусская литература и культура XIX-XX веков. Л., 1976.

Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. М., 1994.

Паршин П. Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века. // ВЯ. М., 1996, № 2, с. 19 – 42.

Паршин П. Б. Когнитивная лингвистика // "КРУГОСВЕТ" Энциклопедия, 2006.

Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.

Пашина Д. П. Основания мифа в культуре и миф как основание культуры // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича. Серия «Мыслители». Вып. 8. СПб., 2001.

Петров В. В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // ВЯ. М., 1988, №2, с. 39-48.

Петров В. В. Метафора: От семантических представлений к когнитивному анализу // ВЯ. М., 1990, № 3, с. 135-146.

Петров В. М. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск, 1985.

Петрова Ан. Езиковата метафора и балканската картина на света. Университетско издателство "Св.св. Кирил и Методий", Велико Търново, 2003.

Петрова М. Образ дома в фольклоре и мифе // Эстетика сегодня: состояние, перспективы. Материалы научной конференции. 20-21 октября 1999 г. Тезисы докладов и выступлений. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 1999, 101с.

Пиаже Ж. Психология интеллекта // Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969.

Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 1994.

Пивоев В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск: Карелия, 1991.

Пирирайнен Е. «Область метафорического отоображения» – метафора – метафорическая модель (на материале фразеологии западно-мюнстерландского диалекта) // ВЯ, 1997, №4, с. 92-100.

Питина С. А. Концепты мифологического мышления как оставляющая концептосферы национальной картины мира / Челябин. гос. ун-т., Челябинск, 2002, 191 с.

Плисецкая А. Д. Метафора как когнитивная модель в лингвистическом научном дискурсе: образная форма рациональности // Когнитивное моделирование в лингвистике. Материалы конференции. Варна, 2003.

Погребная Я. В. Актуальные проблемы современной мифопоэтики: учебное пособие. Изд-во: Флинта, 2011, 177 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.

Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2002, 61 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006, 226 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток - Запад, 2007, 314 с.

Попова З. Д., Стернин И. А., Карасик В. И., Кретов А.А., Пименов Е. А., Пименова М. В. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие / Отв. ред. М.В. Пименова. Серия «Концептуальные исследования. Выпуск 4. Кемерово: Комплекс «Графика», 146 с.

Порус В. Н. Метафора и рациональность // Русская антропологическая школа. Труды. Выпуск 2. М.: РГГУ, 2004, с. 341-352.

Потебня А. А. Слово и миф. М., 1989.

Привалова И. В. К определению понятия „языковые маркеры национально-культурного сознания” // Язык. Сознание. Коммуникация. Сб. статей / Отв. ред. В.В.Красных, А.И.Изотов. Выпуск 26. М.: МАКС пресс, 2004, с.91-97.

Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: КомКнига, 2006.

Психология. / URL: <http://www.effecton.ru/index.html>

Психологическая энциклопедия. // Мир словарей. 2000-2008 / URL: http://mirslovarei.com/psi_A/

Разова Е. Л. Дом. Экзистенциальное пространство человека. Vita Cogitans: Альманах молодых философов. Выпуск 1. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002, с.206-220.

Разинкина Н. С. Ностальгия по советской метафоре в современной газетной речи. // Саратовский МИОН. Ностальгия по советской метафоре / URL: <http://mion-journal.tomsk.ru>

Разумовский О. С. Инварианты и «фреймы» как объективные феномены и когнитивные конструкции. // URL: http://www.philosophy.nsc.ru/journals/philsience/8_00/05_Razum.htm

Ретюнских Л. Т. Философия игры. М., 2002, 256с.

Рикер П. Живая метафора // Теория метафоры. М., 1990, с. 435-455.

Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. М., 1990, с. 416 - 434.

Розозина И. В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: Дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.04. Барнаул, 2003, 430 с.

Розов М. А. Научное знание и механизмы социальной памяти. М., 1990.

Ромах О. В. Провинциальная культурная среда как фактор формирования досуга молодежи: дис... доктора философ. наук М., 1997.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 1998.

Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987

Рябцева Н. К. “Донаучные” научные образы // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990.

Сарна А. Визуальная метафора в дискурсе идеологии // URL: <http://viscult.by.com/article.php?id=555> - 2010

Свиренко О. А., Туманова О. С. Образ, символ, метафора в современной психотерапии. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2004, 270с.

Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993, с. 259-265.

Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М., 1988.

Серио П. Деревянный язык, чужой язык и свой язык. // Политическая лингвистика. №2 (25), 2008.

Серль Дж. Метафора // Теория метафоры. М. 1990, с. 307 – 341.

Сивков С. Л. Аспекты сопоставительно-типологического анализа языковой метафоры // Болгарская русистика, 2003, № 4, с. 67-74.

Симоненко М. А. Архитектурная метафора в языке и речи: дисс. ... кфн : 10.02.19. Курск, 2009, 196 с.

Скляревская Г. Н. Состояние современного русского языка: взгляд лексикографа // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Т.1. М., 1991.

Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993.

Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011, 256 с.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.

Смирнов А. А. Взаимоотношение образа и слова в развитии памяти. // Избр. Психологические труды. Т.1. М., 1987.

Снегирев И. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. Нижний Новгород, 1996.

Солганик Г. Я. К определению понятий "текст" и "медиа-текст" // Вестник Московского гос. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2005. №2, с. 7-15.

Солнцева-Накова Е. Языковые стереотипы, обеспечивающие автоматическую связь между мышлением и речью, восприятием и пониманием. // Съеставително езиковзнание, 2000, № 3.

Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000.

Средства массовой информации России: Учеб. пособие для студентов вузов / М. И. Алексеева, Л. Д. Болотова, Е. Л. Варгано ва и др.; Под ред. Я. Н. Засурского. М.: Аспект Пресс, 2006, 380 с.

Старева Л. Български магии и гадания. С.: Издателска къща Труд, 2007.

Староселец О. А. Экспериментальное исследование понимания метафоры-текст. Дисс ... кпн. Алтайский государственный университет, 1997.

Стахова Й. Значение метафоры в способе мышления и выражение в науке // Познание в социальном контексте. М., 1994, 174 с.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001, 990с.

Стоянова Е. В. К вопросу об антропоцентризме современной метафоры в языке российских массмедиа. // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Вып. 3. Шумен, 2004, с. 145 – 169.

Стоянова Е. В. Театральная метафора в политическом дискурсе (на материале языка российских и болгарских массмедиа). // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. Вып. 2. Шумен, 2006, с. 58 – 79.

Стоянова Е. В. «Мертвая» метафора современности. // Международный Симпозиум МАПРЯЛ «Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры». Пловдив, 2006-б, с.26 – 32.

Стоянова Е. В. Особенности процесса кодификации метафоры. // Годишник на ШУ, том 22, Шумен: УИ „Епископ Константин Преславски”, 2011, с.100-116.

Стоянова Е. В. К описанию концепта ‘медведь’ в русской лингвокультуре. // V Международная научная конференция Русский язык в языковом и культурном пространстве европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет. Варшава, 2012, с. 1312-1322.

Стоянова Е. В. К вопросу о функционировании метафоры в русских и болгарских медиатекстах // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения. СПб, 2012-а, с. 255-258.

Стрекалов С. А. Топология личности и ее жизненного пространства. // <http://www.wholeworld.ru/stati/topologiya-lichnosti-i-ee-zhiznennogo-prostranstva.html> - 10.02.2011

Сулимов В. А. Когнитивное описание языка и его культурологическая интерпретация: когнитивные трансформации // ФН, 2006, №1, с. 40 - 47.

Тард Г. Законы подражания (Les lois de l'imitation): Пер. с фр. СПб., IV, 1892, 370 с. // URL <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

Тейяр де Шарден П. Феномен человека / Пер. с франц. М.: Наука, 1987.

Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1989.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / Отв. ред. А.А.Уфимцева; АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1986.

Телия В. Н. Метафора как модель словопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и в тексте. М., 1988-а, с. 26 – 52.

Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира. // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988-б, с. 173- 204.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурный аспекты. М.: “Языки русской культуры”, 1996, 285 с.

Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983.

Тимофеева Н. П. Основы семантической трансформации устойчивых сочетаний при изменении сферы их употребления (на материале юридической и компьютерной терминологий русского и английского языков): Автореферат дис... к.ф.н. Саратов, 1997.

Тихомиров О. К., Знаков В. В. Мышление, знание и понимание // Вести. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1989, № 2.

Тодорова Е.К. Езикът на българската публицистика: 1944-1989: лингвостатистическо изследване. С.: Евтимов-Илинда, 1993, 128 с.

Токарев С. А., Мелетинский Е. М. Мифология. Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2-х т. - М. : Сов. энцикл., 1980, т. 1, А - К; 1982, т. 2, К - Я.

Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. М., 2002, №1 (3).

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Топорков А. Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие / URL <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm>

Топорков А. Л. Печь / Славянская мифология / URL <http://pagan.ru/slowar/p/pecher10.php>

Топоров В. Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2, М., 1980. с. 161 - 166. // <http://philologos.narod.ru/myth/modelmira.htm>

Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983, с. 227-284.

Топоров В. Н. К символике *окна* в мифопоэтической традиции // Балто-славянские исследования. М., 1984.

Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: «Прогресс», «Культура», 1995.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. М.: Языки славянской культуры, 2004, 816с., с. 55-119.

Тот С. Языковые явления в советской тоталитарной системе: Сборник статей по русистике. Vudai Julia, Jager Пона (zcerk). Вып.1, Zeget, 1998.

Тресиддер Дж. Словарь символов. / Пер. с англ. С.Палько. М., 1999.

Уилбер К. Никаких границ. М., 1998.

Уилрайт Ф. Метафора и реальность. // Теория метафоры. М., 1990, с. 82-109.

Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Интернет-ресурсы <http://kant.narod.ru/whorf.htm>.

Уорф Б.Л. Наука и языкознание // Зарубежная лингвистика. I: Пер. с англ. / Общ. ред. В.А.Звегинцева и Н.С.Чемоданова. М.: Издательская группа «Прогресс», 1999.

Урысон Е. В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // ВЯ. М., 1998, № 2, с. 3-21.

Усачева В. В. Магия слова и действий в народной культуре славян. М., Институт славяноведения РАН, 2008, 368 с.

Успенский Б. А. Поэтика композиции. М., 1970.

Успенский Б. А. Избранные труды: т. 2. Язык и культура. М.: «Гнозис», 1994, 688с. / URL: <http://bookre.org/reader?file=723685&pg=2>

Феденева Ю. Б. Функции метафоры в политической речи // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. Екатеринбург, 1997.

Феденева Ю. Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.

Феденева Ю. Б. Метафорическое моделирование в агитационно-политических текстах // Многозначность в лексике современного русского языка. / Под ред. А.П.Чудинова. Екатеринбург, 1999, с. 304-355.

Федосеев А. А. Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе (на материале русского языка). Дис...к.ф.н. Иркутск, 2003, 170 с.

Феллер В. Введение в историческую антропологию. М., 2004 // URL: http://gosprav.ru/feller_antropology

Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л.Филлипс, М. Йоргенсен. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004, 336с.

Филлмор Ч. Д. Фреймы и семантика их понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988, с. 52-92.

Финк Э. Основные феномены человеческого бытия / Перевод с нем. А. Гараджи // URL: <http://library.irkutsk.ru/filosof/fink/fenomeny.txt.htm>

Фрейд З. Введение в психоанализ. М.:Наука, 1991.

Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992, 296с.

Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Наука, ГРВЛ, 1978.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1980.

Хайрулина Р. Х. Картина мира во фразеологии. АДД. М., 1997, 31с.

Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. / Пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; Коммент. Д. Э. Харитоновича М.: Прогресс-Традиция, 1997.

Химик В. В. Национальная идея и русский язык. // Политическая лингвистика. Вып. 3(26). Екатеринбург, 2008, с. 9-16.

Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. // URL: http://psychology.vuzlib.net/book_o304_page_10.html

Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во Московского университета, 1972, 126 с.

Хорошильцева Н. А. Гендерная метафора в современной культуре. Автореферат дисс ... кфн. Ставрополь, 2001.

Хюбнер К. Истина мифа. Пер. с нем. М.: Республика, 1996, 448 с. (Мыслители XX века). / URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Hubn/index.php

Цивьян Т. В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок). // Труды по знаковым системам. Гарту, 1978.

Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

Цонева Л. Баницата като метафора (Кулинарната метафора в българската публицистика) // Проглас, 2007, кн.1, с. 156- 165.

Цонева Л. М. Българската кулинарна метафора като средство за концептуално осмисляне на света // ВІСНИК Луганського національного університету імені Тараса Шевченка, № 13 (152), Липень, Луганск, 2008, с. 209 – 215.

Цонева Л. Българската политическа метафора. В.Търново: издат. "ИВИС", 2012-а, 258 с.

Цонева Л. Думата криза в медийния дискурс (българско-руски паралели). В.Търново: изд-во "ИВИС", 2012-б.

Цурикова Л. В. Проблемы когнитивного анализа дискурса в современной лингвистике // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманит. науки. 2001, №2, с. 128-157.

Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983.

Ченки А. История отдельных направлений лингвистики // ВЯ, 1996, № 2, с. 68-78.

Черниговская Т. В. Зеркальный мозг, концепты и язык: цена антропогенеза // Физиологический журнал им. И.М.Сеченова. т.92, №1, СПб, 2006, с. 84-99.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1999; т.1, 624с.; т.2, 560с.

Чернякова М. В. Манипулятивный потенциал концептуальной метафоры в российском и американском политическом нарративе, посвященном войне в Ираке 2003-2004 гг. Диссертация ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007, 249с.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001, 238с. / URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm#510>

Чудинов А. П. Динамика моделей концептуальной метафоры // Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения. СПб., 2001-а.

Чудинов А. П. Метафорическая реконцептуализация политической реальности // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Челябинск, 2001-б.

Чудинов А. П. Метафорическое моделирование в политическом нарративе «Российские выборы на рубеже веков» // *Respectus philologicus* 2(7), 2002.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. II, Екатеринбург, 2003.

Чудинов А. П. Российская политическая метафора в начале XXI века. // Политическая лингвистика. Вып. 1(24). Екатеринбург, 2008, с. 86-93.

Шаклеин В. М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. М., 1997.

Шаклеин В. М. Религиозный фактор в социокультуре русского общества // “Вестник ЦМО МГУ”, Часть 2. “Русский язык: лингвистические исследования”. М., 1998, №1.

Шаклеин В. М. Этноязыковое видение мира как составляющая лингвокультурной ситуации. // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001, №1.

Шаклеин В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации. Москва: Флинта, 2012, 306с.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., Волгоград, 2000.

Шехтман Н. Г. Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе: Дисс... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005, 218с.

Шишова Н.В., Акулич Т.В., Бойко М.И., Власова А.М., Дружба О.В., Новиков А.Ю., Рамих В.А., Ушкалов В.А. История и культурология. Изд-е 2-ое, переработанное и дополненное. Уч. пособие. Логос, 2000.

Шлегель Ф. Философия языка и слова // Эстетика, философия, критика. М.: Искусство, 1983.

Шмелев А. Д. Эволюция русской языковой картины мира в советскую и постсоветскую эпоху // Советское прошлое и культура настоящего: В 2 т. Т. 2. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009, с. 171-185.

Шмелева Т. В. Морбиальная оптика // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 7. Екатеринбург, 2001.

Шпенглер О. «Закат Европы» // URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/shpngl04.htm>

Штаерман Е. М. Янус. // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2.

Шудегова Е. А. Милитарная метафора в российском и американском политическом дискурсе // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 8. Екатеринбург, 2002.

Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2000.

Энциклопедический словарь: Психология труда, управления, инженерная психология и эргономика / сост. Душков Б.А., Королев А.В., Смирнов Б.А., 2005. / URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/896/>

Энциклопедия культур // URL: <http://www.ec-dejavu.net/main.html>

Энциклопедия мифологии // URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_myphology/

Этимологический словарь русского языка М. Р. Фасмера. М.: Прогресс, 1964-1973 / URL: <http://www.slovopedia.com/22/192-0.html> // <http://enc-dic.com/fasmer>

Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991.

Юнг К.Г. О психологии бессознательного // Собр. соч. Психология бессознательного. М., Киев, 1994, 189 с.

Юнг К. Г. «Воспоминания, сновидения, размышления». Мн.: ООО «Харвест», 2003.

Юнг К. Г. Словарь терминов. / URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Yung/SI_Term.php

Язык и культура: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. (Отв. ред. Е.О. Опарина) М., 1999.

Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Выпуск 7. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009, 448с.

Якобсон Р. О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., 1990, с. 110-132.

Яковлева Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова, 1998, №3, с. 43 – 73.

Ясперс К. Общая психопатология. М., «Практика», 1997. // http://www.koob.ru/jaspers_karl/common_psychopathology.

Anderson R. D. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and Transformation of Russian Politics. // URL: <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/Metaphor13.ht>

Anderson R. D. The Discursive Origins of Russian Democratic Politics // Anderson R.D., Jr., Fish M.S., Hanson S.E., Roeder P.G. Postcommunism and the Theory of Democracy. Princeton: Princeton University Press, 2001 // URL: <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/Anderson/AFHRChapter.htm>

Arnold T. The Symbols of Government. New York: Harcourt, Brace & World, 1962.

Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches // G. Ragazzini, D.R.B.P. Miller eds. Campaign language: Language, image, myth in the U.S. Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985.

Berry J. Human ecology and cultural style. N. Y.; Sage-Halstead, 1976.

Bruner J., Olver R.R., P. M. Greenfield, et al. Studies in Cognitive Growth: a collaboration at the Center of Cognitive Studies, N.Y.: John Wiley & Sons, Inc., 1966.

Chilton P., Ilyin M. Metaphor in political discourse : the case of the 'common European house' // Discourse and society. Vol. 4(1). London, 1993.

Cooper D. Metaphor. Aristotelian Society, vol.5, Oxford, Basil Blackwell, 1986, 282p.

Croft W. Syntactic categories and grammatical relations: The Cognitive Organisation of Information. Chicago, London, 1991.

Chyliński M., Russ-Mohl S. Dziennikarstwo. Warszawa, 2008.

D'Andrade R. Three scientific world views and the covering law model // D. Fiske, R. A. Shweder (ed.) Metatheory in the social sciences. Chicago: University of Chicago Press, 1986.

De Landsheer C. The political rhetoric of a United Europe // Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere / Ed. by O.Feldman. New York, 1998.

Dijk T.A. van Discourse as Social Interaction. London; Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publication, 1997.

Fauconnier G. Mental Spaces. New York, 1994.

Hellsten I. Door to Europe or Outpost towards Russia? Political metaphors in Finnish EU journalism // Journalism at the Crossroads: Perspectives on Research / ed. J. Koivisto, E. Lauk. Tartu, 1997.

Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs NJ: Prentice Hall, 1967.

Gibbs R. Metaphor and culture / R.W.Gibbs, Jr. // Metaphor in Cognitive Linguistics: Selected Papers from the Fifth International Cognitive Linguistics Conference. - Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997, p.147-160.

Głowiński M. Nowomowa po polsku. Warszawa, 1991.

Glucksberg S., Keysar B. Understanding metaphorical comparisons: Beyond similarity // Psychol. Rev. 1990. V. 97. № 1, p. 3 – 18.

Hobbs J. Metaphor, metaphor schemata, and selective inferencing // Technical Note № 204, SRI International, Cambridge Computer Science Research, Menlo Park, California, 1979.

Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning Imagination and Reason. Chicago, London: University of Chicago Press, 1987, p. 233.

Ilyenkov E. V. The problem of the ideal. // Philosophy in the USSR: Problems of dialectical materialism. Moscow: Progress, 1977.

Keller R.A Theory of Linguistic Sign. Oxford, 1998.

Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind, 1987.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980, 242 p.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. N.Y.: Perseus Books. 1999.

Langacker R. Foundations of cognitive grammar. Stanford: Stanford University Press. Vol. 1: Theoretical Prerequisites, 1987, 516 p.

Lasswell H. World Politics and Personal Insecurity. New York: Free Press, 1965.

Luria A. R. The problem of the cultural development of the child // Journal of Genetic Psychology, 1928. № 35, p. 493-506.

McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1962.

Minsky M. A Framework for Representing knowledge in The Psychology of Computer Vision, P.H.Winston (ed.), McGraw-Hill, 1975.

Parsons T. Social Systems and the Evolution of Action Theory. N.Y.; L., 1977.

Pinker St. The Language Instinct The language instinct. New York:William Morrow & Company, 1994.

Poulet B. Śmierć gazet i przyszłość informacji. Wołowiec, 2011.

Quine W. O. Natural kinds. // Naming, necessity and natural kinds. Ithaca - London, 1977.

Rosh E. Cognitiv representation of semantic categories // Journal of Experimental Psychology. № 404, 1975.

Rorty R. Philosophy as science, as metaphor, and as politics. Cambridge, Philo-sophical papers, 1995, vol. 2, p.14.

Taylor, P.A., Harris, J.L. Critical theories of mass-media: then and now. L.: Open University Press, 2008.

Wartofsky M. Models. Dordrecht: D. Reidel, 1979.

Wierzbinski J. Языковой монументализм в России XX века (диахроническая экспликация научных парадигм). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2012.

White L. On the use of tools by primates // J. Comparative Psychology. 1942. № 34, p. 369-374.

Zinken J. Ideological Imagination: Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse // Discourse and Society. 2003. Vol. 14. №4.

Zipes J. Breaking the magic spell. Radical theories of folk and fairy tales. NY., 1992.

Список используемых сокращений:

КСКТ	Краткий словарь когнитивных терминов
ЛКС	Лингвокультурная ситуация
М-модель	Метафорическая модель
РБФС	Русско-болгарский фразеологический словарь
ТС	Толковый словарь
ФЕ	Фразеологическая единица
ЭС	Энциклопедический словарь
ЭСФ	Этимологический словарь Фасмера